Екатерина Великая. Биография

Гина Каус

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

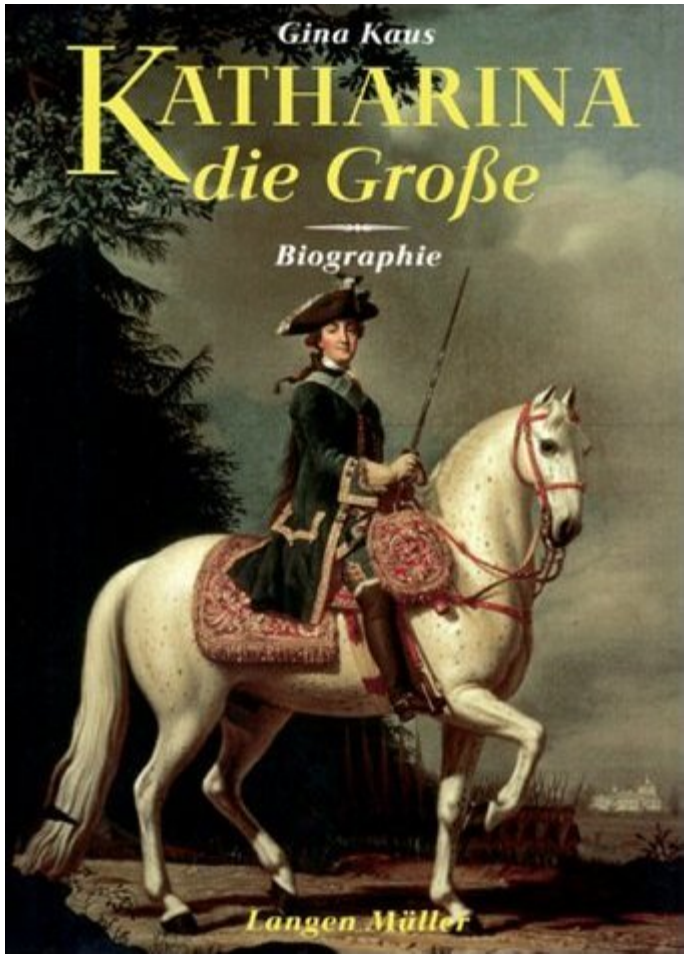
Katharina die Große (*Catherine the Great*) (1935)

У вас в руках – наконец-то нормально изданная знаменитая биография великой Екатерины II, которая еще 70 лет назад была напечатана русскими эмигрантами в Риге и с тех пор ксерокопировалась в сотнях и тысячах экземпляров как непревзойденный образец биографического жанра: в ней сказано все.

Использован подвергнутый стилистической правке перевод с немецкого В.Златогорского, опубликованный в 1930-х годах в Риге русским эмигрантским издательством "Dzive un kultura".

Об авторе: *Гина Каус (21.10.1893 – 23.12.1985), урожденная Регина Винер — австро-американская писательница, сценарист.*

-
- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
- Глава I. Совершенно обычное явление
- Глава II. Великие смотрины
- Глава III. Царица Елизавета
- Глава IV. Только поскорее!!!
- Глава V. Одиночество
- Глава VI. Один ребенок, две матери и ни одного отца
- Глава VII. Великий Князь и Великая Княгиня
- Глава VIII. Судьба свершается
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- Глава IX. Повелительница
- Глава X. Иоанн
- Глава XI. Привидения Петра III
- Глава XII. Потемкин
- Глава XIII. Непреодоленный противник


Gina Kaus
KATHARINA
die Große
Biographie
Langen Müller

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Совершенно обычное явление

Человеческому разуму присуще задаваться вопросом о происхождении всякого исследуемого им явления, всякого феномена, которым он восхищается. Он хочет во что бы то ни стало уяснить себе, откуда данное явление взялось. Откуда берется молния, гром? Приливы и отливы? Индивидуальность и гений?

Последний вопрос сравнительно решался в те времена, когда наука еще смотрела на человеческую душу как на нечто, лежащее вне ее компетенции, и, благоговейно содрогаясь, чтила во всякой неповторяемой человеческой личности проявление Божественного начала. Но если каждый человек есть дитя своих родителей и только – в таком случае всё, что он собой представляет, можно, очевидно, найти у его родителей, и становится понятным, почему исследователь, сталкивающийся с незаурядной личностью, старательно изучает ряды ее предков, тщательно собирает, кусочек по кусочку, все то наследственное имущество, из которого данная личность, так сказать, создалась.

Среди крупных исторических личностей, разительно демонстрирующих всю тщету подобных профессорских изысканий, одной из характернейших является личность Екатерины Великой. Ни положительные, ни отрицательные ее качества, ни величие ее духа, ни безудержность ее темперамента не свидетельствуют о том, что она дитя своих родителей. Ни одна из многочисленных черт ее натуры – ни ее властолюбие, ни ее терпимость, ни ее отчаянная смелость, ни ее мудрость, ни ее великодушие, ни ее беспощадность, менее же всего ее гениальность и ее порочность – не могут быть найдены у кого-либо из ее предков.

Еще при жизни людям было не под силу установить связь между Северной Семирамидой и той маленькой Ангальт-Цербстской принцессой, в качестве каковой она появилась на свет Божий. Русская придворная сплетня считала ее отцом графа И.И.Бецкого – на том единственном основании, что этот граф Бецкий провел свои молодые годы при Цербстском дворе, а на старости, пребывая при русском дворе, пользовался особым уважением и благосклонностью Екатерины, относившейся чрезвычайно снисходительно к его многочисленным неприятным капризам. Происхождение от Бецкого, отнюдь не являвшегося выдающимся человеком, ни в какой степени не объяснило бы

характера гениальной Екатерины. Оно могло бы разве только служить подтверждением наследственности ее порочности. Если Бецкий и впрямь был отцом Екатерины, то это значило бы, что ее мать, в первые же месяцы после своего выхода замуж и едва достигнув шестнадцатилетнего возраста, уже изменила своему мужу. В этом случае хоть одна черта многогранного характера Екатерины получила бы весьма тривиальное объяснение.

Гораздо более удовлетворительным разрешением вопроса "откуда?" является другая легенда, которая оживленно обсуждалась в середине прошлого века: легенда, согласно которой действительным отцом Екатерины являлся не кто иной, как прусский король Фридрих II. Принц де Линь упоминает об этой легенде в своих мемуарах. В одном из писем, адресованных саксонским посланником в Париж графу Сакену, о таком происхождении Екатерины упоминается как о бесспорном факте, а германский историк Сунгенгейм, отнюдь не являющийся легкомысленным сплетником, серьезно считается с этой гипотезой. Надо сознаться, что она представляется очень соблазнительной. Прежде всего она, несомненно, правдоподобна. Фридрих, в ту пору еще недовольный своей судьбой наследник престола, часто гостил в соответствующее время в Дорнбурге, где, по всем вероятиям, бывала и мать Екатерины. О частых, особенно же интимных встречах этих лиц ничего, впрочем, не известно. Но многие же, главным образом немцы, утверждают, что Екатерина обязана своими редкими удачами преимущественно стараниям Фридриха, а русские историки называют мать Екатерины "шпионкой на службе Фридриха Прусского". А как легко было бы объяснить гениальность Екатерины происхождением ее от гениального Фридриха! Это воистину красивая и заманчивая гипотеза, обладающая только одним существенным недостатком: отсутствием какой бы то ни было исторической основы. Не существует ни малейшего документа, который перенес бы эту красивую гипотезу из области возможного в область вероятного. Интерес, проявлявшийся Фридрихом по отношению к Екатерине, и интерес, проявлявшийся ее матерью по отношению к Фридриху, имели совершенно иные основания, отнюдь не романтического свойства, и о них в дальнейшем изложении будет еще немало речи.

Хочешь не хочешь, а приходится примириться с тем фактом, что отцом Екатерины действительно был именно невзрачный и незначительный князь Христиан-Август Ангальт-Цербстский из боковой линии фамилии Цербст-Дорнбург, один из тех маленьких владетельных князьков, которых насчитывалось в ту пору в Германии дюжины.

Христиан-Август ничем не отличался от прочих представителей своего рода, который может быть прослежен до пятнадцатого века. Подобно всем своим сородичам, Христиан-Август был посредственным "юнкером" без особых достоинств или пороков, отличавшимся средним честолюбием и искренней, непретенциозной религиозностью. Как и большинство этих юнкеров, он принимал в молодости участие в ряде походов, был хорошим солдатом, добросовестно и верно исполнявшим свои обязанности, не прославившись когда-нибудь особым подвигом. Ничто не задерживает и ничто не ускоряет предначертанной карьеры верного и храброго вассала прусского короля Фридриха-Вильгельма. На тридцать втором году жизни его производят в генерал-майоры и назначают командиром 8-го Ангальт-Цербстского пехотного полка, квартирующего в Штеттине, а вскоре затем и губернатором этого города. Он пользуется благосклонным расположением своего сюзерена, имеет не слишком богатый, но все же вполне приличный доход от своего маленького княжества, женится на принцессе соответствующего ранга и становится примерным супругом и не менее примерным отцом. Его жена Иоганна-Елизавета представляет собой несколько более сложный характер, что, впрочем, выясняется лишь впоследствии, так как в момент заключения брака ей едва минуло шестнадцать лет. Она четвертая дочь князя Гольштейн-Готторпского и воспитывалась при дворе своего дяди, владетельного князя Брауншвейга. В ту пору Брауншвейгский двор являлся самым значительным в Германии, он был гораздо пышнее и претенциознее, чем Берлинский двор скупого короля Фридриха-Вильгельма. Но Иоганна-Елизавета играла при этом дворе роль только бедной родственницы. Знатная родня – вот весь ее капитал, но она умеет использовать этот капитал и высоко его ценит. Она отличается необычайной фамильной гордостью и посвящает большую часть своего времени поддержанию родственных связей посредством корреспонденции и разъездов с визитами.

С русским царствующим домом ее соединяют двоякого рода (и в обоих случаях несчастные) семейные связи. Ее кузен Фридрих Голштинский женился на младшей дочери Петра Великого Анне и вскоре после появления на свет Божий сына Петра-Ульриха похоронил свою супругу. Родной же брат Иоганны-Елизаветы был женихом царевны Елизаветы, но умер в Петербурге от оспы за несколько дней до свадьбы.

Через полтора года после своей свадьбы с Христианом-Августом, а именно 21 апреля 1729 г., Иоганна-Елизавета приносит ему дочь, которую нарекают, в честь ее трех

здравствующих теток, Софией-Августой-Фредерикой. Как это ни странно, но о рождении этого ребенка не сохранилось никаких документов. Ни в одном из церковноприходских реестров Штеттина мы не находим записи о рождении и крещении маленькой принцессы. Нет ли и впрямь какой-либо тайны связанной с этим рождением? Вернее всего мы тут имеем дело с простой оплошностью мелкого чиновника, который не мог и подозревать, что та девочка, имя которой он позабыл вписать в реестр, окажется впоследствии русской императрицей. Впрочем, и сама носительница этих трех немецких имен почти о них позабыла. Достигнув шестнадцати лет от роду, она получила то имя, под которым вошла навеки в историю – Екатерина.

* * *

Появление на свет Божий Екатерины явилось жестоким разочарованием для ее родителей, мечтавших о сыне. Это совершенно понятно: из сыновей выходят солдаты, а для солдат в то время всегда можно было найти применение. Ну, а забота о дочерях является тяжким крестом для бедных благородных семей. Перенесенное разочарование, очевидно, не скоро изгладилось. Во всяком случае, нежеланная дочь о нем узнала и еще сорока двумя годами позднее начинает свои мемуары словами:

"Мое рождение не особенно радостно приветствовалось". Здесь чувствуется упрек по адресу родителей. "Сравнительно более удовлетворен был отец", – продолжает мемуаристка, и в этих словах ощущается особый укор по адресу матери.

Этот укор вполне справедлив: Иоганна-Елизавета обнаруживает и впрямь с самого начала какое-то почти патологическое отсутствие любви к перворожденной дочери. Сведем воедино все обстоятельства, служащие к ее оправданию. Прежде всего мать еще и сама слишком молода, ей едва минуло семнадцать лет, когда она родила дочку. У нее еще собственные, не осуществившиеся требования. С брауншвейгских времен она привыкла к роскоши и развлечениям, жизнь в маленьком провинциальном Штеттине, равно как и при крохотном Цербстском дворе, кажется ей грустной и скучной. Доходы от княжества очень невелики, а Христиан-Август отличается к тому же строгой бережливостью, в то время как его молодая супруга тяготеет по преимуществу к таким вещам, которые можно достать только за деньги. Приспособление к вдвое старшему супругу, приспособление живой, темпераментной и поверхностной молодой женщины к пуритански настроенному, скупому на слова

солдату потребовало, должно быть, нескольких лет, и как раз в эти-то годы рождается ребенок, приковывает мать на несколько месяцев к одру болезни, и к тому еще этот ребенок оказывается девочкой.

Говорят, будто материнская любовь возникает с первым криком новорожденного с неизбежностью физического явления. Это не более как благочестивая легенда. Иоганна-Елизавета это доказала. Она не была подготовлена к своему материнству, когда носила Софию во чреве, она не испытывает никаких материнских чувств к своему ребенку ни непосредственно после родов, ни впоследствии. Она его не кормит, не ласкает, не возится с ним. Ребенок остается для нее каким-то чуждым, чуть ли не враждебным существом. С самого начала она его сторонится, сдает на руки мамки, потом от одной гувернантки к другой, редко разговаривает с Софией, и если говорит с нею, то только для того, чтобы сделать какое-нибудь замечание, упрекнуть в чем-нибудь.

О тех смешанных чувствах, с которыми встретили ее появление на свет Божий родители, София, конечно, могла узнать только по чужим рассказам. Но собственными глазами она видит двумя годами позднее ту безграничную радость, которую проявляют отец и мать при рождении первого сына. Ее первое и решающее детское переживание – озлобление по поводу незаслуженного отодвигания на задний план по сравнению с братом.

Совершенно естественно, что София начинает ненавидеть этого брата, неосновательно пользующегося привилегированным положением. В ее воспоминаниях о годах детства мы не находим ни малейшего признака привязанности к нему. В своих мемуарах она только его смерти (он умер тринадцати лет от роду) посвящает несколько поражающих бездушной холодностью строк.

Каждый раз, когда Екатерина рассказывает впоследствии о своем детстве, она это делает с гордостью миллионера, повествующего о рваных ботинках, в которых ему некогда приходилось посещать школу. Она рассказывает о скромных условиях жизни при Цербстском дворе, об узости воззрений своей семьи, о скудоумии учителей. Но никогда не упоминает она с любовью о своем детстве, никогда не говорит с тоской о навеки ушедшем счастье детских лет, потому что никогда его и не знала.

Ей не хватало родительской нежности. Потребность в нежности является основным, элементарным движением человеческой души, подобно тому, как потребность в пище и воздухе является основным, примитивнейшим побуждением тела. София страдает вечно неудовлетворенной жаждой любви еще

задолго до того, как оказывается способной формулировать это свое ощущение словами, и эта жажда будет ее мучить всю ее жизнь, сколько бы любви ни выпало ей на долю. Эта жажда неутолима. Начавшись задолго до пробуждения в Екатерине женщины, она навсегда осталась с нею и привела к тому, что даже став беззубой старухой, на самом пороге смерти, она ищет любви, одной только любви и хватается за эту любовь всюду, где может ее найти.

Своему отцу она простила недостаток нежности. С течением времени она начинает понимать, что за его простой солдатской грубостью, за его стыдливой сдержанностью скрывается истинное чувство. Но важнее всего, что Христиан-Август справедливый человек, а справедливость дети умеют особенно ценить.

– Я никогда не встречала более честного – как в смысле принципов, так и в отношении поступков, – человека, – пишет она уже в то время, когда знала десятки людей, стоявших несравненно выше ее отца. Она понимает, что отец поглощен службой, что официальная деятельность оставляет ему недостаточно свободного времени для того, чтобы он мог заняться детьми. Но то небольшое количество внимания, которое он может посвятить своим детям, он по крайней мере распределяет равномерно. Мать же несправедлива. У матери есть время – но только для сына. Мать умеет быть ласковой, нежной, умеет баловать – но только по отношению к сыну. Для Софии у нее есть лишь несколько нетерпеливых слов, придирчивых замечаний, выговоров, торопливых пощечин.

Где причина этой странной несправедливости, чем объясняются эти каждодневные обиды, эти отодвигания на задний план? Этого мы не знаем. По общим отзывам, София была красивым, умным, правда, изрядно распущенным, но очень восприимчивым к ласковым уговорам Ребенком. Может быть, все же существует какая-то мучительная тайна, о которой мать невольно вспоминает при виде своей дочери? Мы еще раз можем повторить, что нет ни одного веского аргумента, говорящего в пользу подобного предположения. Нет никакого другого явного, ощутимого мотива поведения матери, кроме того обстоятельства, что София только девочка, а брат ее – мальчик. Это, во всяком случае, единственная известная Софии мотивировка, но подносится ей эта мотивировка изо дня в день. Этот мотив является тем таинственным законом, под влиянием которого кристаллизуется ее характер, тем чужеродным телом, вокруг которого вырастает жемчужина: она только девочка! Но она здоровая, крепкая девочка со здоровым, ясным умом и таким запасом силы воли, о котором ни сама она, ни кто-либо из

окружающих и не догадывается. Ее несправедливо бранят, унижают, ставят в угол, а в ней тайно зреет упрямое вызывающее отношение к матери, к судьбе, к природе: она хочет стать мужчиной, быть равнозначащей мужчине, начать представлять собою нечто большее, чем мужчина.

Больше, чем мужчина! Вот первичная, быть может, даже неосознанная, но проводимая с железной неуклонностью до самой смерти линия поведения этой единственной в своем роде женской индивидуальности.

* * *

– Меня воспитывали так, чтобы иметь возможность выдать меня замуж за какого-нибудь из соседних маленьких князьков, – говаривала Екатерина впоследствии при подходящих случаях. Это само собой разумеется. Для какой же иной цели можно было ее воспитывать? Больших дворов в Европе очень немного, и женихи, принадлежащие к их составу, могут выбирать себе невест среди многочисленных принцесс. Кроме того, при таком выборе руководствуются по преимуществу политическими соображениями, а трудно предположить, чтобы кто-либо из членов европейских владетельных династий мог иметь политический интерес связаться родственными узами с Цербстским двором.

Для того чтобы надлежащим образом выполнять функции супруги маленького немецкого владетельного князя, принцесса восемнадцатого века должна была в первую очередь уметь болтать и писать по-французски, так как немецкий язык считался в ту пору в Германии некрасивым и вульгарным. Затем немножко танцев, немножко музыки, почтительное отношение к морали и религии, беспретенциозный скромный характер – вот идеал воспитанности для маленькой Софии.

Девочку поручают заботам французской эмигрантки Бабеты Кардель. Это единственный из окружавших ее в детстве человек, о котором Екатерина сохранила теплое и благодарное воспоминание. "Она обладала душевным благородством, образованием, прекрасным сердцем, была терпелива, нежна, весела, справедлива, настойчива – словом, всем детям можно пожелать иметь такую воспитательницу".

Не важно, отличалась ли Бабета Кардель в действительности всеми этими качествами, или же София в своих суждениях о ней руководствовалась желанием подчеркнуть ее достоинства в противовес недостаткам матери. Факт тот, что она возмещает

ребенку все то, чего ему не давала мать, посвящает ему свое время, свое внимание и создает благотворную атмосферу теплого крылышка. Уже спустя несколько недель недоверчивый ребенок перестает сопротивляться, забывает свое упрямство и капризы, отбрасывает свою скрытность и замкнутость, дает свободу своей привязчивой, здоровой, веселой и благодарной натуре. Пусть не доказано, что Бабета Кардель действительно знала наизусть все пьесы Расина и Мольера, что это она внушила Софии любовь к чтению, любовь, которая сыграла такую огромную роль в дальнейшем самовоспитании молодой девушки. Гораздо важнее тот бесспорный факт, что она водит маленькую принцессу гулять в городской сад и позволяет ей там играть с детьми простых обывателей.

Остальные воспитатели принцессы не блещут ни глубиной своих познаний, ни своими педагогическими талантами. Преподаватель чистописания рисует ей карандашом буквы, которые она должна обводить чернилами, а учитель танцев заставляет ее проделывать всякие сложные па и приседания. С течением времени ей все же удается обучиться и письму, и танцу. По отношению к музыке она невосприимчива, до самого конца ее дней музыка остается для нее "удручающим шумом". С пастором, преподающим ей катехизис, девочка вступает в оживленные дебаты и если даже не говорит ему всего того, что охотно сказала бы впоследствии вольтерианка-Екатерина, то все же возражает почтенному представителю духовенства с такой настойчивостью, что мадемуазель Кардель бранит ее за дерзость, за "esprit gauche".

Только в одном отношении Иоганна-Елизавета берет воспитание своей дочери в собственные руки: хоть скромность отнюдь не принадлежит к числу ее личных добродетелей, она особенно озабочена тем, чтобы развить именно эту добродетель у маленькой Софии. Ребенку с малых лет внушается, что она отталкивающе некрасива. Девочке воспрещается высказывать собственное мнение, не будучи о том спрошенной. Она должна выходить навстречу всем посещающим дом гостям и почтительно целовать край их платья. Это тем более странно, что Цербстский двор вовсе не принадлежал к числу особо церемонных, а даже при тех дворах, где соблюдается строжайший этикет, принцесс не заставляют так унижаться перед посетительницами низшего звания. Мы тут имеем дело, очевидно, просто с капризом властолюбивой Иоганны-Елизаветы и ее желанием подавить темпераментную смышленую девочку, "выбить из нее гордыню".

Что касается гордости девочки, дело обстоит совсем особым образом. Она сидит в ребенке до того глубоко, так неразрывно связана с его нерушимым сознанием собственной силы, что

девочка никогда и не помышляет о своей гордости, никогда ее не обнаруживает; иногда просто кажется, что она ею вовсе не обладает. Без открытого протеста подчиняется она всем требованиям своей матери, целует пыльные шлейфы дам и даже собственную мать неизменно встречает проявлением чувства униженной преданности. Можно подумать, что мы имеем в данном случае дело со слабоволием, беспомощностью, но впоследствии выяснится, что это просто известный метод поведения, метод, которому Екатерина остается верна на протяжении всей своей жизни, даже в дни наибольшей славы. Позднее она будет применять этот метод умышленно и во всех тех случаях, когда будет вполне убеждена в своем несравненном преимуществе. Кротость, приниженность, уступчивость будут ее самым действенным оружием в борьбе с личными недругами.

Именно теперь, семи– или восьмилетним ребенком, в повседневной партизанской войне с капризной матерью обретает Екатерина впервые это оружие. Может быть, ей помогла в этом отношении, даже больше, чем она это подозревала, мадемуазель Кардель. Эта женщина отличается чрезвычайно уравновешенным характером, она примирилась с тем, что, будучи потомком знатного рода, занимает низкое положение, и умеет наряду с этим сохранять свое достоинство, сознание своей силы, веселость. Может быть, ей удалось передать и маленькой немецкой принцессе кое-что из доставшегося ей по наследству традиционного французского умения жить.

Природные качества принцессы идут ей в данном отношении навстречу. София обладает чрезвычайно положительным характером, она охотно воспринимает все приятное, всякое полезное указание и умеет быстро стряхнуть с себя все грустное, все дурное. Она не счастливый, но вместе с тем веселый ребенок. Здесь нет никакого противоречия. Ее несчастье происходит от чисто внешней причины – недостатка родительской любви. Ее веселость – ее внутреннее достояние, коренящееся в здоровом ее теле, в живой любознательности ее подвижного духа. Пока еще ни ее телу, ни духу негде себя проявить. В восемнадцатом веке маленькие девочки не занимаются спортом, а сухая школьная мудрость учителей и пасторов не может ни в какой мере заинтересовать этот дух, всецело обращенный в сторону жизни и будущего. К чему применить избыток сил темпераментной десятилетней девочки? Игры в парке, прогулки с гувернанткой? Всего этого недостаточно, а гувернантка покидает общую спальню только для отправления естественных потребностей.

София изобретает новый вид спорта для использования этих нескольких свободных от надзора минут: она должна взбежать

наверх по всем четырем маршам дворцовой лестницы и вернуться обратно в комнату до того момента, как мадемуазель Кардель справится со своим "делом". А по вечерам, когда мадемуазель Кардель думает, что ее маленькая воспитанница уснула, и потому болтает в соседней комнате с придворными дамами, София усаживается верхом на свою подушку, воображает, что это лошадь, и скачет до тех пор, пока не выбьется окончательно из сил.

Будущая Екатерина довольно часто сопровождает своих родителей во время их поездок. Подобные поездки были тогда в обычае: возможно большее количество владетельных домов должно было заблаговременно узнать о том, что в Цербсте подрастает миловидная благовоспитанная принцесса. Но истинной побудительной причиной этих поездок являлась неугомонная непоседливость Иоганны-Елизаветы. Эта красивая, живая женщина в возрасте между двадцатью и тридцатью годами не в состоянии долго переносить тихую, монотонную жизнь при Цербстском дворе. Ее тянет то к пышному Брауншвейгскому двору, где каждый день организуются охоты, экскурсии, оперные спектакли, то в Гамбург, где ее мать живет широким, роскошным домом, а каждую масленицу она проводит в Берлине, потому что считает, что ее ранг обязывает ее хоть раз в году делать визиты королю и его семье.

Самым существенным результатом этих поездок является для Софии то обстоятельство, что она скоро начинает понимать, до чего скучна, пуста и мелка жизнь при Цербстском дворе и в пограничном Штеттине. Она начинает также убеждаться в том, что ее мать, эта неограниченная властительница у себя дома, является в более блестящих местах только провинциальной дамой среднего ранга, а ее отец, всесильный штеттинский губернатор, только вассал прусского короля. Тот факт, что эти истины раскрываются перед ней уже теперь, имеет огромное значение, потому что вскоре вся ее будущность окажется зависящей от того, что она станет пренебрежительно относиться к советам своих родителей.

Однажды на обратном пути из Гамбурга, где София гостила у своей бабушки, Иоганна-Елизавета останавливается в Эутине у своего брата епископа Любекского, занимающего со времени Карла Голштинского пост кильского наместника. У него проживает в это время находящийся под его опекой одиннадцатилетний Петр-Ульрих, внук Петра Великого. Исполненными любопытства глазами взирает маленькая София на этого возможного претендента на два могущественных трона – русский и шведский. Она видит слабенького и для своего

возраста низкорослого мальчика, который выглядит еще тщедушнее из-за надетого на него роскошного парадного мундира. Черты его лица довольно миловидны, но обезображены жиденькими рыжеватыми волосами, ниспадающими до самых плеч. Во всем его существе чувствуется робость и неуклюжесть.

Никто не наблюдал и не зафиксировал того исторического момента, когда эти двое детей протянули друг другу руки по всем правилам строгого дворцового этикета. Никто, впрочем, и не мог еще подозревать в ту пору, что каждый из этих детей сыграет роковую роль в жизни другого и какую именно. Затейница-судьба дала каждому из них то, о чем другой пламеннее всего мечтал и отсутствие чего он болезненнее всего ощущал. Как счастлива была бы София, если бы она могла быть мальчиком и к тому еще мальчиком, имеющим шансы стать властелином! Как счастлив был бы этот мальчик, душа которого была так же сдавлена обязанностями избранника, как его хрупкое тело чересчур пышным мундиром, если бы ему позволено было играть с его сверстниками в парке! Охотнее всего он играет в куклы, но эта забава ему особенно строго воспрещена. София же отдала бы свою жизнь за то, чтобы посидеть верхом на лошади, разумеется, в мужском седле. С каким рвением она стала бы учиться, если бы знала, что это является подготовкой для будущей функции правителя.

Никто не знает, говорили ли дети друг с другом об этой жестокой слепоте судьбы; никто не знает, обменялись ли они вообще хоть несколькими словами помимо пары конвенциональных фраз. То, что рассказывает впоследствии Екатерина об этой своей первой встрече со своим будущим супругом, не заслуживает доверия. Прежде всего она сама себе противоречит. В первой редакции ее мемуаров, написанных еще при жизни Петра, мы находим много лестных отзывов о неуклюжем мальчике. Двадцатью годами позже, уже в качестве самодержицы всероссийской, она утверждает, что Петр уже ко времени первого ее с ним знакомства был жалким пьянчужкой. В обоих случаях она поддалась искушению фальсифицировать прошлое с точки зрения интересов настоящего.

Годом или двумя позднее София знакомится в Гамбурге в доме своей бабушки со шведским графом Гюлленборгом. Этот идеалистически настроенный оригинал пускается в беседу с девочкой-подростком, которой никто не интересуется, и поражен ее ясным подвижным умом. Он принадлежит к числу тех редких людей, которые умеют вызвать замкнутых детей на откровенность, а потому скоро замечает, что за внешней веселостью Софии скрывается какая-то скорбь, и постигает

причину этой скорби. Он делает для девочки все, что может. Тем, что он не скрывает перед нею своего мнения об ее уме, он внушает ей веру в собственные силы. Он даже называет ее философом, что производит на девочку огромное впечатление. Но он говорит, кроме того, и с Иоганной-Елизаветой и притом в присутствии Софии.

– Мадам, – заявляет он, – вы не знаете этого ребенка, он обладает такими достоинствами души и ума, о которых вы даже не подозреваете. Вам бы следовало немножко больше заняться вашей дочерью, она того заслуживает.

На мать эти слова не производят, по-видимому, слишком глубокого впечатления, но для дочери они остаются незабвенным переживанием. Тем более что Гюлленборг – единственный человек, усматривающий в подростке София что-то необычайное. Все прочие относящиеся к тому времени отзывы о ней сходятся на том, что она приветливая девочка с хорошими манерами и естественной, привлекательной веселостью. Никто не подмечает ничего выдающегося в характере или уме этой девочки, которой суждено стать одной из самых замечательных женщин в мировой истории. Ни один из ее учителей не выражает изумления по поводу ее выдающихся способностей, ни один не жалуется на необузданность ее темперамента. Баронесса фон Принцен, одна из придворных дам Иоганны-Елизаветы, выражается следующим образом о Софии, которая сумела впоследствии сочетать талант властвования Цезаря с невоздержанностью Мессалины:

– В ее молодости я могла заметить у нее только наличие холодного расчетливого ума, равно далекого как от чего-либо выдающегося, блестящего, так и от всего того, что считается заблуждением и легкомыслием. Одним словом, девочка эта казалась мне совершенно обычным явлением.

Баронесса заслуживает полного доверия, потому что она не поддается естественному искушению изменять свое первоначальное впечатление под влиянием последующих событий. София действительно отнюдь не является вундеркиндом, в тринадцати-четырнадцатилетнем возрасте она еще не обнаруживает никаких выдающихся свойств, ни положительных, ни отрицательных. Она просто здоровый человечек с неограниченными возможностями. Это события превратили маленькую Софию в великую Екатерину, и к этим событиям она только привносит свою несокрушимую силу воли, свое пламенное честолюбие и то, что баронесса фон Принцен инстинктивно правильно подметила, но неправильно охарактеризовала, как "холодный, расчетливый ум".

Холодный и расчетливый ум приносит пользу только в

маленьких делах, но никогда не возносит на высоту. Для подобного результата необходимы порывы, источником происхождения которых являются совершенно иные области. То, чем София обладает и что большинство лиц, им не обладающих, принимают за "холодный расчетливый ум", есть подлинное чутье действительности, способность разобраться в каждой данной реальной конъюнктуре, считаться с нею, как с фактом и так или иначе с нею примириться, к ней приспособиться. Наличность этого своего таланта маленькая София доказала впервые в отношениях с матерью: как ни остро воспринимает она всякую несправедливость, она вместе с тем сознает всю бесцельность какого бы то ни было сопротивления при данном распределении сил.

Для Иоганны-Елизаветы эти годы также полны огорчений и разочарований. Она никак не может примириться со своим маленьким скромным жребием, к жизни бок о бок с вполне почтенным, но чрезвычайно скучным Христианом-Августом. Почему они не переселяются в Берлин, в непосредственную близость ко двору? Там по крайней мере есть интересные люди, разнообразие, там Христиан-Август, быть может, сделает карьеру! Сам князь другого мнения: все его предки довольствовались тем, что Дома проедали скромные доходы от своего княжества, он не намерен пускаться в авантюры, исход которых весьма сомнителен, но которые, несомненно, влекут за собою значительное увеличение расходов. Да и обладает ли он талантами царедворца? Иоганна и сама сознает, что он ими не отличается. Вот если бы дело касалось ее лично! Она, по ее мнению, обладает всем тем, что необходимо для того, чтобы стать "большой персоной": умом и тактом, остроумием и светскостью обхождения. И всем этим способностям суждено заглохнуть бесплодно в маленьком захолустном Цербсте!

В 1740 году умирает король Фридрих-Вильгельм. Иоганна знает, как полагается вести себя в таком случае придворной даме. Она чувствует себя принадлежащей к составу Берлинского двора, заказывает себе траурную робу и старается побудить прочих знатных штеттинских дам также носить траур. Но дамы не хотят и слышать об этом, они находят поведение княгини безвкусным, и молва доносит эти сплетни до Берлина. Когда Иоганна приезжает ко двору, чтобы приветствовать нового короля, его семья призывает ее, хоть и в чрезвычайно мягкой форме, к отчету. Она искусно все отрицает, ее просто оклеветали злостные завистницы. Молодого короля ей, кстати, так и не пришлось даже повидать, он теперь занят совершенно иными делами, чем женщинами своего окружения или Цербстским князем: он готовится к первой

Силезской войне. В тот момент, как он выступает в поход, с Христианом-Августом приключается, как назло, легкий удар. Первый и наиболее благоприятный случай выдвинуться в глазах молодого короля упущен.

Но почти одновременно с этим приходит из России чрезвычайно интересная весть: дочь Петра Великого свергла царствующий дом – годовалого царя Ивана и его мать регентшу Анну – и сама завладела престолом. Это известие преисполняет Иоганну необычайной активностью. Ведь императрица Елизавета была когда-то обручена с ее братом и, по слухам, до сих пор не выходит замуж, потому что не в состоянии забыть своего покойного жениха. Императрица Елизавета является, кроме того, теткой маленького Петра-Ульриха Голштинского и, таким образом, приходится, хоть и в очень отдаленной степени, родней Иоганне. Елизавета вообще очень благосклонно относится к Голштинскому дому, она уже часто осведомлялась о том, как поживают члены этой семьи.

Иоганна немедленно усаживается писать письмо новой российской императрице. На этот раз она не поручает составление письма своему тяжеловесному супругу, а пишет его сама и пишет значительно удачнее. Получается преисполненное чувств послание с лучшими пожеланиями долгой жизни и счастливого славного правления. Письмо имеет успех: со всей возможной по тем временам быстротой приходит на него ответ. Восхитительный ответ!

Нет ничего приятнее, как если великие мира сего просят маленьких об одолжении, а именно так поступает Елизавета. Она просит прислать ей портрет ее умершей сестры Анны, портрет, находившийся у княгини Цербстской. Можно себе легко представить, с какой готовностью просьба эта приводится в исполнение. С ближайшим же курьером портрет Анны Голштинской отправляется в Россию. Несколько недель спустя императрица проявляет свою благодарность и проявляет ее воистину на царский манер: она присылает ослепленной от радости княгине свой собственный портрет в рамке из бриллиантов. Эта вещь стоит не меньше двадцати тысяч талеров. Мало того, русской императрице Елизавете удается добиться того, чего не могла бы достичь при Берлинском дворе самая ярая вассальная преданность Цербстского князя и самая утонченная любезность его супруги: Фридрих наконец замечает своего верного слугу Христиана-Августа и жалует ему чин фельдмаршала.

Вскоре поступают новые известия, способные еще более раздуть вспыхнувшую фамильную гордость Иоганны. Мальчик

Петр-Ульрих Голштинский внезапно выписывается вместе со своим воспитателем Брюммером в Россию, переходит в православие и считается престолонаследником императрицы Елизаветы. Его бывший опекун, брат Иоганны, епископ Любекский получает по настоянию российмкого двора шведскую корону.

Новое московское солнце пригревает своими расточительными лучами маленький Цербстский двор. Теперь у Иоганны брат-король, племянник – наследник императорского престола, теперь она глава в доме, и возведенный милостью ее благодетельницы в ранг фельдмаршала хромой Христиан-Август отходит совсем на задний план. Голова ее неустанно занята изысканием новых возможностей использовать в еще большей степени милость российской самодержицы.

Ее глаза останавливаются на дочери. В этом ребенке нет, разумеется, ничего особенного, но при политических браках личные качества невесты, как известно, не играют особой роли. Почему бы не подтолкнуть немного судьбу? Если русской императрице доставляет удовольствие собирать фамильные портреты, то она, конечно, не обозлится, если ей пришлют портрет ее юной цербстской родственницы. В Берлине проживает знаменитый художник по имени Пейн. В своих портретах он обычно льстит своим моделям. Он легко может превратить тринадцатилетнюю девочку в пятнадцатилетнюю и сделать из худенького существа расцветающую красотку. Он это и делает. Принц Август Голштинский берет портрет с собою в Россию, и "выразительное лицо юной принцессы понравилось императрице", как отмечает Стелин, новый воспитатель Петра-Ульриха, перешедшего уже в православие и именующегося в качестве великого князя и престолонаследника Петром Федоровичем. "Великий князь тоже рассматривал портрет не без удовольствия", – пишет тот же Стелин.

Принимая во внимание, что при дворе дело происходит отнюдь не так, как это изображается в оперетках, можно сказать с уверенностью, что о проказах слепого Амура в данном случае не может быть и речи. Иоганна послала в Россию портрет своей дочери именно с той целью, чтобы он попался на глаза Петру Федоровичу, да и императрица показала ему этот портрет именно для того, чтобы он "рассматривал его не без удовольствия".

Но для комбинаций время еще не настало. Проходит больше года, а из России не поступает никаких новых интересных вестей. Жизнь в Цербсте течет своим обычным скучным и монотонным порядком.

Принцессе Софии минуло четырнадцать лет. Она очень

вытянулась и похудела, не отличается особенной красотой, но внешность ее довольно привлекательна. У нее черные блестящие волосы и черные блестящие глаза под высоким красиво оформленным лбом. Сама она все еще считает себя дурнушкой и совершенно не заботится ни о своих нарядах, ни о прическе. Она все еще стоит, как Золушка, в тени своей красивой и темпераментной матери. Но она уже знает, что может нравиться людям, знает даже, каким способом добиться этого результата, и с увлечением упражняется в новом искусстве.

Жестоко ошибается, однако, тот, кто подумает, что будущая Астазия начнет с того, что будет кружить головы мужчинам. София абсолютно лишена кокетства, и она хочет вызывать не сексуальное очарование, а симпатию. Эта симпатия ей необходима, она тоскует по ней, жаждет ее, ищет ее у всех – у мужчин и женщин, у старых и молодых, у взрослых и детей. Она открывает методы снискания симпатии, которые должны быть признаны грандиозными именно вследствие их кажущейся незначительности. Уже в четырнадцать лет она постигла, что люди предпочитают, чтобы ими восхищались, а не восхищаться другими, что они предпочитают говорить, а не слушать. Ее матери особенно по душе великолепные аллюры дамы, желающей казаться чем-то большим, нежели она представляет собою в действительности – София старается быть по возможности простой и естественной. Мать увивается за всеми, кто занимает более высокое общественное положение, чем она, и высокомерна по отношению ко всем стоящим ниже ее, маленьким людям. София же равно любезна со всеми, каждую камеристку, каждого слугу, портниху, парикмахера, кучера она подкупает ласковой улыбкой, приветливым словом.

Она еще не прочла ни одной строчки из произведений Вольтера, она еще не знает самого слова "демократия", в ее охоте за людьми нет никакой системы; в основе ее поведения лежит просто одиночество заброшенного ребенка, стремящегося снискать всеобщее благоволение. Но этот ребенок обладает своеобразной гордостью: эта гордость не препятствует ей пожимать самую грязную мозолистую руку, но мешает ей выплакаться на груди у закадычной подруги одинакового с ней общественного положения.

Постепенно вокруг нее начинается шушукание на тему том или ином предполагаемом браке, какая-нибудь из тетушек обронит мужское имя, кто-либо из дядюшек отпускает шуточку. В Берлине принц Генрих Прусский танцует с Софией, находит ее милой, говорит об этом своей сестре, герцогине Брауншвейгской, та передает его слова в Цербст – и уже вся семья начинает

оживленно обсуждать возможность этого как никак заманчивого брака с братом короля. Эти проекты доходят и до сведения Софии. Что говорит по этому поводу она, о мнении которой никто не осведомляется, что думает она о принце Генрихе? Что думает она обо всех тех или иных предполагаемых женихах, имена которых называются родней?

Она знает, что для нее все зависит от того, найдет ли она подходящего мужа. Подходящего мужа – что понимает она под этим? Нарисовала ли она себе какой-нибудь идеал, тоскует ли она в тишине по какому-нибудь действительному или только по воображаемому герою? Ничего этого мы не знаем. Тщетно пытаемся мы отыскать в ее записках какие-нибудь следы воспоминаний о первой юношеской любви, о первом увлечении подростка, София как будто вовсе не знает о существовании чего-либо подобного. Мы нигде не встречаем в ее записках образа мужчины, действительным или кажущимся величием которого она бы восторгалась, чей вид преисполнял бы ее волнением, чьего приближения она бы дожидалась с трепетом.

Ее чувственный темперамент сказывается в ее юные годы в столь же малой степени, как и ее гениальность. Эта женщина, которой суждено впоследствии прославиться своим образом жизни чуть ли не в еще большей мере, чем своими государственными деяниями, любовные приключения которой станут возмущать всю Европу, которая, впрочем, не совсем основательно будет считаться воплощением ненасытной жажды мужчин, будет объектом специальных психологических изысканий на эту тему, героиней пикантных опереток и скабрезных романов, – эта женщина провела свою юность более скромно и невинно, чем средняя современная институтка.

Нет, разумеется, недостатка в выдумках на ее счет. Еще при жизни Екатерины курсировали различные слухи о тех любовных связях, которые у нее якобы были уже в самом нежном возрасте, а после ее смерти разливается целая грязная волна памфлетов и псевдо-исторических документов, которыми зачитывается падкая до пикантных сенсаций публика, готовая поверить тому, будто двенадцатилетняя София, любуясь из дворцовых окон военными парадами, приглашала затем разных офицеров на ночные визиты к ней совершенно недвусмысленного характера. Все это клевета, сплетни и выдумки, если даже означенные произведения напечатаны на пожелтевшей от времени бумаге, переплетены в роскошные кожаные переплеты и хранятся в замечательнейших библиотеках Европы. Ненасытнейшая из коронованных женщин всех времен в 14 лет не только невиннейшая девственница, но даже не переживает ни одного столь естественного для этого

возраста платонического увлечения.

Что же убивает у этой умной, рано развившейся, темпераментной юной девушки первые нежные весенние порывы чувств? Конечно, она находится под строгим надзором, и ни чтение сентиментальных романов, ни беседы со старой девой Кардель не могут особенно разжигать ее фантазию. Но разве воображение молодой здоровой девушки нуждается в специальных стимулах? Разве недостаточно разговоров о предстоящем браке, постоянного цитирования имен женихов для того, чтобы в девушке пробудилось вполне естественное, хотя бы абсолютно беспристрастное, неясное чувство любовного томления, страстного влечения?

В том-то и дело, что все ее существо всецело охвачено одним страстным желанием – скрытой борьбой с матерью, и ее главной целью является поскорее закончить эту борьбу блестящей победой. Так как она мыслит вполне трезво и реально, то знает, что победа эта может быть одержана единственным путем: необходимо найти мужа, который единым взмахом вырвал бы ее из ненавистной ей окружающей ее среды и вознес высоко над тем общественным положением, которое занимает мать. Только тот будет для нее "подходящим супругом", который возложит на ее голову корону, во сто крат более великолепную, чем скромная корона Цербстского княжества. Ее сокровенное честолюбие влечет ее, правда, к значительно более далеким целям: к звездам, к бессмертию, к неповторяемому. Но ближайшей непосредственной целью ее честолюбия является победа над матерью.

Подтверждением правильности вышесказанного является то единственное маленькое любовное приключение, которое испытала София в Цербсте. Единственный раз дело выглядит так, как будто волнующаяся юная кровь вот-вот затуманит ясность ее взора, направленного на определенную великую цель. Существует один-единственный человек, с которым она все же обменялась несколькими поцелуями и которому даже обещала стать впоследствии его женой. Простая ли здесь случайность, что этот человек был братом ее матери? "Моя мать стала теперь гораздо больше заботиться обо мне. Она уже видела во мне свою будущую belle soeur".

Это единственный случай в жизни Софии, когда маленькое, находящееся под рукой честолюбие грозит опасностью ее великим отдаленным честолюбивым планам. Но имеем ли мы здесь и впрямь дело с реальной опасностью? Неужели же София действительно была готова выйти замуж за принца Георга-Людвига, "маленького соседнего владетельного князька", только для того, чтобы стать свояченицей своей матери? Возможно, что и

так. Но ей повезло: прежде чем дело дошло до решительных слов или действий, на авансцену выступает совершено иной брачный проект.

Ей всегда и во всем везет. Она несчастный ребенок, да и впоследствии ей суждено часто быть несчастной. Но ей все же везет, хотя подобное утверждение и может показаться парадоксальным.

Она несчастна, что родилась девочкой, но только в качестве девочки может она перепрыгнуть единым скачком ограду маленького немецкого княжества. Будь она мальчиком, она была бы, пожалуй, любимчиком матери, но впоследствии стала бы только законным преемником отца в управлении Цербстским княжеством.

Ее воспитание лишено любви и направлено в совершенно не соответствующую ее истинному предназначению сторону. Но впоследствии выяснится, что никакое иное воспитание не могло бы развить в ней тех качеств и способностей, которые ей окажутся в будущем особенно необходимыми. Мы знаем ведь, как обычно воспитываются будущие императрицы: они подрастают, не зная настоящего детства, тщательно оберегаемые от всякого сурового дуновения реальной жизни, вскормленные готовыми суждениями. А принцесса София играла в городском саду с детьми простых обывателей и в этих играх научилась завоевывать себе место собственными усилиями и удерживать свое завоеванное положение только собственными заслугами. Она чувствовала себя в этом городском саду лучше, чем при дворе своей капризной матери, – впоследствии, в решающие моменты ее жизни, она будет искать и постоянно находить поддержку у простых людей, мелких служащих и солдат. Никогда не была бы она в состоянии с такой уверенностью привлекать к себе этих простых людей, если бы воспитывалась в целях властвования над ними.

Она несчастна, потому что ее мать относится к ней без любви и несправедливо. Ее величайшее счастье именно в том, что она уже с детства приучается относиться критически к своей матери. Мы увидим в дальнейшем, как бы она быстро заблудилась в чаще русского двора, явись она на свою вторую родину преисполненной доверия и почтительности, а не чувств глубочайшего протеста против матери.

Она научилась очень немногому у своих преподавателей, но бесконечно многому в борьбе со своей матерью, значительно более важному и полезному, чем то, что можно извлечь из всех книг мира. Она научилась молчать и скрывать свои мысли и свои чувства, она научилась переносить унижения, не принижаясь.

И когда к ней подходит извне большое счастье, она

оказывается внутренне превосходно к нему подготовленной.

Глава II. Великие смотрины

Первое января 1744 года. Набожный Христиан-Август и вся его семья начинают новый год с торжественного богослужения в Цербстской дворцовой часовне. По окончании молебствия усаживаются за праздничный стол, как вдруг княгине докладывают, что на ее имя пришла эстафета из Берлина.

Это совершенно необычайное событие, и она, снедаемая естественным любопытством, требует, чтобы ей немедленно принесли письмо. Реальность превосходит все ее ожидания. Письмо оказывается из Петербурга, от Брюм-мера, обер-гофмейстера великого князя Петра Федоровича. Вот что написано в этом письме:

"…На протяжении тех двух лет, которые я имел счастье провести при здешнем дворе, я часто имел случай рассказывать ее императорскому величеству о вашей светлости и ваших выдающихся достоинствах. Я долго старался и затратил немало усилий на то, чтобы довести дело до благополучного конца. Хоть оно обошлось и не без трудностей, но я все же думаю и надеюсь, что мне удалось найти то, что составит и вполне закрепит счастье вашей семьи. Могу сказать без хвастовства, что я лично сделал в этом отношении все, что могли ждать ваша светлость от моей преданности и моего старания. Теперь вашей светлости предоставляется возможность уже самой приложить свою руку к тому делу, которое с успехом начато мною…

По личному повелению ее императорского величества я имею честь довести до вашего сведения, что императрица желает, чтобы ваша светлость, в сопровождении вашей старшей дочери, не теряя времени, пожаловали в Россию, в тот город, где ныне пребывает царский двор. Ваша светлость слишком прозорливы для того, чтобы не понять истинного смысла того нетерпения, с которым ее императорское величество желали бы видеть здесь вас и принцессу, дочь вашу, о которой молва рассказывает столько хорошего. Бывают случаи, когда глас народа воистину является гласом Божиим…

Дабы ваша светлость могли подробно осведомиться о всех обстоятельствах, имеющих отношение к настоящему делу, я имею честь доложить, что король Прусский посвящен в тайну. Ваша светлость может, следовательно, смотря по собственному благоусмотрению, поговорить или не переговорить с ним на эту тему…

Ее императорское величество только что изволили позвать меня и повелели мне еще раз просить вашу светлость по

возможности ускорить приезд ваш сюда…"

В этом письме не содержится ничего определенного относительно истинной цели поездки. Но Иоганна, несомненно, немедленно сообразила, в чем дело, а если бы не сообразила, то недоумение ее было рассеяно через несколько часов новой эстафетой, доставившей письмо от Фридриха Прусского.

"Я не стану дольше скрывать, – пишет между прочим Фридрих, – что при том уважении, которое я питаю к вам и к принцессе, вашей дочери, я всегда желал подготовить для нее какое-нибудь из ряда вон выходящее счастье. Вот мне и пришло в голову, нельзя ли было бы обвенчать ее с ее кузеном третьей степени, русским великим князем".

Может показаться странным, что оба письма адресованы Иоганне-Елизавете, а не главе семьи, ее супругу Христиану-Августу. Может показаться несколько удивительным и то обстоятельство, что письмо Брюммера, несмотря на чрезвычайно подобострастный его тон, гораздо больше напоминает передачу приказа, чем сватовство. Но оба эти факта просто соответствуют истинному положению вещей: как в Петербурге, так и в Берлине считаются с фамильным честолюбием и раболепием Иоганны и рассчитывают на то, что она в случае надобности сумеет справиться с противодействием своего тяжеловесного супруга. Эти соображения оказываются правильными.

При чтении писем Иоганна не может испытать никаких иных чувств, как удовлетворенность и счастье. Ей не только улыбается возможность породниться с одним из самых могущественных владетельных домов Европы, она имеет, кроме того, несомненное право хвастать тем, что она лично ловко сыграла на руку Провидению.

Достопочтенному же Христиану-Августу мысль о том, что его дочери придется променять свою лютеранскую религию на другую, никак не идет в голову. Мы не знаем, уговорила ли его Иоганна, что брак сможет состояться и без перемены религии, или ей удалось каким-либо другим способом сломить его ограниченное упорство, но во всяком случае ей на это понадобилось не больше трех дней. Уже четвертого января она пишет Фридриху: "Князь дал свое согласие. Самая поездка, которая в настоящее время года действительно опасна, меня нисколько не страшит. Я твердо решилась и убеждена, что все произойдет по воле Провидения".

В длинном письме Иоганны к Фридриху ни единым словом не упоминается о главном заинтересованном лице – принцессе Софии. Это объясняется отнюдь не излишней осторожностью – ведь Фридрих не постеснялся открыто коснуться истинной цели

поездки, – а просто тем обстоятельством, что, по ощущению Иоганны, дело! касается в сущности ее одной. Это кульминационный пункт! ее жизни. Ей всего тридцать один год, все ее пламенные! ожидания, вся ее тоска по величию и славе, все ее стремления к приключениям и активности оставались до сих пор неосуществленными. После пятнадцати лет брачной жизни, на протяжении которых она родила пятерых детей, из коих двух похоронила, она, в известной степени, все еще осталась молодой девушкой, ожидающей "чего-то волшебного, потрясающего".

Теперь оно настало. Она оказывается в самом центре! великой европейской политики, она важная персона, решениями которой интересуются два могущественных монарха. Чуть ли не ежедневно получает она эстафеты из Берлина и Петербурга. Брюммер ее торопит, германский посол в Петербурге, барон Мардефельд, просит Фридри-1 ха II от имени царицы, чтобы он повелел княгине Цербстской по возможности ускорить свой отъезд. Иоганна просит передать царице, что "ей только крыльев не хватает, иначе она полетела бы в Москву". Она и впрямь умудряется закончить все приготовления к такой огромной поездке в какую-нибудь неделю. Восхитительная неделя, на протяжении которой она, окруженная облаком великой тайны, бродит по скромным залам старого замка и болтает со скромными представительницами провинциальной знати, которым вскоре суждено узнать, какую мощь она олицетворяет.

Ей и в голову не приходит, что все происходящее относится, в сущности, не к ней, а к ее дочери. Она не обращает ни малейшего внимания на девушку, всецело поглощена вскрыванием и запечатыванием писем, отдачей распоряжений, примеркой платьев, наблюдением за упаковкой вещей. Для Софии берут лишь то, что находится под рукой: три платьица, дюжина рубашек, несколько пар чулок и носовых платков. Для нее не заказывается ничего нового. Просто чудо, что при этой торопливой поездке на смотрины не забывают взять с собой саму невесту.

Бравый старый солдат Христиан-Август проводит все эти дни за писанием объемистого манускрипта, озаглавленного "Pro memoria для моей супруги", в котором Иоганне и Софии даются наивные детальные предписания о том, как надлежит вести себя в пути и при русском царском дворе. В тот момент, как София усаживается вместе с родителями в коляску, чтобы покинуть Цербст, отец не без торжественности вручает своей супруге запечатанный конверт, дабы она передала его "в надлежащий момент" дочери.

Но что известно Софии об истинной цели поездки в то

мгновение, когда она усаживается в коляску? В этом пункте ее личные записи противоречивы, на них невозможно положиться, а потому они и лишены интереса. Весьма вероятно, что ей – раз приказано соблюдать столь строгую тайну – ничего не сказали о матримониальном плане. Но столь же вероятно, что она о нем догадалась. Она ведь не могла не обратить внимания на то, что чуть ли не ежедневно получались письма из Берлина и Петербурга и, несомненно, заметила, что эти письма очень важного характера, заметила, что голова ее матери окружена ореолом, заметила странное поведение отца. Она, конечно, сообразила, несмотря на все маневры затушевывания, что их поездка не является обычной масленичной поездкой в Берлин и что хотя в центре всей суетни стоит мать, она лично тоже играет известную роль в этой поездке. Почему это дядя Иоганн-Людвиг вдруг подносит ей в подарок штуку роскошной, затканной серебром материи на платье? Почему с ней так много говорят на тему о религии?

Но если не выяснено, в какой именно момент она догадалась об истинной цели поездки, то, во всяком случае, несомненно то обстоятельство, что она немедленно же и всем сердцем одобрила российский матримониальный план. Это ведь как раз то, о чем она мечтала: прочь отсюда и подальше ввысь! Не приходится мучительно порывать никаких связей, соединяющих ее с родиной и родительским домом. Не предстоит болезненная разлука с младшими братьями и сестрами, с подругами детских игр. Существовал ли вообще когда-либо принц Георг-Людвиг, с которым она как-то мельком обменялась парой поцелуев и с которым, строго рассуждая, тайком помолвилась? Это была шутка, детская забава. Если он ее и впрямь любит, как неоднократно утверждал, то разве может он желать чего-либо другого, кроме ее счастья? А существует ли более великое, более истинное счастье, чем надежда на трон, на корону?

С легкостью, которая делает больше чести ее мужеству, чем ее сердцу, покидает София мадемуазель Кардель, родину, все привычное, все, что было ей близко доселе, и с воодушевлением спешит навстречу новому, неизвестному.

Поворачивает ли она еще раз голову в сторону старого фамильного Цербстского замка, этого гнезда ее предков, когда лошади пускаются рысью в путь? Она никогда его больше не увидит, никогда не увидит ни одного из тех мест, где протекала ее юность. Никогда, впрочем, не проснется в ней и желание их повидать.

День спустя прибывают в Берлин. Княгиня отправляется ко двору – разумеется, одна. Фридрих осведомляется о принцессе, и

мать отвечает, что той нездоровится. Независимо от ее желания по возможности дольше использовать все положение только для себя лично она имеет еще и весьма существенный повод оставлять девушку дома: в суматохе великих событий она позабыла сшить для будущей невесты наследника российского престола придворный туалет. Через два дня Фридрих приглашает всю цербстскую семью к обеду. Княгиня обещает на этот раз привести и Софию, но, очевидно, не придает слишком большого значения интересу короля к принцессе, потому что появляется к назначенному часу одна.

На этот раз король не верит сказке о болезни и настаивает на появлении Софии. Ничего не помогает, неприятная история с туалетом выходит наружу. Король немедленно распоряжается, чтобы Софии послали платье его сестры, и наконец – уже позже трех, и всем гостям пришлось ждать с обедом – появляется София. Она наспех причесана, в сшитом не по ее мерке платье, без драгоценностей, не напудрена, несколько смущена, но ее личико сияет блеском первого триумфа над матерью. Она одна из всех членов ее семьи удостаивается чести сидеть за столом самого короля.

Это очень маленький, чисто внешний триумф. Король милостиво беседует с нею, но не выносит от этой беседы какого-нибудь необычайного впечатления. Сейчас же после этого небольшого оказанного ей личного отличия она превращается снова в то, чем и являлась в действительности: в ничего не подозревающий "объект политики".

А ее мать посвящается во все тайны этой политики, ей даже отводится в ней активная роль. Все принимает еще гораздо более грандиозный характер, чем могла воображать Иоганна-Елизавета в самых смелых мечтах своих. Она имеет одну тайную встречу с самим королем, а другую с министром Подевилсом. Предмет этих совещаний нам известен.

Но сначала небольшое отступление. Фридрих писал в свое время Иоганне, что это ему пришла в голову мысль сосватать Софию с наследником российского престола, так как он "стремился создать для нее необычайное счастье". Это не соответствовало ни в малейшей степени действительности.

Во-первых, Фридрих отнюдь не считал брачных уз с представителем Российского царствующего дома счастьем. Год с лишним тому назад посол его при Российском дворе Мардефельд довел до сведения короля, что императрица желала бы обвенчать наследника с сестрой Фридриха. На это Фридрих ответил, что он ни при каких условиях не допустит, чтобы одна из его сестер уехала в Россию, и поручил своему послу уклоняться от всяких

разговоров на тему об этом браке. Фридрих знал доподлинно, что представляет собою такой брак, крайне необеспеченное существование в ожидании ежедневно могущей вспыхнуть дворцовой революции, перспективы трона, который в ночь с сегодня на завтра может быть захвачен несколькими десятками гвардейских офицеров и передан другому претенденту, неизменное лавирование между силами, могущество которых не поддается заранее учету, постоянная опасность для жизни. Двадцать лет спустя он пишет в своей "Истории моего времени" по поводу этого матримониального проекта, идущего навстречу его политическим расчетам: "Горе тем политикам, которые приносят в жертву своим интересам все вплоть до собственной крови". Вот, значит, истинное мнение его о том "великом счастье", доставить которое принцессе Цербстской он якобы старался.

Во-вторых, Фридрих чрезвычайно мало способствовал осуществлению этого счастья, так как в своем письме к Елизавете предложил принцессу Софию в качестве невесты наряду с двумя другими дармштадтскими принцессами. Само же предложение было внесено им в такое время, когда Елизавета уже и сама остановила свой выбор на Софии.

Вот как рушится распространенная историческая легенда о том, будто Фридрих Великий положил основание счастью будущей Екатерины Великой и завершил это счастье. Потерпела также крушение легенда, будто Фридрих заботился о принцессе Софии не только как отец, но и являясь отцом ее. Истина же заключается в том, что приглашение Софии в Россию было для него чрезвычайно выгодно, а именно по следующим соображениям.

Интересы Фридриха были направлены преимущественно в сторону Австрии. Первую войну он с успехом закончил еще два года тому назад, но, несмотря на Бреславль-ский мир, отдавший ему Силезию, он все еще чувствовал, что его добыче грозит опасность. Предвидятся новые осложнения с Габсбургским домом, и дальнейшее зависит всецело от того, чтобы в тылу Фридриха была дружественная или по крайней мере нейтральная Россия. Его отношение с императрицей Елизаветой чрезвычайно хороши. Посол Фридриха Мардефельд принимал участие в том заговоре, который возвел три года тому назад Елизавету на престол, а Фридрих искренно радовался тому, что российский трон занимает женщина, "сибаритские наклонности которой дают надежду на то, что она совершенно упустит из виду Европу".

Он не скупился расточать по адресу этой женщины льстивые комплименты. Посылая ей свой портрет, он сопровождает свою посылку словами, что он "завидует этому портрету, потому что на

нем будут покоиться ее чудные глаза". Елизавета падка на лесть, она относится к Фридриху чрезвычайно благосклонно и в 1743 г. выражает свое согласие с условиями Бреславльского мира, что почти равнозначно принятию на себя гарантий за этот мир. Близится осуществление союза между Пруссией, Россией и Францией, союза, острие которого направлено против Австрии.

Но политика России не прямолинейна. Вскоре после своего восшествия на престол Елизавета ставит во главе правительства человека, пруссофобия которого общеизвестна. Это граф Бестужев-Рюмин, последний "птенец гнезда Петрова". Программой Петра Великого являлся союз между Россией, обеими морскими державами – Англией и Голландией и двумя континентальными державами – Саксонией и Австрией. Эту программу разделяет и Бестужев.

Для Фридриха, привыкшего "делать все самому" у себя в государстве и не терпящего никаких возражений, кажется загадкой, почему Елизавета управляет вместе с вице-канцлером, политика которого идет, по-видимому, вразрез с ее собственной. Какие причины побуждают ее к этому? Когда во главе государства стоит женщина, в причинах этих разобраться невозможно, и немыслимо также определить момент, когда решительный министр окажется головой выше своей повелительницы или, наоборот, потеряет свою голову. Во всяком случае, Бестужев является бельмом на глазу прусского короля.

Приглашение Цербстской принцессы в качестве невесты наследника престола является, несомненно, поражением для Бестужева, который предложил Саксонскую принцессу. Разве поездка принцессы Софии в Россию обставляется такою таинственностью не из тех соображений, чтобы застать вице-канцлера российского врасплох? Но если необходимо застать его врасплох, то это не означает ничего иного, как то, что Елизавета просто боится собственного канцлера и не решается открыто проводить свою волю вопреки его намерениям.

Вот почему предметом забот тайной канцелярии является следующее: Фридрих разъясняет княгине Цербстской, что ее личные интересы сводятся к тому, чтобы по возможности подорвать влияние Бестужева, потому что он в качестве заклятого врага Пруссии будет делать все возможное, чтобы брак с Софией не состоялся и наследник женился на Саксонской принцессе. Он научает ее смотреть его глазами на то, что происходит в России. Можно себе представить, с каким лихорадочным интересом честолюбивая Иоганна слушает об опасностях, угрожающих будущему величию ее семьи. Фридрих – умный, даже гениальный человек, но в данный момент он рискует утратить все огромные

преимущества своей позиции в России. Под влиянием своей ненависти к женскому полу он утрачивает чувство меры и критическое чутье: он переоценивает княгиню, возлагая на нее столь щекотливую миссию, и недооценивает Елизавету, если думает, что несколько бесед с новой родственницей может оказать на нее решающее воздействие. Он обещает Иоганне в случае, если та успешно справится с возлагаемым на нее поручением, то есть если ей удастся свергнуть Бестужева, – подарить ее старшей незамужней сестре Кведлинбургское аббатство.

Для того чтобы воспламенить рвение княгини, нет даже надобности в этом дополнительном стимуле. Возлагаемая на нее секретная миссия ощущается ею как величайшее выпавшее на ее долю счастье. Она радуется ей чуть ли не больше, чем всему брачному плану. Она всегда была чрезвычайно высокого мнения о своем уме и своих дипломатических способностях. Теперь-то ей наконец, впервые в жизни, предоставляется случай доказать, что она женщина европейского масштаба! Она отправляется в Россию не только в качестве дуэньи дочери и побочной фигуры, а по такому делу, в котором играет первую роль. Забыта благодарность, чуть ли не раболепная преданность Елизавете, забыты советы благоразумного супруга не вмешиваться ни в какие политические дела. Сам того не подозревая, Фридрих затронул и привел в колебание основной нерв всего ее существа: склонность к интриге.

София, разумеется, тоже позабыта. Да она ведь пока ровно ничего собою и не представляет. Для высокой политики, для Фридриха, для Елизаветы, для Бестужева она является просто безличной немецкой принцессой и только. Ее мысли, ее чувства, ее характер никому не известны и никого не интересуют. Ее брак должен послужить звеном не между нею и Петром, а между Пруссией и Россией, звеном, которого одни желают, а другие опасаются. Таким образом, еще до того момента, как она покидает Германию, у нее уже есть в России и друзья, и враги, одинаково много о ней знающие, а на самом деле – ничего.

В пятницу, 16 января, покидают наконец Берлин. Согласно инструкциям Российской императрицы, свита будущей наследницы престола по возможности немногочисленна: гоф-фрейлина Каин, камеристка Латторф и трое слуг. Все и всё, то есть семья, свита, багаж и припасы для трехнедельной поездки помещаются в трех каретах.

В Шведте-на-Одере князь Христиан-Август расстается со своей дочерью, которую ему никогда больше не суждено увидеть. При этой разлуке София заливается горькими слезами. В те

времена плакали и по гораздо менее важным поводам, хороший тон просто предписывал при известных условиях проливать слезы, и каждая благовоспитанная девица умела это делать. "Ее молодость вскоре одержала верх над ее унынием", – докладывает княгиня в своем первом письме к мужу. Она пишет ему ежедневно, с каждой почтовой станции, с такой обстоятельностью и такой очевидной заботой об изяществе стиля, что можно не сомневаться в том, что письма эти предназначались не только для супруга, не только для более широкого круга семьи, но и для потомства.

Иоганна путешествует под именем графини Рейнбек с дочерью, и на всех станциях находит заготовленных на это имя лошадей. И все же в каждом письме своем она жалуется на неудобства поездки. Ее жалобы, впрочем, вполне основательны. Почтовая дорога Берлин-Петербург отвратительна, она уже и летом в достаточной мере плоха, а зимой до того ужасна, что ею пользуются одни только курьеры. Редкие путешественники – кто тогда вообще ездил из Берлина в Петербург? – предпочитают пользоваться водным путем. Но путешествие водою должно отнять больше времени, а княгиня торопится. Ей не везет: в этом году еще не выпал снег, так что нельзя ехать в санях. Тяжелые рыдваны подскакивают на неровных камнях, едва пробираются через липкую грязь. С раннего утра до поздней ночи женщинам дует в лицо ледяной ветер, так что они вынуждены напялить на головы шерстяные маски.

София впоследствии почти не вспоминает о неудобствах поездки, хотя ее ноги до того распухают от мороза, что в иные дни ее приходится вносить по утрам в экипаж на руках. Она ни на что не жалуется, ее, должно быть, все приключения и непривычная обстановка этой поездки скорее занимают, чем угнетают: ей четырнадцать лет, она совершенно здорова, преисполнена любопытства и жажды новизны, а кроме того – едет ведь навстречу волшебному счастью!

Стужа со дня на день увеличивается, подвигаются все дальше на север, но снег, жадно жданный снег все еще не выпадает. К экипажам сзади привязаны сани – на тот случай, если снег все же покажется, но как ни пронзительно дует северный ветер, с неба не падает ни одна снежинка, сани только замедляют темп поездки и придают маленькому каравану смешной вид. С утра до вечера едут по отвратительным дорогам, иногда переправляются через замерзшие озера и речки – впереди выступают рыбаки, чтобы проверить прочность льда, – или пользуются паромом, и снова монотонная езда, часы за часами, дни за днями. После Мемеля почтовых станций вообще больше нет приходится нанимать

лошадей у мужиков, а лошадей требуется две дюжины, иначе совсем с места не сдвинешься. Шестого февраля добираются наконец до Митавы – шесть километров от русской границы.

Здесь можно денек передохнуть, потому что отсюда отправляется курьер в Ригу, чтобы доложить о приближении гостей. Здесь же приветствует путешественниц и первый русский – полковник Воейков и провожает их на следующий день до границы. Между Митавой и Ригой встречаются они с бывшим послом, а впоследствии гофмаршалом Семеном Нарышкиным, который официально приветствует их от имени императрицы. Он передает княгине письмо от Брюммера, в котором осторожный обер-гофмейстер, между прочим, напоминает Иоганне, чтобы она, Бога ради, не забыла поцеловать руку императрицы.

В 2 часа дня приближаются к Риге, этим воротам в Россию, и, как по мановению волшебного жезла, открывается сказочное царство.

Перед городом дожидается, во главе военных и гражданских властей, князь Долгорукий. Придворная карета наготове, дамы усаживаются в нее, и когда они переезжают через замерзшую Двину, раздается пушечная пальба и колокола всех церквей звонят. Перед дворцом выстроен почетный караул, в вестибюле часовые перед каждой внутренней дверью, трубы ревут, литавры звенят, барабаны гремят, генералы и маршалы склоняются и целуют ручку, представители дворянства отвешивают низкие поклоны, всюду, куда ни кинешь взор, роскошные, цветные, украшенные тяжелым золотым шитьем мундиры петербургской гвардии.

"Мне кажется такой странной мысль, – пишет княгиня, – что все это делается ради меня, бедной". Действительно ли вся эта пышная церемония происходит для нее? Принцесса София, хоть она и стоит скромно в сторонке, отлично сознает, что если бы ее мать приехала в Россию одна, то ради нее ни один гвардеец не взял бы на караул. Она прекрасно знает, что все происходящее – и пушечная пальба, и почетный караул, и почтительность старающейся подслужиться знати и военных – относится только к будущей великой княгине, возможной будущей императрице, относится не к кому иному, как лично к ней.

Можно себе легко представить, что испытывает эта девушка, которой так пренебрегали дома, при этом фантастическом повороте событий, с каким восторгом переживает и воспринимает она все это новое, грандиозное, великолепное. На протяжении одного часа она постигает величие могущества русской царицы и за этот же час принимает неуклонное решение овладеть этим могуществом, во что бы то ни стало, какою бы то ни было ценой.

В то время как вся Рига поглощена торжественным приемом гостей, в то время как стар и млад на ногах и стараются обратить на себя внимание или хоть увидеть частицу редкого зрелища, в то время как все взоры обращены на придворную карету, в которой сидит будущее России, – никто не замечает простой коляски с плотно спущенными занавесками на окнах, эскортируемой верными солдатами и въезжающей за стены крепости. Бледная измученная женщина, сидящая в этой коляске, была три года назад всесильной правительницей страны. Это Анна Леопольдовна. Тот же народ приветствовал ее ликующими криками при каждом ее появлении и в тех же церквах, колокола которых звонят теперь в честь будущей супруги престолонаследника, возносились раньше молитвы за здравие ребенка, сидящего на руках этой женщины, ибо ребенок этот не кто иной, как Иоанн, коронованный при рождении царем всея России. Теперь это узники Елизаветы, их перетаскивают из одной крепости в другую. Отрезанные от всякого общения с внешним миром, дрожат они изо дня в день за неприкосновенность своей жалкой жизни.

Стараясь не возбудить ничьего внимания, привозят узников в крепость, отводят им там две скромные комнаты, снабжают вещами, необходимыми для удовлетворения примитивных потребностей. А вечером комендант крепости генерал Салтыков отправляется во дворец, чтобы засвидетельствовать свое почтение будущей невесте наследника престола.

Чувствует ли четырнадцатилетняя София символическое значение этого эпизода, который напоминает ей на пороге российского царства о тех, которые его утратили, напоминает как раз в тот момент, когда она собирается вступить на первую ступень к трону, на вулканическую почву, на которой высится этот трон? Овладевает ли ею трепет при мысли о преходящем земном счастье, о предательской изменчивости людей? Едва ли. Она просит, чтобы ей еще раз рассказали во всех подробностях о том, как Елизавета во главе небольшой группы Преображенских офицеров отправилась в ночь на 16 декабря 1741 года к Зимнему дворцу и завладела властью. И не теми несчастными, которые на протяжении одного часа низвергнуты были с высоты могущества в бездну отчаяния, занята ее фантазия, а победительницей, с которой она себя отождествляет мысленно. "Во главе группы офицеров…" – это звучит вечным рефреном в ее мозгу, глубоко врезается в ее сердце.

* * *

Укутанная в роскошные собольи шубы (первый подарок Елизаветы), в поместительных и удобных царских санях, сиденья которых обтянуты шелком, сопровождаемые огромной свитой гвардейских офицеров и придворной знати, провожаемые при выезде из Риги депутациями местного дворянства и представителей городского управления, эскортируемые кирасирами и драгунами, продолжают Иоганна и София свое путешествие. Они двигаются втрое быстрее, чем прежде, останавливаясь только на короткое время, необходимое для того, чтобы закусить и перепрячь лошадей, и три дня спустя уже прибывают в Петербург.

Здесь предусмотрена трехдневная стоянка, чтобы дамы имели возможность "переделать свои туалеты и приспособить их к русской моде". Это не более, как тактичный эвфемизм.

Елизавета, придававшая огромное значение пышности своего двора, предвидела, что ее гостьи будут невыгодно отличаться своими туалетами даже от ее самых второстепенных придворных дам, а потому позаботилась о том, чтобы все пробелы изготовленного в Цербсте гардероба были пополнены за ее счет в Петербурге.

Она сама уже покинула Петербург, вместе с нею переехала, разумеется, в Москву большая часть придворных, представителей дипломатии и сливок общества. Эти переселения из Петербурга в Москву и обратно происходили почти ежегодно и, если верить сообщениям современников, в этих переездах из города в город принимали участие каждый раз около ста тысяч человек.

Но все же в Петербурге осталось еще достаточно знати, чтобы заполнить в честь приезжих гостей Зимний дворец блеском и жизнью. "Около тысячи человек участвовало в приеме", – утверждает княгиня Иоганна. Четыре придворных дамы оставлены в ее личное распоряжение по распоряжению императрицы. Она горячо благодарит Елизавету в высокопарном послании "за все оказанные ей при приезде несказанные благодеяния", обещает через день пуститься в дальнейший путь, чтобы прибыть в Москву девятого февраля по русскому календарю, то есть ко дню рождения наследника, и забывает помянуть в письме хоть единым словом свою дочь.

Прусский посол Мардефельд и французский посол де ла Шетарди, то есть те лица, которых Фридрих особенно рекомендовал ее доверию, находились в Петербурге. Они, должно быть, нарочно отсрочили свою поездку в Москву, чтобы иметь возможность переговорить раньше других с княгиней. Оставался еще в Петербурге и английский посланник, вероятно для того, чтобы наблюдать за происходящим. "Мардефельд и де ла

Шетарди чрезвычайно ревностно ухаживают за приезжими", – доносит он в Лондон.

Княгиня немедленно приступает к выполнению своей дипломатической миссии. Между нею и Мардефельдом и де ла Шетарди происходят таинственные встречи, и она узнает от них, конечно, то же самое, что ей уже сообщил Фридрих. Бестужев был-де возмущен выбором Цербстской принцессы и сказал: "Великого князя хотят женить так, чтобы русские люди об этом не знали, но дело это еще далеко не улажено". Говоря это, Бестужев имел в виду, что подскажет синоду протестовать против намечающегося брака между двумя родственниками. Но, докладывают оба посла, это препятствие в действительности давно устранено стараниями Елизаветы.

Около тридцати саней следуют за санями, в которых сидят Иоганна и София при выезде их из Петербурга. Это не такая поездка, как через Пруссию и Померанию! Дорога, по которой ежегодно передвигается весь необъятный российский двор, широка, чрезвычайно благоустроенна, проезжающим предоставлены все возможные удобства. Вдоль дороги имеется несколько выстроенных Елизаветой дворцов, но даже обыкновенные станции напоминают собою скорее пышные дворцы, чем жалкие почтовые станции Пруссии. Кроме того, обо всем тщательно позаботились: трапезы заготовлены, лошади уже запряжены. Из деревень сбегаются люди и при виде царских саней перешептываются: это едет невеста великого князя!

Девятого февраля, в день рождения Петра, добираются действительно до последней остановки в шестидесяти верстах от Москвы. Торопливо закусывают, и дамы начинают наряжаться в придворные туалеты. София надевает тесно облегающее платье из розового шелка с серебром, без кринолина. Это известно из ее мемуаров, в которых здесь впервые встречается упоминание о туалете. До сих пор она не обращала особого внимания на свою внешность, пренебрегала ею – отныне это будет иначе.

Поверх придворных платьев накидываются шубы, прически прикрываются меховым капюшоном, в парадные сани впрягаются шестнадцать лошадей, и поездка продолжается с бешеной для того времени быстротой – шестьдесят верст в три часа! Камергер Сивере сидит на козлах и беспрерывными окриками понукает кучера. Когда добираются до стен Москвы, уже темнеет, но все же верх саней опускается, чтобы народ не мог видеть высоких гостей. В восемь часов подъезжают к Головинскому дворцу, гвардейские офицеры и личный конвой императрицы встречают их. В вестибюле их приветствуют Брюммер и знаменитый лейб-медик Лесток, сыгравший такую важную роль при восшествии на

престол Елизаветы.

Добравшись до отведенных им покоев, обе женщины едва имеют время сбросить шубы и капюшоны. Появляется великий князь в сопровождении принца Гомбургского и своей свиты.

– Я не мог утерпеть, – говорит он, – охотнее всего я помчался бы вам навстречу и сам впрягся бы в сани.

Судя по всем последующим событиям, мы должны прийти к заключению, что это нежно-нетерпеливое поведение и эти вычурные слова были ему старательно внушены. Но в настоящий момент столь сердечное "добро пожаловать" производит на княгиню и на Софию чрезвычайно благоприятное впечатление.

Софии не хватает времени вглядеться как следует в своего будущего супруга. Сейчас же появляется посланец от императрицы с приказанием привести гостей к ней. Петр подает руку княгине, принц Гомбургский – Софии, и через бесконечную анфиладу роскошных покоев, мимо стоящих двойными шпалерами придворных дам и кавалеров они доходят до порога парадной спальни Елизаветы. Здесь стоит в огромном кринолине и с исполинским черным пером в волосах сама императрица – воплощение могущественного благоволения.

Иоганна, памятуя советы Брюммера, не забывает поцеловать милостиво протянутую ей руку и в складной, заранее приготовленной речи выражает самодержице свою глубочайшую признательность за все оказанные им доселе милости.

– Все, что я сделала для вас до сих пор, – отвечает Елизавета, – ничто в сравнении с тем, что я еще намерена сделать в будущем для вашей семьи. Моя собственная кровь мне не дороже вашей.

С этими словами она обнимает княгиню "нежнейшим образом" (как та доносит своему мужу) и не забывает в виду сходства Иоганны с ее покойным братом проронить несколько слез в память о своем в Бозе почившем женихе.

София может тем временем всматриваться исполненными любопытства глазами в императрицу. "Я должна сказать, – пишет она тридцать лет спустя, – что всякий, видевший ее впервые, не мог не быть поражен ее красотой и величавостью ее осанки". И ничего больше. Она не хочет вдаваться в воспоминания. Долгий срок прошел между первым впечатлением и этой записью, очень много и часто очень дурных событий произошло между этими двумя моментами. Екатерина последующих лет не желает сознаться в том, что при первом взгляде на Елизавету она не только была поражена ее красотой, но и увидела в этой сияющей, увешанной драгоценностями женщине, пред которой униженно склонялись все окружающие, в этой победоносной узурпаторше, в этой властительнице над миллионами людей, в этой женщине,

которая не принадлежала ни одному мужчине и которая управляла всеми мужчинами вокруг, не что иное, как воплощение собственных мечтаний – свой идеал.

Глава III. Царица Елизавета

Софии суждено прожить семнадцать лет в тени Елизаветы, и только после того, как она выступит из этой тени, станет ясно, что она значительно переросла свой идеал. Но характер Екатерины все равно носит неизгладимый отпечаток личности Елизаветы.

С Елизаветой у нее гораздо больше сходства, чем с собственной матерью, от Елизаветы она научилась значительно большему, чем от мадемуазель Кардель и всех прочих воспитателей своей юности вместе взятых. Она научается этому не умышленно, это просто бессознательное приспособление ко всему, что ей нравится и импонирует в Елизавете, и прежде всего к тому, что в той особенно ярко проступает – к русскому духу.

В жилах Елизаветы кровь Романовых сливается с кровью простого народа, и оттого, по-видимому, она, с одной стороны, властолюбива, деспотична и жестока, с другой стороны – добродушна, весела и проста. Она порочна и богомольна, легковерна и недоверчива, отличается элементарным великодушием и мелочным тщеславием, ее одинаково легко растрогать до слез и довести до предательского озлобления, она подчас удивительно активна и немедленно вслед за тем впадает в ленивую апатию. Она женщина, исполненная противоречий, игрушка своих сменяющихся настроений, ею легко овладеть, но ее невозможно учесть. Она до мозга костей женщина со всеми типичными для женщины слабостями. В этом ее коренное отличие от позднейшей Екатерины.

Елизавете минуло восемь лет, когда ее родители вступили в законный брак. Ее тщательно воспитывали, так как отец вбил себе в голову выдать ее впоследствии замуж за французского дофина, будущего Людовика XV. Она научилась бегло говорить по-французски, но наряду с тем находила время усвоить в казарменных дворах (оставшихся на всю жизнь ее любимым местопребыванием) грубую солдатскую русскую речь. Она прекрасно танцевала, но еще лучше ездила верхом, она умела держать себя безупречно прилично, но было немало случаев, когда она пренебрегала всяким приличием.

После того как расстроился проект ее брака с наследником французского престола, она стала невестой Любекского епископа, брата княгини Цербстской, который за несколько недель до свадьбы умер от оспы. Возможно, что она и любила его и искренно о нем горевала; такие вещи случаются иногда и при дворе. Но указания, будто она любила его до самой своей смерти

и никогда не переставала тосковать по нему – не более как романтическая сказка; правда, такая, в которую и сама она до известной степени верила.

Эта вечная верность умершему жениху не препятствовала ей иметь множество любовников, но вместе с тем служила удобным предлогом отклонять не менее многочисленных претендентов на ее руку и давала возможность красиво мотивировать отказы. Эта трагическая верность являлась также подходящей отговоркой для ее собственной совести, потому что Елизавета отнюдь не была цинична; она была, наоборот, чрезвычайно, почти до болезненного, религиозна. В периоды обострения своей религиозности она проводила чуть ли не целые дни коленопреклоненно в монастырях и церквах, постилась и каялась. Затем ею снова овладевал вихрь жизни, страсть к какому-нибудь красавцу гвардейскому офицеру, лакею, даже конюху. Она стыдилась этих своих припадков страсти, но находила им оправдание в том, что жестокая судьба безжалостно лишила ее того единственного мужчины, которого она могла бы действительно любить. Когда ей напоминали об ее умершем женихе, она неизменно плакала, и эти слезы очищали ей совесть. Она любила эти напоминания.

Наряду с религиозными эксцессами, периоды обостренного честолюбия сменялись в ней периодами абсолютного безразличия. После смерти Петра II (ей было тогда двадцать четыре года) она пальцем о палец не ударила для того, чтобы заявить свои законные претензии на престол. А ей бы в действительности достаточно было только пальцем шевельнуть: за ней стояла гвардия, старая русская знать, и – насколько об этом можно судить о таком времени, когда не существовало формы для выражения общественного мнения – вся нация. Но она, по-видимому, предпочитала жизнь красивой свободной женщины прелестям власти, скакала по полям в сопровождении своего очередного любовника, принимала участие в народных гуляньях и плясках, ходила по казармам и чуть ли не каждую неделю крестила солдатских детей. Она скандализировала весь двор своими похождениями. Быть может, только под влиянием дошедших до нее слухов о намерении царицы заточить ее в монастырь, решилась она в ту декабрьскую ночь 1741 года испробовать свои силы. Она победила. Три года спустя Брюммер считает необходимым отправить навстречу княгине Цербстской специального курьера, чтобы напомнить ей о необходимости поцеловать руку императрице, – до того восприимчива стала Елизавета к доказательствам почтительности.

По сравнению со своими предшественницами, Анной

Иоанновной и Анной Леопольдовной, Елизавета была сильной личностью. Народ ее любил. Те годы, на протяжении которых она для собственного развлечения общалась с простым народом, прежде всего с солдатами, послужили ей на пользу: в противоположность прочим недоступным властительницам, которых никогда не видали в лицо, ее хорошо знали, видели, как она ослепительно красива, Убедились в том, что она без усилия говорит на языке простого народа. Это окружило ее ореолом популярности на все время ее правления, отнюдь не носившего характера демократичности, а, наоборот, бывшего до крайности Деспотичным и самодержавным.

За все те двадцать лет, в течение которых она сидела на Русском престоле, ей и в голову не приходило сделать когда-нибудь что-нибудь для народа, разве что предоставлять ему время от времени пышные зрелища. А народу пять-таки не приходило в голову, что эти пышные зрелища, обходившиеся подчас в несколько миллионов рублей, устраивались за его собственный счет.

Елизавета поклялась, что не подпишет ни одного смертного приговора, и сдержала свою клятву. Но за время ее царствования более ста тысяч человек было сослано в Сибирь, заговорщикам вырезали языки, а от телесных наказаний – вплоть до тысячи ударов кнутом! – за эти два десятилетия в России умерло в ужасных мучениях гораздо больше людей, чем в остальных европейских странах от топора палачей. Елизавета любила солдат, но за малейшую провинность их наказывали сотней палочных ударов. Она любила крестьян, но ей и в голову не приходило смягчить крепостное право: мужик принадлежал своему барину, мог быть им продаваем, эксплуатируем до крайности, подвергаем любым телесным наказаниям. За самую ничтожную кражу барин имел право сослать мужика вместе с его женой в Сибирь, оставив детей у себя, и на это решение апелляции не существовало. Елизавета так же мало помышляла о реформах в данном вопросе, как и сами крестьяне; подобно последним, она считала, что порядки эти освящены Богом: так оно было, так есть и так всегда будет.

У нее вообще была тенденция оставлять все по-старому, или, правильнее выражаясь, устроить все опять так, как было при отце, Петре Великом. Усвоив себе эту программу правления, она и для того, чтобы доказать ее наглядно, поставила во главе правительства единственного еще оставшегося в живых питомца Петра – Бестужева. Но ей не хватало последовательности ее отца, и она придерживалась преимущественно внешней стороны его программы: европеизации и роскоши двора.

В этом отношении она оставила Петра далеко за собой. Она скупала в Европе все, что там можно было приобрести за деньги: архитекторов, художников, скульпторов, врачей, ученых, преподавателей танцев и комедиантов. Знатным иностранцам был открыт путь в Россию, а сыновьям русских аристократов предоставлялись всяческие привилегии, если они хотели провести несколько лет за границей, чтобы усвоить себе европейский образ жизни. Истинная цель этих дорогих мероприятий – империалистическое расширение могущества России – упускалась ею при этом из виду. Петр Великий, несомненно, не оставался бы бездейственным зрителем борьбы между Австрией и Пруссией, он непременно вмешался бы в нее и добился определенных, соответствующих его политике, выгод. Непоследовательность Елизаветы обеспечила России шестнадцать мирных лет, в течение которых она была в союзе с Австрией, не ссудив Марию-Терезию за все это время ни одним дукатом и не послав ей на помощь ни одного солдата.

Нелегко бывает подчас провести грань между политикой Елизаветы и ее личными интересами. В то время как Бестужев конспирирует с Веной против Пруссии и Франции, она обменивается сердечными письмами с Фридрихом II, а посол Франции де ла Шетарди является ее неизменным посетителем. В своих сношениях с Фридрихом она действительно руководствовалась желанием сохранить мир на границах своего государства, но Шетарди был одним из тех людей, которые помогли ей овладеть престолом; он был также, по всем вероятиям (доказательств тому не имеется), некоторое время в очень близких с ней отношениях. Приблизительно такое же положение занимает француз лейб-медик Лесток, тоже один из героев революционной ночи 1741 года. Елизавета не может просто отделаться от этих своих друзей, да и не желает этого, ибо по своей природе она благодарный человек. Ее благодарность, подобно прочим чертам ее натуры, не знает удержу, лишена рассудочности, она осыпает своих друзей подарками, знаками отличия, даже истинными проявлениями доброты, но в один прекрасный день под влиянием какого-нибудь внезапного подозрения ее благодарность сменяется ярой ненавистью, и она начинает преследовать "предателя" со всей жестокостью запуганной тиранши. Ни один из ее друзей не избежал в конце концов этой участи.

Бестужеву она предоставляет, в общем, свободу действий. Лишь в некоторых случаях поступает она так, как ей лично хочется. Так, она, не посоветовавшись с ним, выписала в Москву своего племянника Петра, чтобы сделать его наследником

престола, и поступила вопреки его прямому желанию, выбрав Софию в невесты Петру. В обоих этих случаях она действовала по собственной инициативе и с такой быстротой, которая является совершенно необычайной в придворной жизни. Но зато на протяжении долгих периодов она не хочет быть ничем иным, как красивой женщиной, окруженной сонмом восторженных поклонников, женщиной, всецело поглощенной только заботами о развлечениях. По утрам охота, днем выезды, по вечерам оперные спектакли и балы, и по всем этим поводам необходимо, разумеется, менять туалеты и прическу – бесконечно сложные туалеты и прически восемнадцатого века.

Откуда же взять время для того, чтобы выслушивать скучные доклады министров? День и так слишком короток, в дни масленицы приходится ужинать только в два часа ночи! За масленицей следует пост с его молитвами в Троице-Сергиевом монастыре. Случалось, что Бестужеву приходится неделями, даже месяцами дожидаться какого-нибудь решения, даже просто подписи.

Известен следующий эпизод. Елизавета наконец собралась подписать какую-то бумагу, вывела три буквы: "Ели", но в это время оса ужалила ее в руку, и прошло шесть месяцев до тех пор, пока она собралась дописать последние шесть букв своей подписи!

"Если бы императрица посвящала делам государственного управления хоть одну сотую долю того времени, которое им посвящает Мария-Терезия, – жалуется Бестужев министру Улю в Вене, – то я был бы счастливейшим в мире человеком".

Иногда, возвратившись из поездки по монастырям, она ощущает сильный моральный подъем. В таких случаях учреждается "строгая комиссия", на которую возлагается расследование и строгое наказание внебрачных связей. Сотни так называемых непотребных женщин заточаются в монастыри или сажаются в тюрьмы. А императрица живет тем временем дверь о дверь с красавцем Разумовским, бывшим соборным певчим, сыном простых украинских крестьян. Этот "ночной император", "empereur nocturne", как его именовали при дворе, был раньше всех других любимцем Елизаветы, и даже весьма вероятно, что он был ее морганатическим супругом (документ, удостоверяющий этот брак, был якобы уничтожен при весьма романтических обстоятельствах, о чем еще будет речь впереди).

Разумовский представлял собой, во всяком случае, идеал фаворита, не только вследствие своей поразительной красоты, но и по лени и халатности: он никогда не вмешивался в политические дела, не обнаруживал ни малейшего честолюбия, и

когда его высокая повелительница награждала его всевозможными титулами, он говорил ей: "Ты все равно не добьешься того, чтобы меня стали брать всерьез". Не обнаруживал он также ни малейшей ревности, хотя имел для этого достаточно оснований, потому что непосредственное соседство ее фаворита столь же мало удерживало Елизавету от того, чтобы поддаваться зову своей "сибаритской натуры", как и сентиментальные воспоминания о покойном женихе.

Многое из того, что потом, из-за незнания русской истории, приписывалось Екатерине, должно быть поставлено в счет Елизавете. Это в Елизаветину, а не в Екатеринину спальню входил иногда вечером простой солдат и покидал ее на следующее утро в высоком офицерском чине. Да, воистину нелегко было комиссии, занимавшейся расследованием нравов, проглядеть то, что происходило в покоях императрицы. Но это только один симптом среди сотни других, симптом того резкого различия между великолепным фасадом и действительностью, которое было характерно для тогдашней России.

Елизавета такова же, какова ее страна и ее эпоха. Россия восемнадцатого века состоит из подавляющего большинства голодных, безграмотных людей и тонкого слоя наскоро цивилизовавшихся высших кругов общества.

Представители этих высших кругов обладают поражающими своим великолепием дворцами, а улицы, на которых высятся эти дворцы, утопают в грязи, и никогда не Убираемые трупы околевших лошадей заражают своим зловонием воздух. Приемные залы этих дворцов убраны с неимоверной роскошью, перегружены золотом, серебром, картинами и коврами, а в жилых покоях дымят печи и сквозь неладно пригнанные бревна стен продувает ледяной ветер. Дворцы самой императрицы, по отзывам иностранных послов, красивее и великолепнее Версаля и Фонтебло, но Елизавете не приходит даже в голову меблировать их постоянной обстановкой, она перетаскивает свою кровать, свои комоды и стулья из Москвы в Петербург и обратно, половина вещей пропадает при перевозке, портится, крадется, и бесконечная анфилада комнат по большей части пустует. У нее пятнадцать тысяч шелковых платьев и пять тысяч пар обуви. Если ей не удается достаточно быстро нарядиться в одно из этих платьев, она награждает свою камеристку пощечинами. Однажды на придворном балу какая-то дама позволила себе украсить свою прическу такой же розой, как Елизавета. Императрица бросается на нее и на глазах изумленных иностранных дипломатов вырывает из прически несчастной дамы злополучную розу: во всем и везде она остается еще нецивилизованным варваром.

Когда княгиня Цербстская прибывает с дочерью в Москву, то ее тщеславие отмечает с чувством несказанного удовлетворения все оказываемые ей знаки отличия. Но София, которая встречалась до сих пор только со скромными дамами ее родины, воспринимает с необычайным воодушевлением в лице Елизаветы то чудо истинной женской теплоты, источником которой никак не может быть только политический проект сочетания узами брака двух детей, приходящихся императрице дальними родственниками. Чем же объясняется необычайно теплый прием? Дело в том, что у Елизаветы чисто русская душа, она расточительна не только в отношении денег, она, хотя бы и временами только, ощущает потребность расточать и себя. Ни ее покойный жених, ни ее благополучно здравствующий фаворит не могут удовлетворить эту потребность.

Она не хочет выйти замуж, не хочет подпасть под власть мужчины, но, может быть, она тоскует по детям? Два года тому назад она пригласила к себе принца Петра, сделала его великим князем и наследником российского престола – но Петр, к сожалению, не умеет внушать к себе чувство любви. Теперь она выписала для него невесту, и эта невеста затрагивает самые сентиментальные стороны ее души: она племянница того человека, по которому Елизавета так охотно проливает романтические слезы. Чувствуя себя одинокой на престоле и в обществе стоящего значительно ниже ее возлюбленного, окруженная придворными льстецами, помышляющими, в сущности, только о своих личных выгодах, Елизавета изливает весь неиспользованный избыток своих нежных чувств в двух направлениях: дружбы к княгине и материнской любви к принцессе. В этот момент она является в большей степени человеком, чем ее гостьи: она забыла, что она их благодетельница.

Вполне естественно поэтому, что она производит на Софию совершенно потрясающее впечатление, и что влияние, которое она имеет на девочку, гораздо большее, чем хочет признать впоследствии Екатерина. Невзирая на недостаток образования, на свое полуварварство, свои капризы и проявления истеричности, Елизавета подлинный, величавый по заложенным в нее возможностям кусок живой природы. Хотя цербстские гостьи и знают уже Фридриха II, стоящего значительно выше Елизаветы в отношении ума, Елизавета, несомненно, является самым интересным из когда-либо встреченных ими экземпляров человеческой природы.

"Наша дочь пользуется большим успехом, – пишет княгиня восемь дней спустя своему супругу в Цербст, – императрице она

очень нравится, а наследник любит ее. Бестужев вне себя. Все идет превосходно – и дело сделано".

Великий князь любит Софию – утверждает княгиня. Так ли это? Нет, разумеется, это пока неверно. Да и как могло бы развиться с такой быстротой чувство любви? Гораздо важнее было бы установить, ощущают ли эти двое Детей (ведь они оба еще, в сущности, дети), предназначенных волею Елизаветы стать супругами, внутреннюю готовность приспособиться друг к другу, быть нежными, полюбить друг друга.

Что касается Софии, тот этот вопрос может без всяких сомнений быть разрешен в утвердительном смысле.

Пусть даже ее желание понравиться Петру и полюбить его имеет своим исходным пунктом исключительно тот факт, что он престолонаследник и в будущем правитель великого Российского государства, – относительно ее доброй воли стать ему лучшей из жен не может быть в настоящий момент ни малейшего сомнения. Петр являет собой воплощение всех ее честолюбивых замыслов, и так как ее сердце вполне свободно, то она, естественно, склонна подарить его тому, в чью сторону влечет ее честолюбие.

Но как относится Петр к предстоящему браку? При первой встрече с Софией, на глазах гофмейстера, он, правда, сказал ей несколько ласковых слов. Но при первой же интимной беседе, которая им разрешается, он сообщает Софии, что, в сущности, влюблен в одну из прежних фрейлин Елизаветы и охотно бы на ней женился, если бы только тетя разрешила. Что означает это признание, которое, разумеется, мало способствует созданию добрых отношений между будущими женихом и невестой? Это невозможно себе уяснить, если не составить себе прежде всего надлежащего представления о занимаемом Петром положении и его характере.

Петр отнюдь не полукретин или злодей, которым его часто изображают. Он просто посредственный, дюжинный человек, поставленный перед слишком большой, непосильной ему задачей. Это началось еще в Гольштинии, где у него украли детство, возложив на него всевозможные обязанности представительства. Счастливым он себя ощущал только на плацу для воинских упражнений. Военный мундир, этот символ мужественности и силы, кажется этому слабенькому мальчику высшим счастьем.

Его ум вполне отвечал только требованиям казарменного двора. Он являл собою добропорядочного среднего фельдфебеля и на подчиненном посту всегда отлично справился бы со своей ролью. Но судьба захотела иного. Мальчику улыбался то шведский, то российский престол, и поэтому его заставляли

учиться то по-шведски, то по-русски – в конце концов он ничему не учился. Разве ей хотелось быть монархом? Командование полком сделало! бы его счастливым. Но целое государство? Когда он прибыл в Россию, Елизавета, сама не блиставшая образованием, поражалась тому, как незначительны его познания! Она поручила его саксонцу Стелину, который лез из кожи, чтобы внедрить будущему престолонаследнику хоть самые? необходимые сведения, не слишком его перенапрягая. Петр не делал ни малейших успехов ни в русском языке, ни в истории, ни в каких бы то ни было науках.

Суть была, конечно, не в том, чтобы изучить русский язык. Даже при своих средних способностях Петр, разумеется, подобно всякому другому юноше, мог бы с течением времени усвоить его. Но во время каждого невинного урока он ощущал, что преподаватель ставит ему более важную задачу: подготовиться стать настоящим престолонаследником, монархом – и против этого он протестовал. Его тянуло на казарменный двор, к простым и ясным приказаниям военного начальства, ему и самому хотелось отдавать подчиненным такие же простые и ясные приказания.

Его наметили, против его воли, в будущие повелители величайшего государства земного шара, а он в душе был маленьким гольштинским солдатом. Его идеалом остается – что ему за дело до русской политики? – идеал всякого голштинского солдата: Фридрих Прусский. Он принял православие, потому что от него этого потребовали и потому что он не сумел этому воспротивиться, но в душе он остается немцем-лютеранином. Он берет уроки русского языка, потому что его к этому принуждают, но он старается извлечь из них возможно меньше пользы. Поскольку ему это разрешается, он окружает себя голштинскими офицерами и разговаривает с ними на родном языке.

Теперь ему выписали невесту. Он знает для чего: он должен положить с нею возможно скорое начало будущей русской династии. Как и всегда, он внешне послушен, повторяет при встрече с кузиной ту любезную фразу, которой научил его Брюммер. Но как только он остается с нею наедине, он не упускает случая оскорбить ее как можно глубже: он протестует против намеченного брака – как против всего, что с ним вообще делают.

София не может позволить себе показать, что она обижена. Да она, кроме того, и вообще не избалована вниманием. Она привыкла к необходимости бороться за любовь и благорасположение и твердо решила и в этом случае опереться до последних сил. Она еще не располагает для той цели средствами

женского кокетства и потому пробует прибегнуть к уму, как это до сих пор постоянно делала. Разум требует, чтобы она представилась глупее, чем она есть. Так она и поступает. Она идет навстречу всем мальчишествам Петра, она – так, чтобы он не замечал, – принижает себя до его интересов. Это ей в известной мере удается, он проникается к ней доверием, делает ее участницей своих игр. Но любовь? Ее нет и в помине. Скорее, нечто противоположное: подобие тайного союза против двора, который ждет и требует от них обоих пробуждения страсти. С поразительно верным инстинктом ведет эта зрелая, но совершенно неопытная девушка этого незрелого мальчика на тот единственный путь, который мог бы в конце концов привести его к любви: на окольный обходный путь невинных неэротических забав, при которых он забывает о своем страхе любви.

Но одновременно с этим она обнаруживает, что слеплена из совершенно другого теста, чем он. Русская к на, которая давит его еще до того, как ее возложили на его главу, пробуждает в ней все ее дремлющие способной расти. Та задача, которая его пугает и заставляет стать ниже его действительного роста, побуждает Софию вырасти. В то время как он боязливо ограждает себя от всего нового только старается охранить неприкосновенность своей ничтожной личности, София с воодушевлением и порывом бросается навстречу новизне, блестящим перспективам.

Она хочет стать русской царицей, значит, ей прежде! всего необходимо изучить язык этой страны, принять религию этого народа, словом – сделаться русской. Как Петру, ей назначают преподавателя русского языка, к не* приставляют священника, чтобы он наставлял ее в православной вере. Но в то время как Петр приводит своих учителей в отчаяние своим невниманием и неспособностью, она одержима истинным бешенством учения] Дома она была посредственной ученицей, теперь же преподаватели не могут нахвалиться ее прилежанием, ее быстротой усвоения предмета. День с его многочисленным* светскими обязанностями слишком короток для ее рвения, она встает по ночам с постели, хватает книгу и оставаясь босой, чтобы холод мешал ей заснуть, расхаживает взад и вперед по комнате и зубрит слова. Речь идет не ; о том, чтобы хорошо выучить урок, заслужить безграничную похвалу учителей, речь идет о России!

Ей всегда везет. Если с ней приключалось несчастье, то это всегда служило ей на пользу. Теперь ее везение заключается в том, что от своих ночных прогулок босиком она наживает себе воспаление легких. Императрица находится как раз в Троицком монастыре, она спешит обратно во дворец, выскакивает из саней и, не переодевшись даже, бросается к постели больной. Она

появляется как раз вовремя, чтобы прекратить резкий спор между княгиней Цербстской и пользующими Софию врачами. Как это ни покажется странным, но в этом споре права была с медицинской точки зрения, пожалуй, княгиня, не желавшая, чтобы больной пускали кровь. Елизавета приказывает, чтобы пустили так, как считают необходимым сделать врачи, и находящейся в лихорадке девушке на протяжении двадцати одного дня болезни шестнадцать раз пускают кровь.

За эти двадцать один день, в течение которых она редко приходит в сознание, София завоевывает множество сердец. Фрейлины знают, каким образом она нажила себе эту ужасную болезнь, камеристки рассказывают об этом лакеям, лакеи придворным поставщикам. Мясник, булочник, сапожник, столяр разносят по всему городу весть о том, что маленькая немецкая принцесса заболела смертельной болезнью от того, что вставала по ночам с постели, чтобы поскорее научиться русскому языку! Когда врачи заявляют, что надежды на выздоровление нет, мать предлагает Софии позвать протестантского священника. Но. София заявляет:

– Пригласи батюшку Симеона Тодорского, с ним я охотно побеседую.

Врачи и придворные дамы слышат эти удивительные слова. Подумайте только: она знает, что ее жизнь находится в опасности, потому что лишь в таких случаях к постели больной приглашают духовное лицо. Невозможно допустить, чтобы за несколько недель она действительно глубоко уверовала в православие. Значит, даже на краю могилы она сохраняет невероятное присутствие духа, чтобы завоевать симпатии своих будущих земляков!

Успех поразительный! Как раз те, кто относился наиболее недоброжелательно к приезду немки, то есть инаковерующей – именно эти представители национально настроенных кругов растроганы поведением ребенка и преисполняются сострадания к больной.

Императрица часто сидит у ее постели и плачет, когда врачи безнадежно разводят руками. В эти дни она, бездетная женщина, любит истинно материнской любовью это молодое существо, которое она едва знает и которое ей суждено потерять. Одновременно ослабевает ее привязанность к настоящей матери, княгине Цербстской.

Княгиня, по-видимому, не может снести того, что ее дочь одна в центре всеобщего внимания, она вечно ссорится с врачами и камеристками – до тех пор, пока императрица не запрещает ей входить в комнату больной. Девятнадцатого марта лихорадка

доходит до апогея. День спустя вскрывается "нарыв в боку", температура падает – и больная спасена. Через четыре дня княгиня Цербстская посылает к своей воскресшей дочери камеристку – за чем бы вы думали? – за той штукой затканной серебром материи, которую ей подарил дядя при отъезде из Любека! Это единственная красивая материя, которую София привезла с собой с родины, и находящиеся в комнате больной придворные дамы видят, как тяжело расстаться с этим подарком ребенку – ребенку, перенесшему столько страданий и от слабости еще едва могущему сидеть в постели. Они говорят с откровенным возмущением об этой противоестественной матери, страсть которой к нарядам уступает по силе только ее бессердечию, и докладывают о происшедшем императрице. София получает в подарок множество всевозможных материй, среди них также голубую, затканную серебром. Она получает также в честь своего выздоровления еще бриллиантовое ожерелье и серьги в двадцать тысяч рублей, а от великого князя украшенные рубинами часы.

Двадцать первого апреля – в день, когда ей минуло пятнадцать лет, – она снова появляется при дворе. Когда она одевается и видит себя в зеркале, то приходит в ужас: за время болезни она выросла, но исхудала, как скелет, ее лицо вытянулось и побледнело, волосы частью выпали. Елизавета посылает ей банку румян, чтобы она, в виде исключения, накрасила себе щеки. Несмотря на это, она в тот вечер, должно быть, не являла собою образа сияющей юности. Но какое это имеет значение? Едва лишь вступает она в зал, как ощущает во всех рукопожатиях, читает во всех взорах, с какой симпатией к ней стали относиться. Она больше не чужая, которую разглядывают с любопытством и недоверчивостью, она своя, возвращение которой приветствуется с искренней трогательной радостью. Недели ее беспомощной слабости приблизили ее к заветной цели гораздо больше, чем предшествующие недели напряженной работы.

Уже на следующий день она возобновляет занятия со священником Симеоном Тодорским. Никто не сомневается в том, что естественным концом этих занятий явится ее решение перейти в православие. Но по этому вопросу ведется оживленная переписка между Москвой и Церб-стом, потому что для перемены Софией религии требуется официальное согласие ее отца. Христиан-Август должен бы, казалось, считаться с необходимостью такой перемены веры с первого момента, но чем более приближается час, когда нужно принять окончательное решение, тем больше он артачится. Фридрих II, имеющий кроме тех лиц, которых намеченный брак касается, наибольший интерес

в его осуществлении, всячески старается воздействовать на князя Цербстского. Но как раз в тот момент, когда ему наконец удается победить религиозное упорство Христиана-Августа, самая его рьяная союзница в Москве – княгиня Цербстская – своим излишним старанием чуть не приводит к тому, что все "дело" проваливается.

Фридрих внушил ей необходимость свергнуть вице-канцлера Бестужева, обещал ей даже за это вознаграждение, он – что еще важнее – расшевелил ее политическое честолюбие, и это-то политическое честолюбие чуть не приводит к крушению всего плана. Потому что, если княгиня при настоящем положении вещей все еще продолжает конспирировать против Бестужева, то делает это исключительно "ради короля Пруссии". Обручение должно вот-вот состояться, София пользуется любовью императрицы, двора и, насколько об этом можно судить, всего народа. Какая опасность может тут угрожать со стороны Бестужева? Если бы княгиня хоть немного призадумалась и вникла в ситуацию, то, несомненно, должна была бы сказать себе, что такой опасности нет, что Бестужев, как бы отрицательно ни относился он лично к данному браку, сам не может больше допустить, чтобы государыня в последний момент пошла на попятный.

Но она не способна вдуматься, да к тому же непременно хочет доказать свои дипломатические способности, не может отказаться от надежды заслужить похвалу Фридриха, от надежды получить в подарок Кведлинбургское аббатство. Да ей и нелегко составить себе самостоятельное суждение о положении вещей, так как с первого же часа, когда она вступила на территорию России, она находится в обществе врагов Бестужева: Мардефельда и де ла Шетарди. Она имеет с ними тайные совещания, кует сообща с ними коварные планы, и рвение ее со дня на день растет, так что она вовсе не замечает, что ее союзники преследуют намерения, ничего общего с ее интересами не имеющие. Ведь их план сводится только к созданию союза между Пруссией, Францией и Россией, союза, направленного против Марии-Терезии, осуществлению которого препятствует, по их мнению, только присутствие Бестужева.

Но интриганы не понимают российских условий, упускают из виду, что Бестужев, независимо от его личных качеств или недостатков, является представителем национально настроенных кругов и что Елизавета в глубине своей души прежде всего русская. Они видят, что Бестужев наскучил императрице, часто злит ее, и думают, что не хватает только небольшого надлежащего толчка, чтобы вызвать его отставку. Они

конспирируют против Бестужева, не считаясь с тем, что он достаточно умен для того, чтобы догадаться об интригах, и достаточно могуществен, чтобы принять против них свои меры. А меры эти весьма просты: Бестужев перлюстрирует переписку своих врагов и через некоего Гольдмана, служащего в коллегии иностранных дел, расшифровывает их конспиративные донесения в Берлин и Париж.

Когда в его руках сосредотачивается достаточно материала – около пятидесяти писем, по преимуществу писанных де ла Шетарди, – он делает доклад императрице. Из донесений де ла Шетарди явствует, между прочим, наличность тайного соглашения между ним и княгиней Цербстской. И вот она является теперь в глазах Елизаветы прусской шпионкой, неблагодарнейшей особой, осыпанной благодеяниями гостьей, вмешивающейся в интересах иностранной державы в интимнейшие дела русской политики.

Первого июня императрица уезжает в Троицкий монастырь, что она делает ежегодно в этот день, в который ее великий родитель некогда укрылся в этом монастыре от стрелецкого бунта. Туда-то и доставляет ей Бестужев уличающие его врагов письма, вероятно, в том предположении, что вдали от мирской суеты и придворных развлечений у Елизаветы будет больше досуга вникнуть в это серьезное дело.

Третьего июня императрица отправляет в Москву курьера за княгиней, Софией и Петром. Не успевают приезжие пообедать, как Елизавета приглашает княгиню в свою келью, а Петр и София взбираются на подоконник и начинают одну из тех ребяческих бесед, которые София такая мастерица поддерживать. Их беседа принимает все более оживленный характер, дети хохочут во все горло, как вдруг из кельи императрицы выходит Лесток и заявляет грубым тоном:

– Этим забавам скоро придет конец!

Обращаясь к Софии, он добавляет:

– Вы можете заняться укладкой ваших сундуков. Сейчас вы поедете домой!

Лесток удаляется, оставляя молодых людей в полном недоумении насчет значения его мрачных слов. Они абсолютно не могут понять, в чем дело. Те полчаса, на протяжении которых они думают, что им вскоре предстоит, очевидно, навеки разлучиться, могли бы способствовать в них расцвету их чувства, если бы это чувство пустило хоть какие-нибудь ростки. Но, по-видимому, у них не было даже зародыша чувства. Петр не обнаруживает ни малейшей грусти по поводу грозящей утраты приятельницы своих игр и тем во второй раз глубоко оскорбляет Софию. сама она

просто вне себя: разумеется, не потому, что ей было больно расстаться с Петром.

Наконец раскрывается дверь, и императрица, вся красная от злости, выходит из своей кельи в сопровождении княгини, лицо которой распухло от слез. Дети соскакивают с подоконника, императрица замечает это, подходит к Софии и целует ее. Тот, кто предположил бы, что Елизавета способна была в этот момент крайнего озлобления учесть, что лично София абсолютно ни в чем не повинна, или призадуматься о политических соображениях, говорящих в пользу того, чтобы принцесса не уезжала, обнаружил бы полное непонимание характера императрицы. Она просто привязалась к Софии, полюбила ее и давно уже научилась проводить глубокую грань между Софией и ее матерью.

Об отъезде на родину нет больше и речи.

Должно быть, и Бестужев не придает больше особого значения расстройству матримониального проекта, потому что в противном случае легко мог бы сейчас этого добиться. Он удовлетворяется тем, что враги его посрамлены и обезврежены. Княгиня вряд ли найдет еще случай настраивать Елизавету против себя; Лесток, никогда не переставший осторожно лавировать между обеими партиями, теперь, несомненно, окончательно отвернется от этой неудавшейся интриги. Брюммер еще раньше впал в немилость, а Мардефельд жестоко скомпрометирован. Что касается де ла Шетарди, то тот по совету Бестужева просто высылается из России. Это оказывается возможным сделать, потому что де ла Шетарди до сих пор не вручил верительной грамоты своего правительства.

Эта верительная грамота, в которой Елизавета впервые именуется "ее императорским величеством" (титул, которого до сих пор не хватало в бумагах французского правительства и которому Елизавета придает огромное значение) покоится еще в кармане де ла Шетарди. Он намерен был предъявить свою верительную грамоту только после отставки Бестужева: это должно было быть чем-то вроде сделки между французским правительством и русской царицей. Но де ла Шетарди все не удосуживался заключить эту сделку, потому что ему на протяжении многих месяцев не удавалось переговорить с Елизаветой четверть часа наедине. Таким образом, он может теперь подвергнуться высылке, как частное лицо, и озлобление Елизаветы против бывшего сообщника, друга и, вероятно, даже любовника до того велико, что она ему приказывает оставить в России подаренный ею ему когда-то усеянный бриллиантами портрет свой. Только бриллианты ему разрешается сохранить.

Так заканчивается первая дипломатическая попытка княгини Цербстской: высылкой де ла Шетарди, охлаждением отношений между Россией и Пруссией, повышением Бестужева из звания вице-канцлера в звание канцлера и окончательной утратой доверия императрицы к принятой с таким благоволением родственнице. София выходит из всего этого разгрома абсолютно невредимой.

Двадцать восьмого июня происходит торжественный переход Софии в православие. Императрица сшила ей роскошное платье – такое же, как любила сама носить: красного цвета с позументом. Она лично ведет девушку и велит ей там опуститься на колени на бархатную подушку. Никто еще не знает, кто будет крестной матерью Софии. Все знатные дамы добивались этой чести, но ни одной из них она не досталась. Наконец появляется об руку с Елизаветой 80-летняя настоятельница Новодевичьего монастыря, славящаяся своей святой жизнью.

Громким и внятным голосом, на прекрасном русском языке произносит София полагающиеся по обряду молитвы. "Все присутствующие плакали навзрыд, – доносит Мардефельд Фридриху II, – но молодая принцесса не пролила ни слезинки и вела себя, как настоящая героиня. По-русски она говорила безупречно. Коротко сказать, ею восторгаются и государыня, и ее будущий супруг, и вся нация". Во время происходящей церемонии София нарекается в честь матери императрицы Елизаветы тем именем, под которым она будет еще неисчислимые годы известна всякому школьнику – Екатериной!

По возвращении в свои покои "православная Екатерина" получает в подарок колье и украшенный драгоценными камнями пояс. Княгиня сообщает мужу, что эти две вещи должны стоить около ста пятидесяти тысяч рублей. На следующий день Лесток вручает Екатерине оправленный в бриллиантовый браслет миниатюрный портрет императрицы и портрет великого князя. В этот день происходит и обручение. В сопровождении всего двора пышная процессия направляется пешком в собор. Елизавета с короной на голове шествует под балдахином из массивного серебра, его несут восемь мужчин. Архиепископ Новгородский обручает великого князя Петра Федоровича с Екатериной Алексеевной и оглашает высочайший указ, которым та возводится в звание великой княгини и ей жалуется титул императорского высочества. Пушечная пальба и колокольный перезвон сопровождают церемонию: синод, сенат, все высшие сановники государства и весь генералитет налицо.

Возвращаются во дворец. И здесь, прямо на пороге, заканчивается молчаливая озлобленная борьба между матерью и

дочерью: в качестве великой княгини Екатерина имеет право войти впереди своей матери. Конечно, это только чисто внешний символ! Но он воспринимается обеими сторонами чрезвычайно глубоко. Княгиня с ее ребяческим характером с трудом скрывает свое неудовольствие. А Екатерина? Как относится она к этому своему триумфу? Как и все широкие натуры, она знает только один вид мести: великодушие. Она приостанавливается у порога, проявляя этим желание избавить мать от унижения.

И в будущем она всюду, где это только представляется возможным, старается избежать таких ситуаций, при которых ей, в силу правил этикета, пришлось бы пройти впереди матери.

Там, где она сознает свою силу, она всегда великодушна. Несколько дней спустя она получает от императрицы тридцать тысяч рублей на карманные расходы, или, как тогда выражались, "на игру в карты". Немедленно же садится она за стол и пишет своему отцу: "Я знаю, что ваша светлость отправили моего брата в Гамбург и что это повлекло за собой большие расходы. Я прошу вашу светлость оставить моего брата там столько времени, сколько понадобится для окончательного восстановления его здоровья, и беру на себя все расходы по пребыванию его в Гамбурге".

К факту ее рождения ее родители отнеслись без радости, потому что это была девочка, с ней обращались менее любовно и более пренебрежительно, чем с ее младшими братьями, – теперь она за это отомстила. Еще прежде, чем купить себе новое платье или доставить себе какое-нибудь другое личное удовольствие, ей неудержимо хочется выполнить затаенную мечту: доказать своей родне, что она выше их, выше, чем мог бы быть любой мальчик ее возраста. Скажут, что это недостойная мечта. Возможно. Но ее пятнадцать лет отодвигали на задний план, так что теперь ее можно и понять, и оправдать.

И мало кто сумел бы отомстить более благородным образом.

Глава IV. Только поскорее!!!

Елизавета ложится спать поздно. По окончании балов и официальных приемов, когда расходятся придворные и сановники, она еще развлекается с такими же, как она, полуночниками в своих личных покоях, а когда они уходят, когда ее утомленное тело властно требует отдыха, она хоть и позволяет себя раздеть, но до той поры, пока не рассветет – значит, зимою почти до восьми часов утра, – разговаривает с полудюжиной женщин, поочередно щекочущих ей во время этих бесед пятки.

Что это – странная извращенность или восточный обычай? Позади парчовых портьер царского алькова дремлет, не раздеваясь, на жалком тюфячке мужчина – самый верный слуга Елизаветы, дворецкий Чулков, который за двадцать лет не провел ни одной ночи в настоящей постели. Только после того, как сквозь гардины начинает проникать свет начинающегося дня, исчезают чесальщицы пяток и появляется Разумовский или другой очередной возлюбленный, в объятиях которого Елизавета наконец засыпает. Но человек позади портьер – Чулков – остается на своем посту и бодрствует до тех пор, пока Елизавета не проснется, то есть по большей части до полудня.

Все эти странные привычки имеют очень простое основание. Анна Леопольдовна спала в тот момент, когда Елизавета ее свергла, и теперь она сама боится, как бы ее не постигла ночью такая же участь. Ее суеверие, ее страх патологически преувеличенны, как и все в ней, но не лишены всякого основания. Но с какой стороны может ей угрожать опасность? Народ ее любит, да и кто вообще думает в ту эпоху, когда народные массы в России еще менее умеют самостоятельно мыслить, чем в Западной Европе, о возможности серьезных народных восстаний. Только дворцовая революция может лишить в России монарха трона и жизни.

История русской монархии представляет собой в восемнадцатом веке и впрямь сплошную цепь дворцовых революций, так что один из дипломатов того времени не без основания заметил: "Русский трон переходит не по наследству и не по избранию, его просто занимают".

Уже через год после воцарения Елизаветы был своевременно раскрыт один заговор против нее, стоивший фрейлине Лопухиной языка, австрийскому посланнику Ботте его поста, а Марии-Терезии – Силезии. Всякая дворцовая революция происходит под флагом какого-нибудь претендента на престол. Заговор Ботты был затеян в интересах свергнутого с престола малолетнего

Иоанна. И Иоанн действительно является единственным опасным, единственным возможным соперником Елизаветы. Он, правда, еще ребенок, не умеющий ни писать, ни читать, но все же ребенок, коронованный когда-то царем, ребенок, изображения которого были отпечатаны на монетах, ребенок, за которого на протяжении года молились во всех русских церквах как за государя.

Этот-то ребенок и лишает Елизавету сна. Тысячи шпионов шныряют по стране, прислушиваются к разговорам придворных, чиновников, солдат: нет ли где-нибудь недовольных существующим режимом и мечтающих об Иоанне. И при иностранных дворах – в Вене, Копенгагене, Лондоне, Париже сидят шпионы, задача которых – выяснять, нет ли какого-нибудь тайного соглашения между приверженцами Иоанна и одной из иностранных держав. Одно несомненно: для того чтобы обезвредить Иоанна навсегда, необходимо, чтобы на глазах народа, на глазах заграницы подле Елизаветы подрастала и упрочивалась новая будущая династия. Вот почему она, почти немедленно после воцарения, выписывает из Гольштинии своего племянника и назначает его наследником престола.

Но Петр хилый и слабый ребенок. Не успел он пробыть и года в России, как чуть было не погиб от болезни. Каждые несколько недель он схватывает какую-нибудь простуду, лихорадку, расстройство желудка. Что будет, если он умрет раньше Елизаветы? Значит, необходимо поскорее раздобыть ему жену, дабы он обзавелся потомством, дабы в случае его преждевременной смерти Елизавета имела нового союзника в ее борьбе против невинного, но опасного ребенка Иоанна. Вот чем объясняется ее торопливость в подыскивании невесты Петру, вот откуда те настойчивые письма, которые Брюммер отправляет от ее имени княгине Цербстской. Поскорее, только бы поскорее!

Теперь невеста налицо. Она здорова и крепка, все политические и религиозные препятствия преодолены. Что может стать на пути немедленной свадьбы? Нечто очень существенное: опасения врачей. В шестнадцать лет Петр выглядит, как четырнадцатилетний мальчик. В отличие от своей тетки, он не обнаруживает ни малейшего нетерпения вступить в брак, и никто из его окружающих не может подметить в нем ни малейших признаков возмужалости.

С невестой своей он как будто в приятельских отношениях. Но если бы кто-нибудь подслушал разговоры этих молодых людей (а это, несомненно, делается), то не услыхал бы ничего, кроме ребяческой чепухи. Екатерина подчиняется во всем желаниям своего жениха. Она готова на все, для всего созрела, на все

согласна. Но в результате ей приходится теперь, в пятнадцатилетнем возрасте, делать то, что ей было противно уже в пятилетнем, – играть в куклы! Надо обождать еще минимум год, требуют врачи, од – это необычайно продолжительный период для нетерпения Елизаветы.

Так как ей приходится волей-неволей подождать со свадьбой, то она затевает нечто другое, весьма способствующее поднятию престижа двора в народе: поездку на богомолье в Киев. Великий князь, Екатерина, ее мать и часть свиты посылаются вперед. Елизавета же, личность торой является тяжелым крестом ее министров и надеждой всех врагов России, проделывает значительную часть огромного расстояния от Москвы до Киева – пешком! Подобно предкам ее матери, простым крестьянам, бредет она под защитой икон, бормоча про себя молитвы, часы за часами, по жарким, лишенным тени, бесконечным дорогам России. Удобно развалясь в коляске, провожает ее Разумовский. Ее свита состоит из шестидесяти двух лиц.

Для Екатерины поездка стала сплошным удовольствием. Экипажи устроены так удобно, что в них есть мест; даже для кроватей. Вдоль дороги выстроены местами, специально для этой поездки на богомолье, красивые двор цы, наполненные изысканными яствами и напитками. Так как приходится дожидаться Елизаветы и щадить слабо* здоровье Петра, в день ездят только несколько часов.

Но эта поездка больше, чем простое развлечение, – это грандиозный, великолепный урок наглядного обучения для будущей царицы. Екатерина знакомится с необъятной ширью своей новой родины не только по географической карте, не только по сухим цифрам. Дни и недели едет она через эту страну, видит ее поля, леса, бескрайние степи. Она видит ее величие и ее бедность. Правда, специально для этой поездки дороги приведены в порядок, мосты ремонтированы, верстовые столбы свежевыкрашены. Правда, во всех селениях вокруг коляски теснятся празднично разодетые крестьяне с хлебом и солью, чтобы приветствовать проезжающих. Но позади них толпятся остальные деревенские обитатели, желающие поглядеть "на царских детей", – истощенные от голода лица, грязные дети, женщины и старики, худые тела которых едва прикрыты лохмотьями.

Это народ, подлинный русский народ, настоящая, непретенциозная, тупая, долготерпеливая опора безграничной царской власти. До сих пор Екатерина видела только блестящий внешний фасад Российского государства, теперь она видит его подлинную подоплеку, преждевременно согбенные работой и

нищетой спины, детей с ввалившимися щеками, полуразрушенные, полусгнившие избы, в которых живут эти безымянные миллионы, потом и кровью коих создано великолепие Москвы и Петербурга.

Она еще слишком молода для того, чтобы понять обличающую мощь этого противоречия, она еще воспринимает обе стороны развертывающейся перед ней жизни как нечто само собой разумеющееся, но впоследствии, когда она повзрослеет и будет одинокой, когда она прочтет творения великих реформаторов и мыслителей, тогда она вспомнит о впечатлениях этой поездки. Тогда эти изможденные крестьяне к лохмотьях встанут перед ее духовным взором и преисполнят ее душу пламенными, благодарными намерениями.

Три полных месяца продолжается эта поездка. За это время отношения между женихом и невестой значительно улучшились, стали даже сердечными. Здоровая терпеливая веселость Екатерины медленно, но верно завоевывает доверие робкого, неуклюжего мальчика. Теперь не хватает, пожалуй, только легкого толчка для того, чтобы превратить эту детскую дружбу в любовь. Но от кого же может исходить этот толчок? Екатерина продолжает быть сдержанной, что вполне естественно для молодой девушки, а у Петра, никогда не испытавшего ничьей любви, не хватает мужества внести какое-нибудь изменение в создавшееся положение. Но опытные наблюдатели, особенно же сама Елизавета, не беспокоятся: надо только оставить их вдвоем в спальне! И она снова нетерпеливо борется с сомнениями врачей.

У Елизаветы имеется еще и дополнительное основание торопить со свадьбой: желание поскорее отделаться от княгини Цербстской. Как и всегда, в тех случаях, когда она разочарована, ее быстро вспыхнувшая симпатия сменилась ненавистью и отвращением. Один вид этой неблагодарной особы ей противен, тем более что она не может в данном случае дать ход своему враждебному настроению. Но, даже сдерживая себя, она в достаточной мере умеет показать княгине свое отрицательное к ней отношение. Куда Девались прежние интимные беседы между двумя родственницами? Где прежнее сентиментальное отношение к сестре "незабвенного жениха"? Княгиня почти не видит больше императрицы. На официальных приемах ей разрешается облобызать ее руку – и только.

Но почему же она не уезжает в Цербст? Екатерина имеет собственную свиту и держится по возможности далеко от матери. Ее официальная миссия окончена, а тайная – со скандалом провалилась. Ее муж Христиан-Август в каждом своем письме требует, с совершенно понятным нетерпением и все

возрастающим недоумением, ее возвращения. Ведь у нее есть дома еще и другие дети! Разум, такт, обязанности супруги и матери должны бы ей подсказать необходимость отъезда домой. И все же она остается. Какое-то соображение, оказывающееся сильнее всех прочих, удерживает ее в России.

Кое-какие указания на сей счет можно найти в мемуарах Екатерины, если читать между строк. Мы узнаем из них, что княгиня после того, как лопнула ее политическая интрига, встречалась по преимуществу с супружеской четой принцев Гессен-Гомбургских, а особенно с братом принцессы, очаровательным графом Бецким, и что общение это вызывало нарекания. Из донесений некоторых послов мы узнаем, что нарекания эти вызывались отнюдь не политическими соображениями.

Екатерина в своих мемуарах рассказывает, что ее мать крайне неохотно приняла участие в поездке в Киев и во время всей этой поездки была ужасно плохо настроена и чрезвычайно раздражена, так что однажды по какому-то совершенно ничтожному поводу даже чуть не дала пощечину своему будущему зятю. Мы знаем также, что к участию в поездке не был приглашен граф Бецкий. И, наконец, мы находим ключ ко всей этой загадке в постскриптуме депеши, отправленной 16 ноября послом Розенбергом графу Улю в Вену: "По секретным сведениям, старая княгиня Цербстская действительно согрешила и теперь беременна".

Можно себе представить, что эти "секретные сведения" были известны всему двору и что они вызвали немалый скандал. Какой источник для насмешек над этой бедной княгиней, которая приехала для того, чтобы охранять свою дочь и не уберегла себя! Как должна негодовать Елизавета, которая, хоть она и не знает запрета ни одному своему личному желанию, но необычайно зорко следит за соблюдением приличий при дворе, и особенно членами ее семьи.

Екатерина отлично знает, что произошло (это явствует из ее мемуаров, несмотря на всю сдержанность их тона). Но так как она не хочет осуждать собственную мать и, еще меньше того, вызывать ее негодование, то поступает благоразумнее всего: притворяется ничего не знающей. Это ей тем легче сделать, что ее голова занята совершенно иными мыслями и ей не до любовных похождений ее матери. В ней начинает просыпаться сознание своей женской прелести. Это великий момент в жизни каждой девушки. Немедленно после возвращения из поездки на богомолье двор закружился в вихре развлечений. Приемы, празднества, балы, маскарады сменяются одни другими, почти не проходит вечера, когда Екатерине не представился бы случай

потанцевать в красивом туалете или рискованном маскарадном костюме, не проходит часа, когда она не заметила бы, не услышала бы, не почувствовала бы, что она нравится. Неужели было время, когда она считала себя дурнушкой и из-за этого пренебрегала своим туалетом? Теперь ей постоянно говорят, что она расцветающая красотка и, что еще важнее, очаровательная особа, подвижной, рано развившийся ум которой приводит всех людей в восхищение. Разумеется, дело обстоит тут не без лести, ведь она вторая по значению дама при дворе, а рано или поздно – возможно, что и вскоре, так как Бог его знает, долго ли еще выдержит здоровье Елизаветы эту вечную смену радостей и покаяния, – будет и первой.

Но все же она ощущает всеми нервами, что хотя бы часть этих сотен сыпавшихся на нее комплиментов относятся не к будущей царице, а к сегодняшней молодой девушке, к ее сверкающей белизной коже и ее сияющим блеском черным глазам, к тому естественному очарованию, с каким она без усилий соединяет капризность с приличием, шаловливость с достоинством, веселость с серьезностью.

Ну а враги? Разумеется, у нее есть и враги. Кто из лиц, занимающих столь высокое, завидное положение, не имеет врагов?! В рядах их прежде всего Бестужев и его клика, затем кислые дамы, чувствующие себя отодвинутыми на задний план, далее все те, которые считают, что их обошли, – а таких лиц всегда множество там, где делят какой-нибудь пирог, значит, и при каждом дворе. Но Екатерина не унаследовала ничего от сварливой, склонной к интригам натуры ее матери, она не переняла ничего от примитивной мстительной Елизаветы. Она и не думает о том, чтобы заключать со своими новыми друзьями союз против своих врагов, не помышляет о том, чтобы повредить этим врагам, – наоборот, она прилагает все старания к тому, чтобы завоевать благорасположение как раз тех лиц, которым она несимпатична. Если ей это и не во всех случаях сразу удается, то она все же обезоруживает даже самых ярых своих противников своей ничем не возмутимой любезностью. Круг ее друзей растет со дня на день.

Балы при дворе Елизаветы отличаются, собственно говоря, довольно натянутым характером. Но для маскарадов императрица придумала особую программу: все женщины должны носить мужские, а все мужчины женские костюмы. Не всем эта шутка приходится по вкусу, особенно, мужчинам, которым неудобно в колоссальных кринолинах, они двигаются в них очень неловко, часто падают и, к общей радости, не умеют подняться. Причина этого несколько безвкусного каприза

Елизаветы заключается в ее тщеславном желании хвастнуть своими удивительно красивыми ногами. Она вообще настолько тщеславна, что непременно желает быть не только самой могущественной, но и самой красивой женщиной России, и не выносит, когда в ее присутствии отзываются с похвалой о чьей-нибудь красоте. Успех молодой Екатерины, разумеется, не ускользает от ее внимания, и первое облачко ревности – самой обыкновенной женской зависти – начинает омрачать солнце ее материнской нежности.

Ее досада ищет какого-нибудь повода и, конечно, скоро его находит. Однажды вечером она сидит в своей ложе в опере, как раз против Екатерины, и видит, как молодая девушка весело болтает со своим женихом, сияя блеском юности. Неужели же это то самое робкое угловатое существо, которое приехало сюда какой-нибудь год тому назад? Каким самоуверенным, каким элегантным стало это существо за такое короткое время! Несдержанная, как всегда, Елизавета вдруг, словно речь шла о не терпящем отлагательства деле, посылает своего друга Лестока в ложу Екатерины с поручением передать ей чувство высочайшего негодования. Лесток, раболепный как всегда, выполняет свое поручение так удачно, что и Петр, и все сидящие близ Екатерины слышат, почему императрица недовольна великой княжной, и Елизавета, сидя в своей ложе, видит, как исчезает сияющая улыбка с лица Екатерины, как та бледнеет, пугается и борется со слезами.

Что же случилось? Чем провинилась бедная Екатерина, так старающаяся всегда угодить всем, а особенно императрице? Она превысила на две тысячи рублей свой бюджет карманных расходов! "Если так будет продолжаться, то никаких источников доходов не хватит", – велела передать молодой девушке императрица.

Сумма перерасхода так до смешного незначительна по сравнению с личным расточительством Елизаветы и ее обычной щедростью, а момент, избранный для того, чтобы прочесть нотацию, до того несвоевременен, что озлобление императрицы, очевидно, вызвано совсем иными причинами.

На этот раз мы имеем дело только с маленькой, преходящей тучкой. Вскоре Елизавета начинает относиться к Екатерине с прежней нежной любовью. 15 декабря двор собирается переезжать из Москвы в Петербург. Императрица сама укутывает Екатерину шубами и покрывалами, и так как ей все еще кажется, что молодая девушка мерзнет, она снимает со своих плеч роскошную горностаевую накидку и набрасывает ее на Екатерину. Что же произошло со времени неприятного эпизода в опере, что

смягчило Елизавету и примирило ее с Екатериной? Великий князь болел ветряной оспой, и они обе дрожали за его жизнь. Им вскоре представится случай еще ближе сойтись на этой почве общего страха за жизнь Петра. В четырех днях езды от Москвы, в селении Хотилово, великий князь снова заболевает и на этот раз уже настоящей оспой. Врач Боергаве энергично удаляет Екатерину из комнаты больного и настаивает на том, чтобы она с матерью ехала вперед в Петербург. Сидя в санях, Екатерина впадает в полное отчаяние. Есть ли хоть какая-нибудь надежда на то, чтобы и без того слабый, едва оправившийся от предыдущей болезни Петр справился с такой страшной болезнью как оспа? Ей вдруг становится ясно, что без Петра она ничто, Уль, что все почести, выпавшие на ее долю, оказывались только невесте великого князя, будущей супруге будущего царя, что все могущество, которое, как ей казалось, она уже держит в руках, есть только кредит, оказанный ей под обеспечение ее будущего положения, что все, преисполнявшее ее доселе счастьем и блаженством, связано со слабеньким, хилым подростком, который борется сейчас с лихорадкой, со страданиями, со смертью.

Елизавета, поехавшая вперед без остановок, находится уже в Петербурге, когда ее настигает курьер с вестью о болезни наследника. Она немедленно усаживается в сани и мчится назад в Хотилово с сердцем, охваченным ужасом. А что, если великий князь умрет? Умрет, не оставив по себе наследника? Ведь тогда он унесет с собою в могилу и ее – Елизаветы – покой, ее безопасность, тогда ей угрожает призрак коронованного ребенка Иоанна, в какой бы тюрьме он ни был заточен, ибо он единственный законный наследник, нет – единственный законный, уже ранее ее коронованный царь.

Двое саней мчатся по покрытой снегом, бесконечной русской равнине, и в каждых санях сидит плачущая, дрожащая от страха женщина. Приблизительно возле Новгорода сани эти встречаются, останавливаются. Преисполненная отчаяния Елизавета видит преисполненную отчаяния Екатерину. Горячая волна симпатии перекатывается по ледяному декабрьскому воздуху из одних саней в другие. Путницы обмениваются только несколькими словами, великая княгиня докладывает то, что ей известно о состоянии здоровья великого князя, затем императрица дает сигнал к продолжению путешествия, и сани разъезжаются в разные стороны.

Елизавета начинает сама ухаживать за больным. Едва отличимый от нежной любви страх за его жизнь за одну ночь прямо преобразил ее. Избалованная сибаритка, обычно не удовлетворяющаяся максимальным великолепием Запада и

величайшей роскошью Востока, проводит полных шесть недель в жалкой деревенской избе, которую пришлось обложить паклей и соломой, чтобы защитить от ледяного ветра. Ленивейшая из женщин, привыкшая спать до полудня, теперь почти не раздевается. Женщина, столь заботившаяся до сих пор о красоте своей кожи, исполняет теперь с тщательным старанием все обязанности сиделки. Она находит, однако, время, чтобы дважды в день отправлять курьера к единственному существу, которое, она это знает, так же волнуется о здоровье больного, как и она сама: к Екатерине. Разделенные сотнями верст, эти женщины ближе друг к другу, чем были когда-либо до сих пор.

Первые недели, проведенные в Петербурге, Екатерина занята по преимуществу ожиданием курьеров. Она не покидает своей комнаты, хотя в парадных помещениях дворца балы, празднества и маскарады продолжают сменять друг друга, невзирая на отсутствие Елизаветы.

Наконец приходит от императрицы долгожданное письмо: "Сегодня я могу, к великой радости, подать вам надежду, что мы, благодарение Господу, вновь обрели его".

Не успевает Екатерина прочесть это письмо, как в молодой, сильной девушке просыпается естественная для ее возраста радость жизни, и в тот же вечер она убегает от своей сварливой матери и отправляется на маскарад. Как только она показывается, все танцоры, все придворные кавалеры, все льстецы снова льнут к ней. Опасность миновала, великий князь выздоравливает, настоящее прекрасно, будущее во сто крат прекраснее. Раз начав развлекаться, она уже не в силах перестать, и теперь, как в Москве, каждый вечер празднество, каждый вечер триумф. Да к тому же теперь нет Елизаветы, которая могла бы затемнить ее величием своего могущества, своей сияющей красотой.

В вихре этих развлечений она встречается во второй раз с Гюлленборгом, и эта вторая встреча еще многозначительнее первой. Четыре года тому назад в Гамбурге это был единственный человек, почуявший в робком, заброшенном ребенке духовную искру и ободривший девочку. Теперь он вновь видит ее окруженной почитателями и… Разочарован. Тогда он назвал ее маленьким философом, теперь он видит, как она с воодушевлением танцует, с наслаждением ведет легкомысленные разговоры, выслушивает пошлые комплименты обожателей. Он разочарован и не скрывает своего разочарования. Неужели она не ставит себе никаких других требований, как быть красивой и предметом ухаживаний? Неужели порыв ее души влечет ее только на эту внешнюю высоту, достигнутую ею благодаря политическому браку?

Екатерина отнюдь не обижается на его упреки, понимает, что в замечаниях Гюлленборга много гораздо более для нее лестного, чем в комплиментах придворных. Этот человек ждет от нее большего, чем то, чего она достигла. Ею овладевает потребность оправдать ожидания Гюлленборга, и она отправляет ему через несколько дней послание под названием "Автопортрет пятнадцатилетнего философа". Этим она хочет доказать, что, невзирая на все искушения, не лишена чувства серьезной и глубокой самокритики. Гюлленборг в восторге от ее послания и отвечает на него письмом на двенадцати страницах, в котором преподает будущей государыне советы, как развивать свой дух и укрепить свою душу. Он рекомендует ей читать вместо пошлых романов творения Плутарха, речи Цицерона и в первую очередь произведения Монтескье. От него она впервые слышит имя Вольтера.

Семя упало на плодородную почву: оно взойдет, когда для этого приспеет время. Теперь еще слишком рано.

В начале февраля возвращается наконец в Петербург Елизавета вместе с выздоровевшим великим князем. После шестинедельной разлуки, в течение которой Петр был ближе к смерти, чем к жизни, Екатерина встречается со своим женихом. Встреча происходит в большом зале и в пять часов, то есть в такое время, когда уже стемнело. Но темнота недостаточна для того, чтобы скрыть в его лице опустошения, произведенные болезнью, а в лице Екатерины ужас по этому поводу.

Петр и раньше не являл собою образца сияющей юношеской красоты, но лицо его было все же миловидно, отличалось нежными, привлекательными чертами. Теперь черты эти до неузнаваемости огрубели, лицо вздулось, покрыто ужасными, еще не побледневшими шрамами. Он подходит к своей невесте и спрашивает ее с искаженной улыбкой: "Вы меня узнаете?" Екатерина бормочет несколько общепринятых слов относительно своей радости по поводу его выздоровления, затем удаляется в свою комнату и разражается безудержными, бесконечными рыданиями.

Это совершенно естественная, понятная и здоровая реакция. Тем не менее нельзя не признать, что Екатерина в момент, когда она вновь свиделась со своим женихом, не выдержала характера. Вполне понятно, что нормальной молодой девушке, при всей ее искренней радости по поводу выздоровления жениха, трудно было не содрогнуться при виде того, как он ужасно обезображен. Вполне понятно, что всей ее доброй воли, всего ее самообладания, всего ее сострадания хватает лишь на то, чтобы скрыть это свое содрогание и произнести несколько любезных

фраз. И все же момент этот ставил гораздо большие, совершенно иные требования. Он требовал от Екатерины как раз того, чем она не обладает, того единственного, чего не хватает в реестре достоинств ее богатой натуры: теплой, бьющей через край, идущей от самого сердца нежности.

Та условная, безучастная фраза, которую Екатерина с трудом произносит при встрече с Петром, разрушает в течение одной секунды всю возведенную было с таким терпением, умом, тактом и инстинктом постройку. Нежные весенние ростки привязанности, распустившиеся было в душе Петра и нуждающиеся только в теплом дыхании, чтобы расцвести любовью, завяли. Вера никогда и никем не бывшего любимым мальчика в искренность симпатии Екатерины нарушена, доверчивый компаньон детских игр превратился во врага.

Он сам, пожалуй, это не вполне осознал. Но со дня на День это становится все более заметным. Правда, и в Петербурге он видится со своей невестой довольно часто, так как их комнаты расположены рядом, но остается он с ней только самое короткое время, а для бесед предпочитает общество лакеев. Наряжает их в мундиры и заставляет проделывать воинские упражнения. Еще с раннего детства мундиры, военная муштра и грубые слова команды лучше всего позволяли ему справиться с мучительным чувством слабости и недостаточной мужественности. Теперь, когда он ощущает особую подавленность, он возвращается к своим старым привычкам. Эти смешные воинские упражнения, проделываемые в комнате с парой одетых лакеев, являются только выражением крайнего упадка мужества, вызовом проснувшегося и окрепшего протеста против невесты.

Екатерина изумлена и оскорблена этим поведением своего жениха. Она не знает за собой никакой вины, не подозревает даже, что сама задела и оттолкнула Петра в решительный момент, считает, что обязана ответить на его демонстративную холодность величайшей сдержанностью. Но гордость и сдержанность Екатерины только укрепляют Петра в мнении, что своим безобразием он вызывает в ней отвращение, делает его еще более малодушным, одиноким, озлобленным.

А как раз в эти дни начинаются приготовления к свадьбе. Елизавета не в состоянии больше ждать, страх, пережитый ею по поводу болезни великого князя, воспоминание о бешеной скачке к деревне, где он болел, не выходят у нее из головы. Тщетно заверяют ее врачи, что великий князь еще слишком молод, слишком слаб, не оправился окончательно от болезни, тщетно докладывают ей, что Петр еще незрел, что в его голове нет ни одной серьезной мужской мысли, что перед отходом ко сну он

еще играет в куклы. Все убеждают императрицу в необходимости подождать еще год. Она затыкает уши. Она не может ждать еще второй год.

Еще недавно в ее опочивальне нашли за занавесом спрятавшегося там человека с котом в руках. Самые ужасные пытки не заставили его проговориться о том, кто его подослал, кто его сообщники. Шпионы все чаще докладывают о росте недовольства, о тайных приверженцах Иоанна. Какая польза от того, что издаются указ за указом, что сжигаются все бумаги, удостоверяющие права Иоанна и его матери, что приказывается под страхом сурового наказания сдать в казну все монеты с изображением маленького царя, какая польза от всего этого, раз вопрос о престолонаследии висит на столь тонком волоске, как здоровье великого князя Петра?

Через год еще какая-нибудь более коварная болезнь может его похитить, но через год может также оказаться налицо новый представитель царского рода, более крепкий и здоровый, чем Петр, такой же крепкий и здоровый, как Екатерина. В конце концов великому князю уже 17 лет. Правда, это еще слишком юный возраст для того, чтобы стать подлинным главою семьи, понять сущность брака, но все это придет позднее, да и вообще не столь уж важно. Важно одно – чтобы последний отпрыск дома Романовых (помимо того Иоанна) имел сына и тем укрепил ее, Елизаветы, трон. Только это.

Венчание назначается на первое июля. Елизавета хочет, чтобы венчание это было самым пышным из когда-либо праздновавшихся в России, она хочет, чтобы сказочный блеск этого венчания создал и в русском народе, и за границей впечатление о нерушимом, необъятном могуществе русского трона. Приготовления к этому гигантскому празднеству – он должен продолжаться целых десять дней – всецело ее поглощают. Это задача, соответствующая ее безраздельному тщеславию, ее восточной любви к роскоши и блеску, ее любви к инсценировкам. Она ничем другим больше не интересуется, не выслушивает докладов министров, оставляет самые важные бумаги непрочитанными, откладывает принятие решений по самым важным вопросам. Русскому послу в Париже отправляется приказ навести самые тщательные справки о том, как были организованы празднества по поводу венчания дофина с испанской инфантой, и вскоре от того получают точный список французского свадебного придворного церемониала и рисунки брачной процессии.

В то время как в Петербурге сгоняются со всех концов России гурты скота, свозятся на сотнях телег птицы, фрукты, овощи, мед, вино, в то время как в гавани причаливают чуть ли не ежедневно

суда с сукном из Англии, готовыми ливреями из Парижа, экипажами из Германии, в то время как императрица и с нею и весь двор, и вся Россия заняты приготовлениями к свадьбе, жених выслушивает от своего любимого лакея Румбера, отставного Шведского драгуна, поучения о том, каков должен быть настоящий брак. Румбер оставил на родине жену, он говорил на основании личного опыта: жена не смеет в присутствии своего мужа даже дышать; только дурак позволяет жене иметь свое собственное мнение; несколько вовремя отпущенных пощечин весьма полезная вещь и т.п. Подобные речи Петр выслушивает с большой охотой, а с еще большей охотой передает их, злобно ухмыляясь, Екатерине.

Пусть она только не подумает, будто он добивается ее любви. Ее любовь ему абсолютно не нужна – она должна его только бояться. Подобно Ричарду III, Петр решил стать плохим супругом, потому что утратил надежду завоевать любовь своей невесты. Вдобавок к своему отвращению перед его уродством (это отвращение можно было бы и преодолеть) Екатерина начинает ощущать прямо страх перед его характером. Она начинает бояться брака, часто плачет, и ее фрейлинам приходится затрачивать немало стараний для того, чтобы снова привести ее в хорошее настроение.

Брак еще не заключен, а уже дают о себе знать признаки глубокой взаимной антипатии. Кое-что об этом доходит до сведения Елизаветы. Она глубоко возмущена, велит удалить лакея Румбера, приказывает даже посадить его в тюрьму, она удваивает свое внимание по отношению к Екатерине и при каждом подходящем случае отличает ее. Но, в общем, императрица видит все эти вещи в таком свете, в каком ей их хочется, в каком она должна их видеть: все это ничего не значащие пустяки. Великий князь попросту еще ребячится, брак превратит его в мужчину. Когда у него будет жена, он перестанет играть в куклы, когда у него будет такая умная и веселая жена, как Екатерина, настанет конец его дружбы с грубыми лакеями.

В эту же приблизительно пору играющий в солдатики Петр провозглашается совершеннолетним и назначается владетельным князем Гольштинии. Для будущего властелина бескрайнего Российского государства это, казалось бы, особого значения иметь не должно, но на малодушного приниженного мальчика это производит огромное впечатление.

Стелин сообщает, что великий князь огласил во всеуслышание полученную им бумагу о возведении в сан владетельного князя и сказал Бергольцу и Брюммеру: "Наконец-то желания мои осуществились. Достаточно вы мною командовали,

теперь очередь повелевать за мною. Я постараюсь так скоро, как возможно, отослать вас обратно в Гольштинию".

Лучше всего он бы себя чувствовал, если бы ему и самому разрешили вернуться в Гольштинию и быть там маленьким владетельным князьком, вассалом обожаемого им короля Фридриха. Гольштиния ему оттого так по душе, что ее размеры соответствуют его духовному размеру. Несчастье его жизни заключается именно в том, что ему предстоит получить больше, чем он желает: величайшую страну Европы в управление и самую гениальную женщину той эпохи в жены.

Свадьба назначается на 21 августа. За три дня до того по улицам Петербурга разъезжают герольды и громом барабанов извещают народ о предстоящем событии. На Адмиралтейской площади расставляются столы с закусками, из фонтанов льется вино, и ликованию нет конца. Свадебная процессия идет от Зимнего дворца до Казанского собора от десяти часов утра до часу дня. В коляску, в которой сидят императрица и молодые, впряжены восемь лошадей, ведомых под уздцы шталмейстерами; за коляской следуют сто двадцать придворных экипажей, сопровождаемых скороходами, гайдуками, пажами и верховыми офицерами. Екатерина надела на напудренные волосы небольшую бриллиантовую корону и платье из серебряной парчи, обшитое до половины юбки золотой парчой. Она выглядит – даже по отзывам ее матери – восхитительно. Обряд венчания совершает учитель и духовник Екатерины Симеон Тодорский и длится он полных три часа.

Сопряженные со свадьбой празднества, приемы, ужины, оперные спектакли, комедийные представления, иллюминации и фейерверки продолжаются десять дней. В заключение происходит любопытная церемония, введенная еще Петром Великим, но организуемая в этом году в последний раз: выезд "дедушки русского флота" – знаменитого маленького ботика Петра Великого. Ботик этот обычно хранится в Петропавловской крепости, он слишком стар и непрочен для того, чтобы быть спущенным на воду. Его погружают на большую баржу, завешанную красным сукном, и в сопровождении бесчисленного количества гребных лодок, яликов, флотских офицеров, высших чинов адмиралтейства, императрицы и новобрачных маленький ботик доставляется по Неве до Александро-Невского монастыря, где архиепископ окропляет его святой водой и на нем подымают императорский вымпел, а Елизавета целует хранящийся на борту ботика портрет своего отца. Символическое значение этой довольно сложной церемонии очевидно: Елизавета, а вместе с ней и новобрачные присягают в верности заветам Великого Петра.

"Это была, пожалуй, самая веселая свадьба, когда-либо праздновавшаяся в Европе", – пишет княгиня Цербстская своему мужу Христиану-Августу. Возможно, что это замечание справедливо, если только не принимать в расчет двух участников веселых празднеств: Петра и Екатерину.

Глава V. Одиночество

"…Затем императрица проводила великого князя и меня в наши покои, фрейлины раздели меня и уложили между девятью и десятью часами вечера в постель. Я просила принцессу Гессенскую побыть еще немного со мной, но она не соглашалась… Я оставалась более двух часов одна и не знала, что мне делать. Продолжать ли лежать в постели или встать? Наконец появилась моя камеристка Крузе и доложила мне со смехом, что великий князь дожидается своего ужина, который ему скоро должны принести. После того как его императорское высочество изволило основательно поесть, он отправился спать и, улегшись подле меня, начал разговаривать со мной на ту тему, как позабавило бы одного из его камердинеров, если бы тот увидел нас лежащими в одной постели. Затем он задремал и благополучно проспал до самого утра… Г-жа Крузе пыталась на следующее утро расспрашивать нас, новобрачных. Но ее надежды не оправдались. В таком же положении без малейших изменений оставалось все на протяжении последующих девяти лет".

Этими словами заканчивает Екатерина повествование о своей свадьбе и первую часть мемуаров.

Екатерина сама раздвигает полог своего алькова и раскрывает перед любопытными взорами его тайну. Она знает, для чего это делает: отнюдь не из бесстыдства, это чувство чуждо ей всю жизнь. Даже в качестве зрелой женщины, славящейся своими любовными похождениями во всей Европе, она остается в своих разговорах, письмах, заметках чрезвычайно сдержанной, почти стыдливой. Никогда не упоминает она ни словечком о тех многочисленных жгучих часах, которые выпадают впоследствии на ее долю.

Только в этом единственном случае, когда дело идет о мучительном унижении, пережитом ею в браке, она, величаво пренебрегая всей тягостью ситуации, обнаруживает нескромность и открыто, не пытаясь ничего затушевать, рассказывает о том, что исполнило бы всякую другую женщину стыдом. Она знает, почему она это делает: ее мемуары написаны для любимого внука, Александра, в то время, когда она уже глубокая старуха, изнывающая под тяжестью возводимых на нее обвинений. Она-де разрушила их брак, свергла своего супруга с престола, принимала участие в его убийстве или по крайней мере оставила это убийство безнаказанным. Ее поведение являлось всеобщим скандалом, общественным позором, издевательством над моралью и добрыми нравами.

Никто не осмеливается упрекнуть ее открыто до тех пор, пока она еще держит в своих руках власть. Но она знает, что стоит ей закрыть глаза, и на нее обрушатся сотни обвинителей в России и за границей, а историки и болтуны, добродетельные и лицемеры станут клеймить ее преступления и пороки, составлять списки ее любовников, позорить и оплевывать ее память, топтать ее в ту глубокую грязь, через которую ей нередко приходилось переходить с высоко поднятой головой.

Эти обвинители окажутся правы – правы, поскольку Дело касается фактов, но не правы потому, что они не будут знать, как дело дошло до этих фактов. Ради любимого внука, которого она избрала себе в судьи, Екатерина берется за свою собственную защиту. В качестве своего собственного адвоката она, не считаясь с ложным стыдом, как это и полагается настоящему адвокату, показывает путь, который привел ее на крутые высоты самодержавия, путь, усеянный терниями, исполненный унижений и огорчений, начинающийся в самом уморительном из брачных покоев и заканчивающийся кровавой трагедией в Ропше.

Вначале мы имеет дело с подобием французского фарса, с легкой и смелой новеллой Боккачио: начинается с того, что юный супруг играет в брачной постели в куклы и что юной супруге, если она желает оставаться верной данному ею зароку сдержать свою присягу, не остается ничего иного, как играть вместе с ним. Требуется немало стараний и осторожности, чтобы хорошенько прятать эти куклы днем, так как оба они отлично знают, до чего была бы возмущена императрица, если б узнала, чем занимаются по ночам эти новобрачные, которые обвенчаны с таким блеском на глазах всей Европы. Эти двое подростков, беспрестанно озабоченные тем, как бы их не уличили в грехе, заключающемся в игре в куклы, – не самая ли гротескная, рискованная, уморительная фарсовая ситуация!

Но если оставить в стороне нетерпение Елизаветы, то не является ли все это, в сущности, невинной забавой? Нет ли в этих играх двух невинных детей, еще не вкусивших от древа познания добра и зла, чего-то трогательного? Быть может, врачи все же не правы, и Петр, невзирая на свои 17 лет, еще не достиг половой зрелости, а наставления его учителей, сальные разговоры лакеев привели только к тому, что он узнал о некоторых вещах, постичь которые ему поможет только природа. В один прекрасный день, и очень скоро, понимание это в нем проснется. Приблизительно так рассуждает г-жа Крузе, когда она тщетно пытается каждое утро расспрашивать юную супругу.

Так же думает в первые дни и Екатерина. Она опять старается завоевать доверие и любовь своего мужа, вполне подчиняясь его

желаниям, весело исполняя его капризы. Это оказывается не особенно трудным, Петр, который в течение медового месяца вынужден проводить дни и ночи вместе с женой, и не думает о том, чтобы применять на практике уроки Румбера. Эти уроки отвечали, быть может, его воображению, но отнюдь не естественным наклонностям его характера. Он опять прежний, кажущийся незлобивым компаньон ребяческих забав, радующийся тому, что подле него вместо учителей и надзирателей – беспретенциозное существо, которого ему абсолютно нечего стесняться. Ни одного грубого, злого слова от него не услышишь. Но уже через четырнадцать дней после свадьбы он признается своей юной супруге, что влюбился в одну из ее фрейлин. Обстоятельно описывает он ей все прелести девицы Карр и, не удовлетворяясь этим, делает и своего лакея наперсником и поверенным своих новых чувств. Екатерина случайно слышит, как он рассказывает лакею, что великую княгиню и сравнить нельзя с очаровательной девицей Карр.

Влюбился ли Петр действительно или только притворяется влюбленным в другую для того, чтобы таким образом оправдать свое немужское отношение к жене, влюбленность эта, во всяком случае, лишает в значительной мере их ночные игры в куклы их невинного характера. Пусть даже он отстал не только в физическом, но и в духовном смысле, настолько ума уж у него, во всяком случае, хватает (если для этого вообще необходим ум), чтобы понять, как глубоко он оскорбляет Екатерину, рассказывая ей в ее постели, которой пользуется только для ребяческих забав, о своей любви к другой. Тут не может быть ни малейшего сомнения: он хочет ее оскорбить, унизить, и это ему на протяжении нескольких недель удается столь блестяще, что под влиянием новых обид она забывает все обиды, когда-либо нанесенные ей матерью. При отъезде княгини Цербстской на родину Екатерина проливает горькие слезы.

Отъезд этот происходит не вполне добровольно. Елизавете приходится сказать княгине, что ее отъезду ничто больше не препятствует и что на всех почтовых станциях ее уже дожидаются лошади. На прощание княгиня, равно как и ее свита, получает богатые подарки, ей вручаются подарки и для добрейшего Христиана-Августа, а кроме того – шестнадцать тысяч рублей для оплаты ее русских Долгов.

К сожалению, долги эти более чем вдвое превышают эту сумму. Екатерина берет уплату остатка на себя, и сама влезает благодаря этому в долги, которые будут ее на протяжении семнадцати лет мучить и ставить в неприятную зависимость от разных лиц. Княгиня покидает, таким образом, Петербург в

довольно хорошем настроении, едет с прохладцей и удобствами, так что добирается до Риги только через двенадцать дней.

Здесь ее настигает месть Елизаветы – надо сознаться, что месть эта носит элегантно-злобный характер. В Риге княгиня получает от Елизаветы письмо, в котором значится, между прочим, следующее: "Я считаю необходимым просить вас по приезде в Берлин доложить его величеству королю прусскому, что мне было бы чрезвычайно приятно, если бы он соизволил согласиться отозвать своего уполномоченного барона Мардефельда".

Отозвание прусского посла не имеет, в сущности, никакого отношения к княгине Цербстской, а вытекает из внешнеполитической ситуации, – разумеется, есть множество других возможностей донести до сведения Фридриха о своем желании, чтобы он отозвал Мардефельда. Если она возлагает это неприятное поручение на княгиню Цербстскую, то это является просто своеобразным наказанием: княгиня занималась в России интригами в пользу прусского короля, так вот пусть же она сама теперь доведет до его сведения, как провалились ее старания. Это, пожалуй, сама тяжкая кара, которой могла бы быть подвергнута бедняжка. Она отправилась в Россию с тайной миссией свергнуть Бестужева, а возвращается с официальным поручением отозвать прусского посла.

Едва только мать Екатерины уехала, как происходит нечто такое, что при всей своей малозначительности носит симптоматический характер и тревожит ее: императрица удаляет из свиты Екатерины Марию Петровну Жукову, семнадцатилетнюю девушку, к которой она особенно привязалась. Для обоснования своего решения Елизавета ссылается на то, что будто бы княгиня Цербстская просила ее перед своим отъездом отпустить Жукову, так как чересчур тесная дружба между нею и Екатериной вредна для обеих.

Действительно ли сказала это княгиня, представляется невозможным установить. Да это, в сущности, и не важно. Возможно, что внимание императрицы на дружбу обеих молодых девушек обратила не княгиня, а госпожа или кто-либо другой из ее свиты, а почему Елизавета немедленно по осведомлении об этом удалила Жукову, совершенно понятно. Елизавета, разумеется, знает о том, что происходит или, вернее, что не происходит в спальне молодых супругов. Подобные вещи не могут оставаться секретом при дворе, а особенно при таком дворе, который заинтересован в естественном завершении брака, в появлении будущего престолонаследника.

Самый неделикатный способ шпионажа – подглядывание

лакеев – кажется Елизавете в интересах династии само собою разумеющимся. Два месяца прошло со времени свадьбы, а ее шпионы все еще не доносят ей ни о чем таком, что могло бы ее успокоить. Совершенно понятно, что вспыльчивая и нетерпеливая императрица хватается за первый мало-мальски подходящий повод и, не производя подробного расследования, которое было бы вообще весьма щекотливого характера, удаляет слишком интимную подругу Екатерины. Для самодержавной русской царицы, для деспота, ежегодно ссылающего десятки тысяч людей в Сибирь, такое мероприятие, как удаление молодой фрейлины, столь малозначительно, что особенно над ним задумываться ей не приходится.

Совсем иное впечатление это производит на Екатерину. Она знает, что ни она, ни Жукова решительно ни в чем не повинны, и ее характер не мирится с тем, что человека обижают и наносят ему вред только потому, что она, Екатерина, его любит. Она старается снабдить Жукову деньгами, выдать ее хорошо замуж и всем этим, конечно, вызывает еще больше подозрений у Елизаветы, увеличивает ее озлобление против Жуковой. В конце концов бедную Жукову вместе с сосватанным ей Екатериной мужем ссылают в Астрахань.

Этот эпизод сам по себе не был бы так важен, если бы он не освещал положения Екатерины, не являлся первым Шагом на бесконечном пути аналогичных и даже еще более резких мероприятий. Екатерине становится ясно, что хоть она и великая княгиня и императорское высочество, хоть у нее есть бриллианты, придворная свита и многочисленные льстецы, она обладает на новой родине еще меньшей свободой и самостоятельностью, чем на старой, что деспотичный произвол ее матери сменился еще более деспотичным произволом Елизаветы.

То обстоятельство, что она ближе всех других женщин России стоит к императорскому трону, делает ее не более свободной, а в тысячу крат более зависимой, более угнетенной, чем любая бедная мещанка. Сотни наглых, высматривающих, ощупывающих глаз наблюдают за нею по поручению Елизаветы, сотни ртов, принадлежащих придворным дамам, камер-фрейлинам, даже лакеям, призывают ее по поручению Елизаветы к ответу, делают замечания, предостерегают. Она то слишком роскошно, то слишком скромно одета на вкус Елизаветы, встает то слишком поздно, то слишком рано, то слишком много времени затрачивает на туалет, то слишком шаловлива, то слишком грустна. На сотню обидных, унижающих, болезненных ладов дает Елизавета понять Екатерине, что та со дня на день все больше впадает у нее в немилость.

Елизавета – женщина, привыкшая, чтобы ее воля во всем и всегда немедленно исполнялась, а эта наглая великокняжеская парочка перечит ее воле. Она сделала для этих двух людей все, что только могла: она осыпала их подарками и благодеяниями, возвысила их надо всеми, устроила им самую великолепную свадьбу столетия, она, наконец, даже и впрямь полюбила их – все это в надежде на скорое осуществление их семейного счастья.

Теперь она видит, что ее надежды обмануты. Гнев ее беспределен, и почти всему штату великокняжеского двора поручено шпионить: разузнать, кто именно из супругов виновен в создавшемся невыносимом положении. Возможно ли, что прехорошенькая, веселая, живая Екатерина оставляет Петра совершенно холодным? Не правдоподобнее ли, что уродство и нелюбезность Петра внушают его жене отвращение, что она демонстративно обнаруживает это свое отвращение в интимной обстановке алькова и тем парализует робкие попытки юноши к сближению? Если бы дело обстояло иначе, то ведь пришлось бы усомниться в мужественности этого юноши вообще, а следовательно, раз и навсегда отказаться от всякой надежды на законного престолонаследника!

Преемник де ла Шетарди д'Аллион доносит в своей депеше от 26 февраля 1747 года, то есть через полгода после свадьбы: "Великий князь все еще не доказал своей супруге, что он мужчина". Можно признать почти несомненным, что у Петра не было в ту пору и любовниц. И все же нельзя сказать, что он лишен всякой чувственности. Против такого предположения говорит его постоянная влюбленность (сначала в Лопухину, потом в Карр, затем в Корф), против этого говорит также его фраза в брачную ночь: "Камердинера позабавило бы, если бы он увидел нас лежащими вместе в постели". Эта фраза свидетельствует не только об осведомленности в вопросах брачной жизни, но и о наличии довольно живой и испорченной фантазии.

В той же плоскости преждевременной, почти старческой развращенности лежит то обстоятельство, что для Петра нет большего удовольствия, как видеть, что Екатерина любезна с его камердинером Чернышевым. Он подстрекает Чернышева ко всякого рода интимностям с Екатериной, посылает его несколько раз на день к ней и заводит шутку так далеко, что камердинер, не без основания опасаясь за свою судьбу, позволяет себе однажды заметить: "Пусть ваше императорское высочество примут во внимание, что великая княгиня ведь не госпожа Чернышева". На протяжении нескольких месяцев Петр разговаривает с Екатериной исключительно о Чернышеве, об его красоте, его преданности, до тех пор, пока один из немногих благожелательно настроенных

людей из их окружения, старик камердинер Тимофей, не обращает внимание Екатерины на опасность, которой она подвергается: весь штат, дескать, уже говорит о ее влюбленности в красавца Чернышева. На службе у Петра имеется трое Чернышевых, и придворные сплетники, знающие, конечно, что в брачных отношениях великокняжеской четы не все обстоит благополучно, не задумываются над тем, чтобы превратить всех троих в любовников Екатерины.

Кстати, извращенное воображение Петра не ограничивалось собственной супругой, а простиралось вплоть до священной особы его царственной тетки. В один прекрасный день он замечает, что его спальня примыкает к одному из ее внутренних покоев. Он пробуравливает дыры в двери, соединяющей комнаты, и видит Елизавету с Разумовским. Немедленно же приглашает он в свою комнату всех мужчин и дам своей свиты и для того, чтобы они могли с удобством любоваться интимной сценой, происходящей между государыней и ее возлюбленным, распоряжается, чтобы перед продырявленной дверью были установлены стулья.

Все это отнюдь не поступки человека, чуждого эротики. В основе его немужественного отношения к Екатерине должны, очевидно, лежать совсем иные причины. Весьма правдоподобное предположение высказывает Кастера, когда полагает, что великому князю надлежало только побороть свой стыд и доверчиво открыться кому-нибудь: "Любой петербургский раввин или любой хирург избавили бы его от его маленького дефекта". Указание на раввина не оставляет сомнений насчет характера того "маленького дефекта", который имеет в виду Кастера. Эта версия впоследствии становится полуофициальной, потому что настанет день, когда понадобится правдоподобное объяснение того факта, как это великий князь, девять лет остававшийся бездетным, вдруг становится отцом. Неудивительно поэтому, что слух о "маленьком дефекте" повторяется во всех посольских донесениях, ибо послы могут ведь доносить только о том, что они слышат при дворе.

Но это объяснение маловероятно. На протяжении последних лет Петр неоднократно хворал всевозможными болезнями, бесчисленное количество раз его исследовали врачи, и если бы возникла хотя бы тень сомнения в вышеуказанном направлении, то вопрос расследовали бы до конца и удостоверились, так ли дело обстоит. Если бы действительно только этот физический "маленький дефект", который мог быть устранен любым хирургом в несколько минут, стоял на пути к осуществлению пламенного желания Елизаветы иметь законного престолонаследника, то,

несомненно, вместо тех непланомерных и по большей части вредных мероприятий, к которым прибегали на протяжении ряда лет, Петру отдали бы прямой и недвусмысленный приказ, а он не осмелился бы отказаться от операции, которая являлась, с одной стороны, государственной необходимостью, а с другой стороны – пустяком.

Так просто загадка Петра не разгадывается. Вся совокупность обстоятельств говорит против того предположения, будто он был холоден натурой или страдал небольшим внешним дефектом. Правдоподобнее всего предположить, что он психически не был способен к тому, чего от него ждали, что он, пользуясь современной терминологией, был невротиком.

Но "невроз" это только слово, холодное, звучащее по-научному слово, за которым кроется немало страданий юной человеческой души. Петр так же мало ответственен за свою психическую болезнь, как и за физический недостаток, если бы речь шла о таковом. И все же его отношение к Екатерине не может, конечно, не вызвать у нее соответственной тяжелой реакции. Она вступила в брак с другими ощущениями, чем он, с ощущениями, так сказать, положительного характера: без влюбленности, но преисполненная наилучших намерений жить с мужем в возможном согласии и оправдать все надежды императрицы, двора, русского народа. "Если бы он желал, чтобы я его полюбила, – пишет она, – то это бы ему без труда удалось".

Несмотря на все ее последующие поступки, надо признать, что эти слова вполне искренни. Она вначале испробовала все возможное, чтобы снискать любовь Петра, чтобы полюбить его. Он свел все ее старания на нет. Он презрел ее ласки, он бегал за другими женщинами, он без всякого чувства ревности, даже с известным удовольствием терпел возникновение более или менее интимных отношений между нею и другими мужчинами, даже способствовал их возникновению. Она испытала от него все те Унижения, которые только может испытать женщина, и, что всего хуже, весь двор, в известном смысле вся Европа явились свидетелями этих унижений. Каждый иностранный посол знает, что она не в состоянии пробудить в супруге влечение к себе, каждый камердинер знает, за какой фрейлиной увивается в данный момент великий князь. И так как никто не может понять, почему это велиий князь отворачивается от собственной молоденькой и хорошенькой жены, то тысячи ищеек, тысячи змеиных языков, тысячи праздных мозгов заняты тем, чтобы выяснить тайные недостатки, пороки, извращенности молодой женщины и возложить ответственность на нее. Спустя год после свадьбы Петр и Екатерина, вместо того чтобы теснее привязаться

друг к другу, окончательно отчуждены друг от друга и, вследствие тысячи недоразумений, обид, оскорблений, прямо враждебно относятся друг к другу.

Наладить такой с самого начала неудавшийся брак является делом донельзя трудным. Каждое неудачное слово может только усугубить беду, каждое неделикатное вмешательство непризванных целителей может сделать болезнь окончательно неизлечимой. Самый опытный советчик не осмелился бы коснуться такого щекотливого положения иначе, как с чрезвычайной осторожностью, так сказать, в бархатных перчатках. Но в данном случае, где речь идет не только о налаживании брачных отношений, но и об укреплении трона, династии, о покое государства, все действуют с невообразимой грубостью и неловкостью.

Невольно задаешься недоуменным вопросом, почему это из всех мыслимых возможностей осуществляется как раз глупейшая, и приходишь к выводу, что и здесь, как это часто бывает в политике, сталкивается ряд противоположных интересов, и это приводит к тому, что принимается мера, не удовлетворяющая, в сущности, ни одного из них. К основному требованию престолонаследника присоединяется недоверчивое отношение Бестужева к дочери княгини Цербстской, которую он неизменно подозревает в письменной конспирации в пользу прусского короля. К этому прибавляется все растущее недовольство поведением Петра.

Для того чтобы устранить все эти действительные или воображаемые минусы, канцлер составляет два письменных документа и дает их на подпись императрице 10 и 11 мая. Первый документ, названный "Инструкция для благородной дамы", касается Екатерины. Вместо гофмейстерши к Екатерине должна быть приставлена специальная благородная дама – или попросту надзирательница. Эта благородная дама должна обязаться, "поскольку сие представится возможным, беспрестанно наблюдать за интимными отношениями их императорских высочеств и внушать великой княгине, что она возведена в звание императорского высочества только для того, чтобы государство Российское получило желанного престолонаследника и продолжателя царской династии". Для этой цели необходимо "следить за каждым шагом великой княгини, неизменно и повсюду ее сопровождать, чтобы предупредить всякие фамильярные отношения с кавалерами, пажами и слугами двора".

Итак, предостережения преданного Тимофея запоздали, сплетни насчет Чернышева дошли до ушей Бестужева, до ушей самой Елизаветы. Имеющая быть приставленной к Екатерине

благородная дама должна следить и за тем, чтобы великая княгиня не писала никаких писем и ни с кем не говорила с глазу на глаз или шепотом. Для Бестужева этот пункт особенно важен, так как он хочет прежде всего подвергнуть контролю корреспонденцию Екатерины и ее беседы с иностранными дипломатами.

Вторая инструкция касается великого князя. Он тоже должен получить, вместо оказавшихся неспособными Брюммера, Бергольца и Стелина, нового спутника, в обязанности которого входит "удержание его высочества от недостойных наклонностей". Недостойные наклонности Петра перечислены в инструкции с большой обстоятельностью. Там значится, что великий князь посвящает все свое время вредным интимностям с лакеями, наряжает их в военные мундиры, заставляет проделывать воинские упражнения и тем превращает военное искусство в забаву. Затем отмечается, что Петр выливает прислуживающим ему за столом лакеям вино на голову, отпускает по адресу беседующих с ним особ, даже иностранцев, непристойные шутки, безнравственно корчит гримасы и подергивает всеми членами своего тела. В заключение указывается, что совершенно непостижимо, как это восемнадцатилетний супруг играет в опочивальне жены в куклы.

Эти замечания "заклятого врага" Екатерины Бестужева не только полностью совпадают с жалобами Екатерины на ее мужа, но и дополняют клиническую картину юного невротика некоторыми весьма характерными чертами. Эти гримасы, эти подергивания членами тела отнюдь не просто некрасивые манеры, как это думает Бестужев, а непроизвольные движения нервнобольного.

К Петру приставляется князь Репнин, являющийся хоть человеком приятного и любезного характера, но назначение госпожи Чоглоковой в качестве "благородной дамы" при персоне Екатерины свидетельствует о том, что дело идет вовсе не о снабжении ее доброжелательными советами, а о строгом надзоре за ее поведением. Чоглокова не отличается ни одним из тех качеств, которыми должна бы обладать особа, могущая оказать содействие беспомощной молодой женщине, попавшей в такое щекотливое положение, как Екатерина: она не умна, не добра, считается одной из глупейших женщин при дворе. Но она фактотум Бестужева, шпионка, на которую тот может вполне положиться, и ее добродетель стоит вне всяких сомнений. Она вышла замуж по любви, и каждый год рожает – в этом-то отношении и надлежит Екатерине брать с нее пример.

Необходимо отметить, к чести Елизаветы, что она целых две

недели не решалась на это злополучное назначение. Может быть, правильный женский инстинкт подсказывал ей, что этот открытый надзор за Екатериной, вплоть до края супружеской постели, мало может способствовать налаживанию безрадостного брака и что постоянное созерцание счастливой супруги является для несчастной таким же удачным целебным средством, как посыпание открытых ран солью. Но тут один из ее многочисленных шпионов граф Девье, впоследствии герой Семилетней войны, доносит ей, что он застал Екатерину наедине с Чернышевым.

В какой именно ситуации застал он их, нам никогда не суждено узнать с достоверностью. В нашем распоряжении на этот счет имеются только собственные записи Екатерины, а в них, разумеется, подчеркивается совершенно невинный характер ее, длившегося несколько минут, безобидного разговора с Чернышевым. На следующий же день все трое Чернышевых удаляются от двора (причем против двоих из них назначается следствие, не приведши ни к каким результатам), и Чоглокова вступает в отправление своих обязанностей, напутствуемая смертельным врагом Екатерины – Бестужевым.

Екатерина едва в состоянии совладать с собой при этом ударе по последнему жалкому остатку своей свободы и беззаботности. В то время как губы ее лепечут, что она, разумеется, подчиняется желанию ее величества, слезы катятся из ее глаз. Чоглокова имеет случай сейчас же доложить императрице, какой малорадостный прием ей был оказан, и глаза Екатерины еще не успевают просохнуть, как появляется сама императрица. Вся ее накопившаяся злоба впервые обрушивается с элементарной силой на несчастную Екатерину. Она-де знает истинную причину ее слез, утверждает Елизавета: женщины, не любящие своих мужей, всегда плачут. Никто, однако, не заставлял Екатерину выйти замуж за великого князя, она сделала это по собственной воле и теперь ей нечего по этому поводу плакать.

– Я отлично знаю, что вы одна только виноваты в том, что у вас нет детей.

Лицо Елизаветы красно и искажено от гнева, она вот-вот ударит Екатерину, как привыкла бить женщин и даже мужчин из своей свиты. Тут молодая женщина собирается с духом, подавляет свое негодование, чувство оскорбленной справедливости, все соображения рассудка и могущие быть приведенными возражения и говорит униженным тоном:

– Я виновата, матушка.

Она поняла истинно русскую душу Елизаветы. Разгневанная императрица – по крайней мере в настоящий момент – смягчена.

С момента вступления Чоглоковой в отправление ее обязанностей жизнь Екатерины становится фактически жизнью заключенной. Если и до того она была окружена тайными шпионами, то теперь уж око Елизаветы следит за каждым ее движением, а ухо Бестужева за каждым ее словом. "Благородная дама" воспринимает данные ей инструкции в том смысле, что ей надлежит играть роль строгой гувернантки. Подобно всем плохим воспитателям, она читает, что вся сущность воспитания сводится к запрещениям и наказаниям.

Ей и в мысли не приходит снискать дружбу Екатерины или в качестве опытной женщины и многократной матери поговорить с молодой великой княгиней на те щекотливые темы, которые обусловили ее назначение на пост надзирательницы. Ей не приходит в голову приободрить обоих несчастных супругов, чувствующих себя еще беспомощнее, еще растеряннее вследствие того, что они впали в немилость императрицы, побудить их к сближению, создать ту атмосферу успокаивающего благоволения, при которой разрешаются недоразумения и забываются обиды. Она, наоборот, ограничивается тем, чтобы все критиковать и ко всему придираться. Она не разрешает самых невинных игр, не разрешает ничего такого, что прямо не предписано. На протяжении одного года ей удается удалить из окружения молодой четы всех несимпатичных ей людей, то есть всех людей, обладающих известным юмором и отличающихся добродушным характером, в том числе и князя Репнина, которого заменяют господином Чоглоковым.

Последний ненамного умнее своей жены, но столь же высокого о себе мнения, столь же скучен и так же низкопоклонничает перед Бестужевым. Молодые супруги теперь поневоле общаются друг с другом больше, чем прежде, но это не служит на пользу продолжения династии. Петр несколько раз на день навещает свою жену. Иногда он играет ей на скрипке.

К сожалению, единственное его дарование, единственный благородный интерес касается той области, в которой Екатерина является полным профаном: область музыки. Иногда он заставляет Екатерину часами проделывать ружейные приемы и с ружьем на плече стоять на карауле перед дверьми пустой комнаты. Потом он вдруг развивает проект о необходимости построить дворец на манер Картезианского монастыря, в парке которого должны разгуливать все дамы и кавалеры двора, переодетые монахами. Около ста раз принуждена Екатерина рисовать ему план этого удивительного монастыря и, прогуливаясь бок о бок с ним из одного угла комнаты в другой, обсуждать во всех деталях этот нелепый проект.

А вечером, когда он ложится спать – а он спит на протяжении всех первых девяти лет своего брака каждую ночь неизменно в одной постели с Екатериной – и госпожа Чоглокова со всеми придворными дамами удаляются, он приказывает госпоже Крузе принести ему куклы и игрушки. Это, конечно, строжайше воспрещено, но госпожа Крузе родом тоже из Гольштинии, она ненавидит Чоглокову, которая обращается с нею высокомерно и заносчиво, а потому рада случаю подставить ненавистной надзирательнице ножку и, с другой стороны, оказать одолжение Петру. Она притаскивает столько кукол, что подчас вся кровать ими усеяна.

До полуночи, а иногда до двух часов утра вынуждена Екатерина, цветущая двадцатилетняя женщина, играть в ту игру, которую она ненавидела еще в детстве. Просто непостижимо, как это Екатерина пережила 9 лет еженощного унижения без тяжкого ущерба для ее психики и, вспоминая впоследствии об этих мучительных ночных играх в куклы, могла ограничиваться остроумными, насмешливыми словами.

Но совершенно бесследно эти бесконечные пустые и скучные дни, эти неиспользованные ночи не проходят. Екатерина часто принуждена обращаться к врачам. То у нее нестерпимые головные боли, то бессонница, то полное отсутствие аппетита. Странная ипохондрия превращает ее жизнь в мучение. Боергаве часто пускает ей кровь, приписывает порошки, лекарства, изобретает красивые латинские названия для ее недомоганий.

Подлинной причины ее болезни он не решается назвать. Причина эта – здоровье! Екатерина – здоровое полнокровное существо с естественными потребностями, присущими ее возрасту. Ее сильное тело нуждается в движении, ее живой дух в пище, ее чувства в удовлетворении, ее молодое сердце в любви.

Всего этого она лишена. За все восемь лет, на протяжении которых правят ужасные Чоглоковы, только в течение нескольких летних недель, проводимых в Ораниенбауме, она пользуется относительной личной свободой, может хоть немножко испытать счастье юности. Здесь ей Разрешается в три часа утра, в сопровождении одного только берейтора, отправляться на охоту за утками, здесь она может, сидя верхом по-мужски, скакать часами по окрестным лугам и полям.

Собственно говоря, ездить на мужском седле ей воспрещено, так как, по мнению Елизаветы, это может вредно отразиться на ее плодовитости. Но Екатерина изобрела особое седло, которое позволяет ей, отъехав на глазах Чоглоковых в позе амазонки, а затем, удалившись на изрядное расстояние, перекинуть ногу через шею коня и, с великодушного согласия преданного ей

берейтора, гарцевать по-мужски.

Но чудные летние недели скоро проходят, да к тому же не каждое лето удается проводить в Ораниенбауме. А русские зимы так бесконечны. Даже на балах и на празднествах за нею постоянный надзор. Ее кавалерам во время танцев едва удается сказать ей какой-нибудь комплимент насчет ее туалета или ее красивых глаз. Она впитывает в себя подобные слова, как сухая губка воду.

Давно уже нет поблизости Екатерины ни одного человека, с которым она осмелилась бы говорить открыто, по душе. Она даже старается не обнаруживать ни к кому особых симпатий, потому что на практике изведала, что все, кто ей нравится, неизменно впадают в немилость императрицы, со всеми, кто желает ей добра, случается беда. По ее мнению, у нее уже не осталось при дворе ни одного друга, а тут еще и последний из людей, к которому она привязана, ссылается в Сибирь только потому, что был ей предан, – это старый слуга Тимофей, ее оракул, ее неизменный добрый гений, оказывавший ей столько услуг и вызволявший ее из стольких неприятных положений.

"Это было моим величайшим горем за все время царствования Елизаветы", – пишет она в своих мемуарах.

Теперь она окончательно одинока.

Со скуки она начинает читать. Она читает все, что ей попадается под руку, прежде всего, конечно, французские романы. Эти романы разжигают ее без того воспаленное воображение, обостряют ее тоску по истинным внутренним переживаниям, по общению с людьми, по тому, чтобы быть любимой и любить. Но, как бы то ни было, а приятнее было быть счастливой вместе с героиней романа или страдать вместе с его героем, чем ссориться с Чоглоковой или играть в куклы с Петром. Ввиду отсутствия всякого другого интересного занятия чтение постепенно становится ее существеннейшим и любимейшим времяпрепровождением.

Вначале она читает без всякого разбора, все, что читают ее придворные дамы, не отличающиеся особенно изысканным литературным вкусом. В один прекрасный день при яворе появляется недавно выпущенная во Франции "История Германии", и так как никто не прикасается к этой скучной книге, Екатерина берет ее себе. Книга заинтересовывает ее больше, чем сентиментальные плоские романы, и она открывает, к огромной своей радости, что книги могут не только развлекать, но и поучать. Тут она вспоминает о советах Гюлленборга и распоряжается, чтобы ей доставили произведения Тацита и Плутарха.

Так как честолюбие составляет основную движущую пружину ее характера, она охотнее отождествляет себя с Александром или Алкивиадом, чем с какой-нибудь томно вздыхающей Хлоей. Едва начинает она учиться, как видит, сколь ничтожны ее познания. Барон Мардефельд, которого Фридрих к досаде Елизаветы все не отзывает, рекомендует ей как-то "Философский и критический словарь" Пьера Бейля. Это, в сущности, справочное издание, нечто вроде энциклопедического словаря, но Екатерина в своей ненасытной жажде знания прочитывает его от доски до доски. Она затрачивает на это целых два года, но это не даром потерянное время: фундамент ее общего образования заложен, в душу Екатерины заброшено семя, которое принесет богатые всходы, – критический подход ко всему традиционному, общепринятому.

Бейль, великий философ-еретик семнадцатого века, является непосредственным предшественником энциклопедистов, от него до Монтескье и Вольтера только шаг. Вскоре "Дух законов" Монтескье становится неизменным спутником великой княгини. Пламенное дыхание ее эпохи обвевает ей лицо, жгучие проблемы восемнадцатого века распаляют ее сердце на три десятилетия раньше, чем она вызывает европейский пожар. Если до сих пор она накопилась только с великими людьми, делавшими историю, то теперь впервые узнает о бесконечном количестве маленьких людей, с которыми история не церемонится, о тех, чья масса служит основой могущества всех власть имущих и которые сами не обладают ни малейшей властью, об обездоленных, о лишенных прав – словом, о народе. Это чрезвычайно важный, почти священный момент, являющийся для Екатерины более значительным, чем для сотен других женщин первые переживания любви.

Самый трон не является больше в ее глазах неприкосновенной святыней. Ее взбудораженная совесть требует, чтобы его опороли служили не штыки, а защита гарантируемых им прав подданных. То обстоятельство, что она испытывает на себе самой всю несправедливость и насилие деспотизма, превращает ее в ту "восторженную республиканку", которой она впоследствии считает себя, даже тогда, когда на ней царская корона.

Еще один шаг – и место произведений Монтескье занимают произведения Вольтера. Наряду с сомнением в божественном происхождении абсолютизма становится сомнение в самом Божестве. Екатерина узнает, что церковь не только является посредником между человеком и небесами, но и сильнейшей земной властью, не уступающей по могуществу власти трона, а

иногда и превышающей последнюю: она узнает, что духовная нужда миллионов позволяет церкви приумножать свои земные богатства, что трон нуждается во влиянии церкви, а церковь в могуществе трона.

В то время как Чоглокова охраняет подобно зубастому церберу двери Екатерины, чтобы никто непосвященный, никто подозрительный, даже повседневные дворцовые сплетни, не переступали через порог покоев великой княгини, в комнаты узницы проникает вместе с невзрачными, переплетенными в серое книгами дерзкий бунтовщический дух восемнадцатого века. В то время как Екатерине запрещено играть с юными придворными фрейлинами в невинные игры, она знакомится с великим освобождающим смехом Вольтера, насмешкой мудрости над глупостью и ограниченностью, самым глубоким, но и самым опасным смехом – смехом философии. В то время как Елизавета каждый день придумывает новые унижения для молодой женщины, становящейся с каждым днем красивее и с каждым годом ее большей соперницей, эта никогда не жалующаяся и не протестующая молодая женщина молча, но неизменно перерастает как саму императрицу, так и весь ее окружающий двор, половина которого не умеет читать и едва треть умеет писать.

Одна только герметически отрезанная от мира Екатерина чувствует свежее дыхание надвигающейся новой эпохи, воспламеняется ее руководящими идеями. При всем своем одиночестве она окружена лучшими духовными представителями ее века; лишенная возможности самостоятельно действовать, она научается самостоятельно мыслить; приниженная до положения узницы, она вырастает до истинного величия. Теперь ее честолюбие преследует не только примитивную внешнюю цель – добиться власти, но также более возвышенную, воистину царственную цель – помочь господству добра.

Постигающие Екатерину несчастья всегда служили ей на пользу. Если бы она могла в эти решающие для ее развития годы вести веселую, беззаботную жизнь пользующейся успехом красивой молодой женщины, если бы ей было разрешено наслаждаться всеми прелестями юности, красоты и высокого общественного положения, у нее никогда не нашлось бы времени углубить свои природные духовные задатки и обрести тот истинный аристократизм образованности, который вознесет ее высоко над всеми современными правительницами. Чоглоковы послужили благодетельным бичом в руках Провидения, но только в одном этом отношении выполнили они возложенную на них задачу. Что касается осуществления инструкций, послуживших

причиной их назначения на ответственные посты, то тут они спасовали по всем пунктам. Они не оправдали даже примитивнейших надежд Елизаветы: послужить для великокняжеской четы сияющим образцом семейного счастья и супружеской добродетели.

В качестве воспитателя Чоглоков на протяжении всех восьми лет своей деятельности оказался никуда не годном. Да он и не относился к своей задаче с надлежащим рвением, потому что, прислушиваясь к пожеланиям Елизаветы, он вместе с тем старался приобрести расположение будущего государя, то есть во всех случаях, где к этому только представлялась возможность, закрывал глаза. Это имело чрезвычайно невыгодные последствия для Петра, который своими военными игрушками и своей влюбленностью в Гольштинию и Фридриха Прусского вызывает все больше нареканий со стороны окружающих.

Достигнув двадцатичетырехлетнего возраста, великий князь устраивает в своей комнате целый арсенал. На длинных узких столах расставлены армия оловянных и свинцовых солдатиков, крепости из картона, деревянные пушки. В то время как Екатерина занята изучением энциклопедистов, Петр содержит в своих покоях целую свору собак и гоняет их при помощи исполинского кучерского кнута из одного угла комнаты в другой до тех пор, пока несчастные животные не сваливаются с ног, визжа от боли.

Однажды на стол взбирается крыса, изгрызает какую-то крепость и двух вылепленных из глины солдат. Екатерина входит в комнату как раз в тот момент, когда Петр подвергает злосчастную крысу наказанию за совершенное ею "государственное преступление": он ловит крысу при помощи одной из своих собак и торжественно вешает ее посреди комнаты "в назидание народу". В другой раз ему как-то приносят карманную модель города Киля, и Петр высказывает совершенно открыто в присутствии ряда свидетелей, что этот город "ему милее всей России".

И во всех прочих отношениях Петр под надзором Чоглокова остается прежним. Он не перестает увиваться то за одной, то за другой из фрейлин и никогда не забывает докладывать Екатерине о своих новых увлечениях. Есть вещи, к которым женщина никогда не может привыкнуть. Хотя Екатерина и не любит своего мужа, она все же испытывает резкое чувство обиды каждый раз, когда он, на глазах всего двора, предпочитает ей другую. В особенности оскорбляет ее увлечение Петра горбатой принцессой Курляндской, за которой он до того ухаживает, что Екатерина однажды, под предлогом внезапного недомогания,

преждевременно встает из-за стола. Но едва только она улеглась в постель и задремала, как появляется Петр и будит ее, чтобы подробнее рассказать о своей любви. Екатерина, которой надоели эти бестактные рассказы, в надежде поскорее положить конец излияниям Петра, притворяется спящей. Тогда этот своеобразный супруг осыпает ее градом побоев, чтобы вынудить внимательное отношение к его исповеди. Он, правда, в этот вечер изрядно выпил.

Да и в другие вечера он нередко выпивает через меру, однажды даже в присутствии императрицы. Иногда он напивается в обществе своих лакеев, которые под влиянием винных паров перестают относиться к своему господину с надлежащей почтительностью. В таких случаях Петр пытается всевозможными угрозами и ударами дубинки восстановить порядок, что ему, однако, не всегда удается. Во время большого пожара московского дворца мебель из комнаты Петра перетаскивают в другое помещение. При переноске в одном из комодов раскрывается потайная дверца, и, к изумлению как носильщиков, так и Чоглокова, обнаруживается, что весь комод набит доверху бутылками водки. Вот, значит, результат чоглоковского воспитания: к прежним "вредным наклонностям" великого князя прибавляются новые – пьянство и рукоприкладство.

Госпожа Чоглокова так же может похвастать успехами, как и ее супруг. Как раз в той области, которая для Бестужева всего важнее, – в корреспонденции, изоляция Екатерины не приводит к результату. Екатерине ведь, согласно инструкции, воспрещена всякая переписка. Ее ежемесячные сношения с родителями сводятся к подписанию составляемых коллегией иностранных дел посланий, по большей части состоящих из одной фразы – "я здорова, чего и вам желаю". Однажды в Петербург прибывает мальтийский рыцарь по имени Сакросомо, который с большим почетом принимается при дворе. Отвешивая поклон великой княгине, он умудряется вложить ей в руку небольшую записочку.

Екатерине удается незаметно прочесть эту записку. Это письмо от ее матери, которая просит сообщить ей ряд сведений и спрашивает между прочим, нельзя ли заполучить Курляндию для брата Екатерины. В записке есть также несколько строк от Сакросомо, в которой великой княгине указывается, что свой ответ она должна сунуть в карман определенного музыканта во время придворного концерта. Это вначале представляется Екатерине невыполнимым: подобно настоящей узнице, она не имеет ни бумаги, ни пера, ни чернил. Она не может и потребовать их, не возбуждая подозрения Чоглоковой.

Что же делать? Она велит ювелиру принести ей на выбор

несколько серебряных и золотых вещиц для подарков прислуге и покупает в числе прочих безделушек так называемое вечное перо с резервуаром, наполненным чернилами. Бумагу раздобыть несравненно легче: в каждой книге имеется спереди пустой листок, а книг у нее много. Таким образом, ей удается написать свое – абсолютно невинного содержания – письмо и во время ближайшего происходящего при дворе великого князя концерта она подходит незаметно к маленькому оркестру, дожидается того момента, когда указанный ей музыкант как будто в поисках носового платка широко раскрывает свой карман, и опускает с тревожно бьющимся сердцем в этот карман свое письмо. Никто ничего не замечает.

Этаким способом Цербст обменивается с Петербургом несколькими письмами. Но Екатерина ведет еще другую, более опасную корреспонденцию. В один прекрасный день ее горничная, финка, передает ей письмо от Андрея Чернышева, который вследствие возведенного на него поклепа просидел два года в тюрьме. И на это письмо Екатерина отвечает. Весьма малопоэтично, но очень характерно для ее положения, что сделать это она могла, только сидя на судне. Из этой секретной переписки некоторые историки делают вывод, что ее отношения с Чернышевым были и впрямь интимного характера, но для такого вывода нет достаточного основания. Можно легко допустить, что та самая Екатерина, которая немедленно по восшествии на престол подумала о том, чтобы дать своему старому Тимофею хорошую службу и снабдить его теплой шубой, легко могла из простого чувства справедливости послать невинно пострадавшему Чернышеву несколько слов утешения и немного денег.

Добродетель Екатерины пока все еще неприкосновенна. Но это отнюдь не заслуга Чоглоковой. Умному, решительному и предприимчивому мужчине удалось бы, без сомнения, победить этого дракона – что вскоре и обнаружится. Но брат фаворита Разумовского, который на протяжении одного лета ежедневно проезжает шестьдесят верст, чтобы хоть на минутку повидать Екатерину, только через двадцать лет осмеливается признаться ей в своей любви. Другой поклонник делает ей чересчур рискованное предложение прийти к ней ночью в спальню, переодевшись камеристкой. Но тот, кто мог бы легче всего создать удачную ситуацию для того, чтобы остаться с глазу на глаз с Екатериной, ее самый настойчивый и страстный поклонник, противен ей до глубины души: это не кто иной, как сам господин Чоглоков. Он безумно влюбился в великую княгиню, и эта его любовь ни для кого из придворных не является

секретом. Если нелепая система надзора за Екатериной не завершается достойным ее фарсовым финалом – похищением охраняемой невинности со стороны самого охранителя таковой, то этим Елизавета обязана не контролю госпожи Чоглоковой, а исключительно толстому брюху господина Чоглокова.

По истечении шести лет с момента вступления в отправление своих обязанностей Чоглокова вынуждена сознаться разгневанной императрице, что великокняжеский брак все еще не завершен и что Екатерина все еще девственна. Злосчастные инструкции не привели к результату. Они похитили у Екатерины шесть лет ее молодости, превратили ее в политическую арестантку, сделали ее осторожной дипломаткой, читательницей книг, философом, революционеркой – только не матерью.

Глава VI. Один ребенок, две матери и ни одного отца

1750 году юный представитель старинного русского дворянского рода Сергей Салтыков женился по любви на красивой молодой фрейлине двора. Хотя жена и боготворила его, она ему через год надоела. Он пустился на поиски новых приключений и нашел их сколько душе его было угодно. Он был молод, красив как бог, обладал достаточным умом для того, чтобы пустить пыль в глаза, и, кроме того, одним качеством, которому женщины менее всего способны противостоять: будучи по природе склонен к измене, он все же относился к любви чрезвычайно серьезно. Добиваясь какой-нибудь женщины, он бывал всецело захвачен страстью, развивал решимость полководца, хитрость дипломата, смелость казака и настойчивость ученого, ни пред чем не отступал, брал в союзники небо и ад, всякое сопротивление утраивало его страсть – словом, это был идеальный тип соблазнителя.

Такого человека легкие победы не прельщали. Когда Салтыков в 1752 году возвращается ко двору, Елизавета как раз охладела к Разумовскому и восходила звезда Шувалова. Елизавета дает понять Салтыкову, что ему будет стоить не слишком много усилий одержать верх над Шуваловым. Но красавец Сергей делает все возможное, чтобы не понять намеков Елизаветы: он не из тех людей, которые приходят, когда их зовут. Кроме того, Елизавете уже сорок семь лет.

Екатерине же в ту пору двадцать три года, и она достигла полного расцвета своей красоты. Салтыков, как и все, знает, что ее день и ночь караулят и что запрещено даже разговаривать с ней вполголоса. Он знает, что каждая попытка приблизиться к великой княгине сопряжена с опасностями и что ссылка в Сибирь является еще самой безобидной из этих опасностей. На всем пространстве необъятной России нельзя, без сомнения, найти ни одной женщины, желание вступить с которой в любовную связь представлялось бы столь безнадежным, как с Екатериной, и любовная связь с которой представлялась бы делом более рискованным. Но именно это обстоятельство и соблазняет Салтыкова, именно потому влюбляется он в Екатерину.

Он появляется при великокняжеском дворе так часто, как это только представляется возможным, и притом, разумеется, не один, ибо это слишком бросилось бы в глаза. Вместе с ним неизменно приходит еще и другой знатный кавалер – Лев

Нарышкин, большой шутник, остроумный оригинал, приятный молодой человек, к которому все относятся с большой симпатией, но которого никто не берет всерьез. Салтыков демонстративно старается снискать дружбу великого князя, что не составляет особого труда: Петр очень любит красивых молодых людей. Слабый, поддающийся внушениям человек, он скоро подпадает всецело под влияние Салтыкова и не может обойтись и дня без своего нового друга, что весьма радует его царственную тетушку, предпочитающую видеть его в обществе двух знатных русских аристократов, чем в компании гольштинских офицеров.

Салтыков и Нарышкин не упускают также ни одного дня, чтобы не навестить Чоглокову. Та опять в интересном положении и не покидает своей комнаты. Ее подопечная, Екатерина, разумеется, неизменно находится в ее обществе. Госпожа Чоглокова чрезвычайно признательна за трогательное внимание, оказываемое ей двумя столь блестящими кавалерами, никогда и ничем не нарушающими иллюзий, будто их визиты относятся исключительно к ней. Под влиянием такого избытка любезности недоверчивость Чоглоковой и ее кислое настроение рассеиваются, уморительные выходки Нарышкина ее не шокируют, она разрешает, чтобы молодежь веселилась, смеялась, даже сама вместе с нею смеется.

По вечерам собираются у великого князя. Здесь не дремлет зоркое око господина Чоглокова, этот страж проявляет даже сугубую бдительность, так как сам влюблен в Екатерину. Салтыков делает гениальное открытие – по его мнению Чоглоков, несомненно, поэт. Он заставляет его каждый вечер сочинять какое-нибудь длинное стихотворение на определенную тему, и все общество – для этого не требуется даже предварительного уговора – восторженно восхваляет это стихотворение, а Нарышкин сочиняет для него музыку. Поэтическая слава опьяняет глуповатого Чоглокова, немедленно по окончании одного стихотворения он дает себя уговорить засесть за сочинение второго, а в то время, как Нарышкин музицирует за клавесином, Салтыков находит наконец возможность объяснить Екатерине, почему он катается верхом с великим князем, почему делает визиты Чоглоковой и восхваляет поэтический дар Чоглокова. Наконец-то он может, хоть и в присутствии полудюжины людей, но все же не будучи никем подслушан, сказать Екатерине о своей к ней любви. Он делает это шепотом, но с жаром и повторяет каждый вечер наново.

Екатерина утверждает, что сделала все возможное, чтобы выбить у него из головы эту любовь, что она оказала упорнейшее сопротивление его ухаживаниям. Это весьма вероятно, так как

она ведь отлично знала, чем рискуют и она сама, и Салтыков. Но ее сопротивление имело своим . источником только рассудок, а не сердце. Человек, ежевечерне нашептывающий ей пламенные речи, прекрасен собой, любит ее, ставит ради нее на карту свою жизнь. Стоит ей поглядеть в сторону, и она видит своего уродливого рябого супруга, открыто компрометирующего ее своей страстью к фрейлине Шафировой. Невозможно быть только благоразумной. Уста ее, правда, говорят всякие разумные вещи – напоминают Салтыкову об его жене, о его положении в свете, – но в устах любящей женщины каждое "нет" звучит как "да". А Салтыков мастер разбираться в интонациях любви. Он не относится серьезно ни к одному из ее возражений.

Однажды Чоглоков приглашает всю компанию поохотиться на одном из островов Невы. В то время как все скачут в погоню за удирающим зайцем, Салтыков с Екатериной умудряются отстать в густых зарослях камыша. Они впервые остаются наедине. В первый раз он имеет возможность говорить о своей любви, не заглушая голоса, не меняя выражения своего лица в угоду чужим взорам. Екатерина не в состоянии скрыть своего чувства. Она не святая, она нормальная здоровая молодая женщина, которая на протяжении восьми лет была несказанно одинока.

Великий князь далеко не так глуп, как Чоглоков. При своем извращенном сексуальном любопытстве он скоро начинает чуять, что что-то произошло, и уже через несколько дней после вышеописанной охоты он говорит Шафировой:

– Сергей Салтыков и моя жена надувают Чоглокова. Они убеждают его в чем хотят и смеются над ним.

Характерен этот подход к делу: обманут не он – супруг, а бдительность влюбленного по уши Чоглокова! Петр не возмущен происшедшим, а только усматривает в нем повод для пикантных разговоров. Шафирова, разумеется, не упускает случая передать всем слова великого князя, они доходят до ушей императрицы, и бедной Чоглоковой приходится выслушать от последней, что ее муж болван, позволивший двум молокососам провести себя за нос. Опасность слишком велика, и Салтыков с Нарышкиным скрываются на несколько месяцев в свои поместья. Лето и осень проходят в тоске и скуке. Зимой двор переезжает в Москву, и тут только Салтыков возвращается из своего добровольного изгнания.

При первой же встрече он убеждается в том, как мучительно она по нему тосковала. Его пылкая страсть встречает столь же пылкую взаимность. Но как удовлетворить эту страсть? В московском дворце Екатерина еще меньше свободна, чем в летней резиденции великого князя. Здесь нет охот, нет никакой возможности побыть с глазу на глаз. Только теперь Салтыкову

приходит в голову блестящая идея, и эта идея разрешает не только проблему интимных встреч, но и мучительную проблему трона и изменяет единым взмахом положение Екатерины. Дело идет о ее примирении с Бестужевым. Салтыков правильно сообразил, что подлинным тюремщиком Екатерины является не Чоглокова, не Петр, даже не Елизавета, а один Бестужев. Это ясно и Екатерине, и она немедленно соглашается протянуть врагу руку. Здесь играет, конечно, большую роль ее страстное увлечение, но миролюбие является и вообще типичной чертой характера Екатерины. Бестужев стал относиться к ней враждебна с первого же момента ее появления в России, она обязана ему бесконечными неприятностями, и все же без колебания она хватается за первую возможность превратить своего заклятого врага в друга. Она немедленно отправляет к Бестужеву некоего Бремзе и поручает ему сказать канцлеру, что она относится к нему теперь значительно лучше, чем прежде.

Бестужеву это примирение как нельзя больше на руку. Его положение по целому ряду причин теперь не так прочно, как несколько лет тому назад. Здесь играет главным образом роль новый фаворит Шувалов, который далеко не так ленив и чужд честолюбия, как Разумовский. Да и здоровье Елизаветы начинает пошаливать. Что если она умрет? Ведь тогда править будет этот ребячливый дурень Петр, обожающий Фридриха II и готовый продать Россию за Гольштинию. Невзирая на свою антипатию к Екатерине, Бестужев давно понял, что она гораздо умнее своего супруга и что ей интересы России дороги.

Бестужев принимает посланца Екатерины с распростертыми объятиями. Он велит передать, что всецело к услугам великой княгини и просит ее сообщить ему, как можно бы с ней обо всем необходимом переговорить. На следующий день Салтыков является с визитом к канцлеру. Мужчины обо всем подробно договариваются.

Несколько дней спустя Чоглокова говорит Екатерине:

– Я должна с вами серьезно поговорить.

Она произносит длинную и как будто неясную речь. Распространяется на тему о супружеской верности, о священных заветах религии и добрых нравах, о своей добродетели.

– Но, – добавляет она, – бывают случаи столь важные, что ради них можно и должно отступить от правил.

Затем говорит о любви к отечеству, которая стоит выше любви к супругу и в заключение вдруг выпаливает:

– Вы можете выбрать между Нарышкиным и Салтыковым. Если не ошибаюсь, вы предпочитаете первого?

Екатерина молча выслушивает речь Чоглоковой, стараясь

уяснить себе, нет ли тут западни, но при последних словах восклицает:

– Нет, нет.

– Ну, в таком случае это, значит, Салтыков, – отвечает Чоглокова, – вы убедитесь в том, что я не стану чинить препятствий.

Она держит свое слово, потому что получила новые указания. Бестужев все подготовил, он скомбинировал интересы Екатерины с интересами Елизаветы. Запор с тюремной двери сбивается. Под протекторатом всесильного канцлера, с попустительства ее величества, сопровождаемый Чоглоковой, на глазах камеристки Владиславы Салтыков входит в опочивальню Екатерины. Два раза надежды на появление продолжателя династии не оправдываются: в первый раз Екатерина рожает преждевременно, вследствие излишнего увлечения верховой ездой, а во второй раз вследствие того, что во время поездки на охоту в Люберцы ей приходится переночевать под открытым небом, в промокшей от дождя палатке. Вторые преждевременные роды чуть даже не стоят ей жизни.

Но где же госпожа Чоглокова, которая родила уже семерых детей и чья опытность впервые и действительно пригодилась бы? Чоглокова окончательно потеряла голову во всей этой аморальной неразберихе. Она, этот образец добродетели, воспылала запоздалой, но от этого еще более безудержной страстью к князю Репнину и под всеми возможными предлогами манкирует своей службой. Екатерина уже более не находящаяся под ее стражей узница, а ее наперсница, единственная особа, которой она может довериться.

Господин же Чоглоков не перестает тем временем вздыхать по великой княгине. Благодаря своей глупости он дает Салтыкову уговорить себя в том, будто тот отстаивает перед Екатериной его интересы и что это предательство и составляет предмет его интимных с нею собеседований. И на этот раз раскрывает всю комедию великий князь, руководимый не ревностью, а желанием доказать Чоглокову, каков в действительности его "истинный друг". Но Салтыкову, этому настоящему "демону интриги", немедленно приходит в голову новая блестящая идея: он убеждает Чоглокова в том, что сама императрица им увлечена. Чоглоков верит в это свое счастье так же быстро, как уверовал раньше в свой поэтический дар, он увивается подле Елизаветы на маскарадных балах, и его ухаживания действительно принимаются чрезвычайно милостиво.

Но тут Салтыков не принял в расчет бдительной ревности братьев Шуваловых, которые дрожат за свое привилегированное

положение и в конце концов до того настраивают императрицу против бедняги Чоглокова, что открыто, за столом, обзывает его дураком и предателем. Чоглоков до того близко принимает к сердцу эту обиду, что заболевает разлитием желчи. К постели больного приглашается всецело преданный братьям Шуваловым врач, и Екатерина утверждает, что именно этот врач по поручению своих благодетелей отправил его на тот свет. "Приглашенные впоследствии новые врачи заявили, что, во всяком случае, его лечили так, словно хотели убить". Через несколько дней после смерти Чоглокова устраняют от должности и его жену. Екатерина в это время как раз в третий раз в положении.

Чоглокова жестоко разочарована. Она того мнения – и не совсем безосновательно, – что оказала крупные услуги отечеству и сохранению династии. Но с точки зрения Шуваловых она только дала возможность Екатерине проявить свое легкомыслие. И императрица поступает в соответствии со взглядами Шуваловых. Она либо настолько умна, что скрывает истину даже от своих фаворитов, либо сама не хочет открыто посмотреть истине в глаза.

Отношения между Екатериной и Елизаветой с каждым годом ухудшаются, но все же связь между этими двумя женщинами необычайного положения и темперамента не носит характера взаимного отталкивания. Десять лет тому назад Елизавета горячо полюбила чисто материнской любовью маленькую Цербстскую принцессу, а Екатерина восхищалась красавицей-императрицей, усматривая в ней свой идеал. С той поры многое изменилось: стареющая Елизавета начала видеть в Екатерине соперницу, выросшая Екатерина познакомилась с отрицательными сторонами своего идеала.

Когда десять лет тому назад Екатерина приехала в Россию, чтобы выйти замуж за Петра, Елизавете мерещилась нежная идиллия. Она мечтала о том, что великокняжеская чета будет жить бок о бок с ней идеальной супружеской жизнью, рожать одного ребенка за другим, отвлечет своим поведением глаза света от эксцессов и распущенности ее личной жизни, удовлетворит как ее материнский инстинкт, так и потребности династии. Все вышло по-иному.

Наконец-то после десяти лет ожидания, разочарования, нетерпения, злобы и отчаяния (Елизавета уже стала подумывать об освобождении Иоанна, которого она так опасалась, и назначении его престолонаследником), наконец-то предстоят роды Екатерины. Как бесконечно далека эта действительность от сентиментальных мечтаний Елизаветы. Кто отец ожидаемого

ребенка? Елизавета не хочет углубляться в расследование этого вопроса.

Если она и знала план Бестужева и из соображений государственной необходимости была вынуждена его одобрить, то он все же был глубоко противен ее религиозной душе и ее романовской фамильной гордости. Со времени принятия этого плана прошло как-никак два года. Но вправе ли Елизавета надеяться на то, что за эти два года Петр все же стал настоящим мужчиной, подлинным супругом? Она имеет основание считаться с такой возможностью, потому что Петр достаточно благоразумен или слеп, или циничен, чтобы молчать. Но многие из придворных подшучивают над этой внезапной плодовитостью несомненно неудачного брака, и Шуваловы доводят все эти сплетни до сведения Елизаветы.

Ощущения императрицы чрезвычайно двойственного характера, и в соответствии с этим ее действия исполнены противоречий. Однажды она внезапно появляется в частных покоях Екатерины в отсутствие великого князя с очевидным намерением застать великую княгиню врасплох наедине с Салтыковым; это ей не удается только благодаря счастливой случайности. Но с другой стороны, она не принимает никаких мер для того, чтобы удалить Салтыкова от Екатерины.

Двадцатого сентября ночью у Екатерины начинаются предродовые схватки. Одновременно с акушеркой об этом оповещают и Елизавету. Императрица появляется в два часа ночи и в течение двенадцати часов не отходит от ложа Екатерины, которое, согласно обычаям того времени, устроено на полу, на низком матраце, рядом с постелью. Едва только долгожданный мальчик появился на свет божий, как Елизавета велит повивальной бабке отнести го в ее личные покои. Великий князь, который приличия ради бросил взгляд на новорожденного, следует за нею, а ним удаляются и все придворные дамы; роженица остается совершенно одна.

Над дворцом взвивается императорский штандарт, с крепостных валов раздаются салюты пушек, возвещающие о счастливом рождении престолонаследника. Екатерина лежит одинокая и всеми забытая на своем матраце между двумя окнами, из которых дует. В то время как во всех церквах звонят в колокола, тысячи верующих склоняют колени, чтобы помолиться за своего будущего монарха, в то время как весь город охвачен радостным возбуждением, а великий князь опрокидывает одну рюмку за другой "за здоровье своего сына" – в это время Екатерина, вся покрытая потом и измученная жаждой, валяется на полу, как кусок мяса, исполнивший свое назначение, и

Чоглокова даже не осмеливается подать ей стакан воды без разрешения повивальной бабки. А где же эта повивальная бабка? Она у Елизаветы, сама не своя от радости, всецело поглощена ребенком и совершенно забыла о его матери.

Елизавета забрала ребенка к себе и не возвращает его больше. Забыты государственные дела, забыты фавориты, забыты все прочие увлечения ради этой долгожданной радости: прижать к сердцу ребенка, возиться с ним, баловать его, заботиться о нем. Маленький Павел спит в ее собственной спальне; стоит ему закричать, как она сама бежит к нему; если нужно перепеленать его, то так тщательно его укутывает, что он чуть не задыхается под пуховыми одеялами и шубами. Елизавета до того охвачена нежностью к этому крошечному существу, что при дворе возникает и долго не глохнет слух, будто она подменила ребенка Екатерины своим собственным, рожденным приблизительно в то же время. Французский посол д'Эон доносит в Париж, что эти сведения считаются вполне достоверными. В Париже к этому слуху относятся чрезвычайно скептически: Елизавете уже почти пятьдесят лет.

Но эта фанатическая любовь к ребенку другой женщины, к ребенку, в жилах которого, по всем вероятиям, нет ни капли романовской крови, представляет собой странную психологическую загадку, которая едва ли может быть объяснена только неудовлетворенным материнским инстинктом. Не желает ли Елизавета своей чрезмерной нежностью к ребенку заглушить вполне основательные поения злых языков, утверждающих, что Павел сын Салтыкова? Весьма вероятно. Салтыков был первым мужчиной, от которого она понесла поражение как женщина, который предпочел ей Екатерину – не хочет ли она отомстить тем, что отнимает у Екатерины этого ребенка? И это соображение может играть известную роль. Почему Елизавета не относится более сердечно к Екатерине теперь, когда та исполнила ее заветное желание? Почему все ее поведение по отношению к Екатерине построено на желании показать той, что она лишь нечто вроде рабыни выполнившей свою функцию и не имеющей права претендовать ни на особенную благодарность, ни на особое внимание?

Ребенок пробудил в ней чувство ревности к Екатерине, и ревность принимает при ее неудержимом деспотическом характере совершенно безграничные размеры.

Екатерина более одинока, чем была когда-либо. В то время как Елизавета упивается всеми радостями материнства, в то время как весть о рождении престолонаследника разносится тысячами гонцов в отдаленнейшие уголки исполинского

государства, настоящая мать ни разу не видит своего сына. Проходит сорок дней до тех пор, пока по случаю официального приема поздравлений ребенка приносят на несколько минут в ее комнату и сейчас же уносят обратно в покои царицы. Екатерина не смеет даже осведомляться о том, как чувствует себя ее дитя, потому что это может быть сочтено как проявление ею недоверия к Уходу за ним со стороны императрицы. Медленно начинает она понимать, что у нее отняли ее ребенка навсегда.

Удрученная горем, она поправляется очень медленно, тем более что и уход за ней оставляет желать много лучшего. Ее лишили не только всех радостей материнства, не только ребенка, но и Салтыкова. Императрица командировала его в Швецию, чтобы известить тамошний королевский двор о рождении российского престолонаследника Причины этой командировки совершенно ясны: Елизавета не имеет больше никаких оснований терпеть прошение скандальной связи, она имеет, наоборот, все основания положить этой связи возможно скорее конец, Салтыков не чинит препятствий, – ситуация являлась для него уже давно тягостной и опасной.

Но если Елизавета думает, что откомандированием Салтыкова она пресечет сплетни, то жестоко ошибается – сплетня только распространяется по всей Европе. Салтыков чувствует себя за границей в безопасности, а волнующие слухи о его любовном приключении с великой княгиней придают ему в глазах шведских дам неотразимое обаяние. Сведения о его недостаточной сдержанности в разговорах и его новых амурных приключениях доходят и до Екатерины. Она невыразимо страдает от стыда, от ревности и… несмотря на все, от тоски по нему. Так как у нее нет ни одного человека, которому она могла бы довериться, ей становится противно смотреть на людей. Она зарывается в свою постель, в свои книги, в свои мысли.

Великий князь редко нарушает ее одиночество. Со времени рождения ребенка, которого назвали Павлом Петровичем, он все больше отдаляется от своей жены. Он, правда, никогда, ни одним словом не выражает сомнений насчет законности рождения ребенка. Когда он узнает, что Екатерина получила сто тысяч рублей по случаю крестин ребенка, то даже требует уплаты и причитающихся на его долю ста тысяч. Так как опасаются, что он может начать обосновывать свое право на получение этой суммы, то торопятся исполнить его требование, а так как в казне в тот момент нет денег, то у Екатерины отнимают подаренные ей сто тысяч. Петр циник, но не бесчувственный человек. Он принимает поднесенные ему по случаю рождения "сына" сто тысяч, но с этого момента окончательно избегает брачной постели. Девять лет он

спал каждую ночь в комнате Екатерины, но теперь он напивается по вечерам со своими гольштинскими офицерами и засыпает в своей комнате, а к Екатерине заходит только днем за каким-нибудь советом.

У нее нет ни ребенка, ни мужа, ни возлюбленного. Исполненные безграничного одиночества месяцы, последовавшие после рождения ребенка, имеют огромное значение для всего ее дальнейшего развития. В эти месяцы бесчеловечного унижения и тяжелого горя рождается, в сущности, новая Екатерина: женщина с железной, несокрушимой и неуклонной волей к власти. Посредственная натура погибла бы, растратила бы свои силы на бесполезную бессильную ненависть, а Екатерина претворяет энергию своей неиспользованно-накапливающейся любви в новую духовную активность. Никогда не читала, не размышляла, не думала она больше, чем за это время. Она начинает видеть все вещи в совершенно ином свете. Начинает понимать, что необходимо иметь друзей, на которых можно безусловно положиться, надо иметь в своем распоряжении средства для борьбы с врагами, надо иметь могущественных союзников, надо изменить свою прежнюю тактику уступчивости, устранения от политики, беспартийности.

Проходит зима – зима, полная балов, празднеств и развлечений в честь новорожденного престолонаследника, в которых главная, в сущности, персона – "счастливая мать" – не принимает никакого участия. Только к концу масленицы возвращается из Швеции Салтыков. При содействии Владиславы организуется встреча. Но тщетно ждет Екатерина после шестимесячной разлуки своего возлюбленного до трех часов утра. На следующий день он извиняется под каким-то благовидным предлогом. Екатерине приходится послать ему исполненное упреков письмо, чтобы заставить его прийти наконец к ней.

Подобно всякой влюбленной и одинокой женщине, она легко поддается в присутствии своего возлюбленного его нежным заверениям. Но в глубине своей души она знает, что его любовь – мимолетная любовь прирожденного соблазнителя – ушла навсегда. Она не хочет, однако, отдать себе ясный отчет в происшедшем, не может перенести в данный момент еще и этого последнего мучительного разочарования. Ей нужны теперь силы, и она черпает их в притворных заверениях охладевшего любовника. В день Рождения великого князя она впервые вновь показывается в свете.

Елизавета похитила у нее сына и все радости материнства. На это у нее власти хватило. Но даже деспотизм всемогущественной царицы не может помешать тому, чтобы молодая женщина, опять

появляющаяся 10 февраля 1755 года в свете после долгих месяцев безысходного отчаяния предстала взорам всех не в образе робкой уступчивости великой княгини, а свидетельствовала каждым жестом о том, что она мать будущего наследника престола.

Глава VII. Великий Князь и Великая Княгиня

Когда Екатерина (по странной иронии судьбы как раз в день рождения своего мужа) впервые показывается вновь в обществе, она уже приняла самое многозначительное в ее жизни решение: она в душе своей окончательно порвала связь между судьбой Петра и своей личной судьбой и во всех своих дальнейших поступках с Петром больше не считается.

Она, правда, и дальше к его услугам в тех случаях, когда он обращается к ней за советом, она даже ведет на протяжении ряда лет его гольштинские дела, потому что беспокойный и неуравновешенный халатный молодой человек не в состоянии прочитывать поступающие из его герцогства многочисленные скучные бумаги, проверять их и принимать по ним решения. При этом она знакомится, хоть в маленьком масштабе, с делом государственного управления, научается взвешивать, сопоставлять противоречивые интересы, научается прежде всего понимать, на какие бесконечные трудности наталкиваются идеалы философии и права в области реальной политики. Петр чрезвычайно доволен ее работой и жалует ей почетную кличку "Мадам ла Ресурс". Но указ, уполномочивающий ее на управление голштинскими делами, сохраняется в тайне. В общественной жизни Екатерина отнюдь не разыгрывает более роли товарища своего супруга, напротив, она старается при каждом подходящем случае подчеркнуть существующую между ними разницу.

В эту пору в Россию приезжает какой-то гольштинец по имени Брокдорф. Он вскоре не только завоевывает доверие и дружбу великого князя, но последний даже всецело подпадает под его влияние. Екатерина обращается с Брокдорфом с оскорбительной холодностью, делает его мишенью своих злых шуток и выставляет его на посмеши-ще всех окружающих. Она впервые сознательно создает себе врага, но это делается только с целью показать, до чего безразлично относится она, в противоположность Петру, ко всему гольштинскому. Брокдорф отплачивает ей по возможности сторицей. Если она называет его "пеликаном", то он дает ей кличку "гадюка". Даже на старости лет Екатерина утверждает, что Брокдорф был дураком и ничтожеством. Но он действует – по крайней мере когда речь идет о его личных интересах – вполне разумно. К причудам великого князя он относится с сочувствием и пониманием, и подает ему мысль заменить своих оловянных солдатиков

настоящим полком гольштинских солдат. Хотя финансы герцогства весьма плачевны и обнаруживают вечный дефицит, вследствие чего Петр испытывает постоянную нужду в деньгах, идея Брокдорфа приводит его в восторг. Но для ее осуществления требуется согласие или хотя бы попустительство нового гофмейстера Александра Шувалова.

Брокфорд обещает Шувалову вечные симпатии будущего императора, если он, так сказать, закроет глаза и не будет мешать. Да и чего тут чинить препятствия. Ведь дело идет, в сущности, о безобидной забаве, но как опасно, как бестактно осуществление этой затеи в тот момент, когда вся страна охвачена возбуждением из-за возможности войны с Пруссией. Русские гвардейские офицеры, на которых возложена обязанность охраны Ораниенбаума и которые знают, что им, быть может, вскорости придется пойти сражаться за царскую семью, смотрят с нескрываемым возмущением на то, как недалеко от дворца располагают лагерем иностранные войска. К нам прислали предателей, ропщут они, все эти проклятые немцы подкуплены прусским королем.

Александр Шувалов стоит на балконе, в то время как Дефилирует гольштинский полк и усиленно моргает глазами: это его нервный тик, проявляющийся всегда в моменты волнения. Симпатии его будущего государя ему обеспечены, но симпатии народа к своему будущему монарху подорваны: Шувалов это отлично понимает и, быть может, даже учитывает.

Петр оскорбляет и озлобляет всех. Он проводит дни и ночи в гольштинском лагере, он – офицер двух русских полков – открыто носит целый день гольштинский мундир. который в былые времена, при покойном Чоглокове позволял себе надевать только тайком в своей комнате. Он занимается со своим полком воинскими упражнениями на прусский манер. Что это все означает? – спрашивают себя окружающие.

Страсть Петра к мундирам справедливо почитается всеми нерусским увлечением, его фельдфебельский фанатизм воспринимается как нечто, недостойное будущего монарха. Даже самые простые люди чувствуют, что любовь Петра к военному делу чисто внешнего характера. Он никогда еще не прочел ни одного серьезного труда по стратегическим вопросам, никогда не искал общения с опытными русскими военными специалистами. Его восхищают только мундир, грубые солдатские манеры. Он, слабый и робкий человек, ищет просто возможности создать этим путем иллюзию своей мужественности. Все, чему он научил у своих гольштинцев, – это курить трубку и ругаться последними словами.

Екатерина старается по возможности демонстративнее обнаружить свое отрицательное отношение к поведению супруга. Она ни разу не заглядывает в лагерь гольштинцев. Во время своих ежедневных прогулок с придворными дамами она нарочито направляется в противоположную сторону и говорит каждому, кто только хочет слышать, даже лакеям, садовнику, конюхам, что поведение Петра и присутствие иностранных войск ей до глубины души противно.

Слухи об этом доходят в конце концов до надлежащего адресата – до русских солдат, которые научаются видеть в ней русскую патриотку и под влиянием этого забывают о ее немецком происхождении. В то время, когда Петр занимается муштровкой иностранных солдат, Екатерина разбивает красивый сад. В то время как он ругается и при малейшем поводе становится груб и нагл, она по отношению ко всем любезна и предупредительна. А когда Петр по уходе гольштинского полка устраивает всевозможны празднества, на которые приглашает разных артисток – танцовщиц, Екатерина остается в своих покоях и обнаруживает неудовольствие.

Это, в сущности, противоречит ее общительной, веселой натуре и ее демократическим воззрениям, но так как на устраиваемых Петром празднествах вино льется рекой и именно ввиду ее отсутствия разгул принимает гомерический характер, то ее уклонение от участия в них производит самое благоприятное впечатление. Она обладает талантом находить те простые жесты, совершать те простые действия, под влиянием которых в душах простых людей создается особенно симпатичное представление о ее личности.

Этот талант она разделяет со всеми народными любимцами, как коронованными, так и революционными. Здесь не обходится без известной примеси комедиантства, но комедиантства бессознательного, являющегося естественной чертой ее характера. Образ мирной добродетельной великой княгини, сажающей цветы и деревья, в то время как ее супруг насмехается над русской армией и напивается с женщинами сомнительного поведения, – это гениальное изобретение Екатерины, окончательно отрекшейся от своего неспособного и глупого мужа. Но в этом изобретении немало истинного проникновенного понимания народной души, столь недостающего Петру.

Последнее время Екатерина тщательно соблюдает все догматы и обряды православной церкви. Петр, чувствующий себя немцем и лютеранином, насмехается над этими догматами, не выполняет предписанных православием обрядов и даже нарушает своими громкими разговорами и смехом богослужение. Прежде

Екатерина обнаруживала чисто механическую религиозность, основы которой были впоследствии подорваны чтением произведений французских мыслителей; теперешнее же ее поведение – в этом нужно сознаться – обусловлено исключительно желанием произвести впечатление: оно должно добавить в глазах народа к ее симпатичному образу новые популярные черты.

Тот, кто считает, что с религиозной точки зрения вольтерианке Екатерине может быть сделан упрек за это ее поведение, вполне прав. Он не должен только забывать, что религией всех крупных властных личностей является, в сущности, оппортунизм. В восемнадцатом веке никто лучше Вольтера этого не понимал.

* * *

Первый, кто понимает, одобряет Екатерину в начатой борьбе за власть, это ее прежний смертельный враг Бестужев. Два вопроса не дают покоя этому трезвому политику: как ему противостоять при жизни Елизаветы ежедневно растущему враждебному влиянию Шуваловых и как справиться после смерти Елизаветы с Петром, этой "обезьяной Фридриха".

В раскрывающемся перед ним море неопределенности ему необходим островок, к которому он мог бы причалить в случае бури. Таким островком может послужить только Екатерина. Он хочет укрепить ее, чтобы она могла впоследствии послужить ему опорой. Он начинает воспитывать ее для предстоящей роли царицы и вместе с тем хочет, чтобы будущая царица чувствовала себя обязанной. Он сам уже старик и понимает, что не может сделать Екатерину невосприимчивой к влиянию пламенных юных глаз, но он может сыграть случаю в руку, может свести эту одинокую, страстную и неудовлетворенную молодую женщину с каким-нибудь мужчиной, который отвечал бы и ее, и его, Бестужева, требованиям. Таким мужчиной являлся, по его мнению, балтийский граф Лендорф, красавец собой и преданный ему всей душой.

В день Петра и Павла Бестужев везет своего юного протеже в Ораниенбаум, чтобы представить его великой княгине. Императрица повелела двору отпраздновать этот большой праздник в Ораниенбауме, а сама с маленьким Павлом осталась в Петергофе. Екатерина не имеет, таким образом, возможности провести первые именины своего сына в его обществе, она должна в качестве хозяйки и представительницы двора принимать

прибывающих в огромном количестве гостей – сливки аристократии и генералитета. Она и не подозревает того, что этот день должен оказаться роковым для ее сердца.

Юный польский граф – типичный образчик "благородного путешественника". Его отец и семья его матери – Черторийские – принадлежат в Польше к так называемой русской партии, которая находится в оппозиции к ныне там правящему после избрания королю Августу Саксонскому. Станислав воспитывался во Франции, и теперь его родители послали в Петербург к тамошнему английскому послу с той целью, чтобы он занялся пропагандой в пользу Польши и вместе с тем постепенно делал политическую карьеру. У Понятовского миловидное лицо славянского типа, синие выразительные глаза, худощавая элегантная фигура, полная несколько женственной грации, и туго набитый бумажник. Его до сих пор в России везде отлично принимали.

Возвращаясь ночью из Ораниенбаума в столицу, Понятовский втягивает без труда своего друга, английского посла, в продолжительную беседу об Екатерине. Сэр Чарльз Генбюри Вильяме не менее восторженно отзывается о великой княгине, которая была за ужином его дамой, чем его юный собеседник.

Молодой поляк относится с известной опаской к представляющейся ему возможности завязать роман с Екатериной. Он слышал, что представительницы русского Царствующего дома весьма сурово расправляются со своими опостылевшими им возлюбленными. То, что подзадоривало Салтыкова, – опасность – действует на него ВДлаждающе. Он охотно бежал бы от собственной страсти, но когда он видит Екатерину, "ее черные волосы, ее ослепительно белую кожу, ее длинные темные ресницы, ее греческий нос, ее рот, манящий к поцелуям, ее руки совершенной формы, ее легкую и вместе с тем исполненнную величавости поступь", когда он слышит ее чарующий смех, столь же веселый, как ее настроение, то забывает о том, "что существует Сибирь". Да уже и поздно бежать. Внимательные зоркие наблюдатели уже кое-что подметили и стараются в собственных интересах раздуть загоревшуюся в сердцах Екатерины и Понятовского искру чувства. Робкого вздыхателя, который вследствие своей сдержанности только выигрывает в глазах Екатерины, со всех сторон подбадривают, подталкивают, соблазняют, уговаривают, и в конце концов он, спотыкаясь, взбирается по той же потайной лестнице, которой пользовался в свое время Салтыков.

Понятовский не так красив, как его предшественник, но обладает многими другими преимуществами, имеющими в

настоящий момент решающее значение: он обладает всем тем, что необходимо для утешения оскорбленной и разочарованной женщины. Любовь его искренна, глубока и нежна, она относится не к великой княгине и не только к красивой молодой женщине, но к духовной личности Екатерины, до которой он, правда, не дорос, но которую умеет оценить и понять. Он предан, внимателен, корректен, ведет себя как рыцарь и очень сентиментален. Только с ним познает Екатерина впервые полное счастье любви, испивает чашу этого счастья до дна. Оно ее опьяняет, окрыляет, развязывает все неукротимые силы ее жизнерадостной натуры.

– Я самая храбрая женщина на свете, – говорит она её триумфом, – я смела до безумия, коли на то пошло…

Это не хвастовство, это правда. Будущее стократно подтвердит справедливость этого, кажущегося вызывающим, восклицания. До сих пор ей приходилось доказывать свое мужество только на спине бешено мчащегося коня. Теперь, когда пламенная любовь человека, достойного ее чувства, ежедневно укрепляет и подзадоривает ее подвергавшееся доселе стольким оскорблениям сознание собственного достоинства, ее радостно-возбужденные силы ищут применения. Она не довольствуется тем, что ее возлюбленный имеет возможность благодаря содействию подкупленного слуги приходить к ней: она сама, переодевшись в мужской костюм, покидает по ночам дворец, проходит мимо покоев своего пьянствующего супруга, мимо сторожевых постов и появляется у Нарышкиных, где проводит в кругу интимнейших друзей самые веселые часы своей жизни. Иногда она не может найти коляски, которая бы отвезла ее домой, и в таком случае идет в предрассветных сумерках пешком через весь город.

У нее есть теперь два могущественных союзника – Бестужев и Вильяме. Так как Лендорф не понравился Екатерине, Бестужев готов протежировать Понятовскому. Он, правда, предпочел бы балтийца, потому что тот довольно бесцветный молодой человек, тогда как Понятовский, не имеющий никакой официальной миссии, преследует все же какие-то таинственные интересы и задачи. Но Бестужеву приходится с этим примириться, так как у него нет другого выбора. Власть, правда, еще в его руках, но эта власть напоминает гнилой орех: снаружи неприкосновенная, но внутри изъедена червями. Елизавета оставляет своего канцлера на его посту, но он не пользуется больше ее милостью. Он часто по месяцам не видит ее.

Елизавета почти совершенно не интересуется больше делами государственного управления. Чаще, чем прежде, сменяются у нее

кутежи и излишества припадками сугубой религиозности, причем и то и другое принимает какой-то болезненный характер. Иногда она напивается до совершенного бесчувствия. Ее камеристки не могут ее даже раздеть и вынуждены разрезать облегающие ее тело пышные парчовые платья, чтобы уложить царицу в постель. Иногда она проводит целые дни коленопреклоненно перед иконой, говорит с нею громким голосом и утверждает, что получает от нее советы.

Но большую часть времени она затрачивает на бесполезные попытки восстановить свою былую красоту. Десятки людей заняты тем, что изготавливают по всевозможным рецептам разные воды и помады, применяют всевозможные восточные и французские методы, чтобы стереть с ее лица следы болезни, излишеств, алкоголя и старости. Ее туалет продолжается часами, и на официальных приемах она появляется сплошь да рядом только после полуночи. Иногда она три раза меняет прическу, прежде чем показаться на людях. Она слишком устала, слишком занята самой собой, чтобы защищать Бестужева от нападок Шуваловых или сместить его в интересах Шуваловых с занимаемого им поста.

Однажды Бестужев посылает Екатерине через Понятовского проект указа, имеющего быть изданным после смерти Елизаветы и которым Екатерина назначается соправительницей своего супруга.

Соправительницей? И Екатерина и Бестужев отлично понимают, что это означает. Они понимают, что Екатерина стала бы управлять Россией так же, как она теперь управляет Гольштинией, то есть совершенно самостоятельно. Этот план не заключает в себе, собственного говоря, ничего неожиданного, он, так сказать, носится в воздухе, удивительна лишь таинственность, которой он обставляется.

Эта таинственность характерна для поколебленного положения Бестужева. Несколько лет тому назад он переговорил бы с самой Елизаветой и урегулировал бы сообща с ней вопрос о престолонаследии. Теперь канцлеру приходится вести себя как заговорщику, когда он заботится о будущих интересах России. Впрочем, за русскими интересами он не забывает и своих личных: в проекте указа предусмотрено, что Бестужев будет стоять во главе трех коллегий.

Второй союзник Екатерины, Вильяме, сам одно время мечтавший завести с нею роман, был сначала несколько разочарован тем, что ему предпочтен его юный протеже, но затем быстро примирился с ролью отечески покровительствующего друга. Хоть возлюбленным Екатерины и стал другой, Вильяме все

же именно благодаря этому возлюбленному, который живет с ним в одном доме и которого он называет не иначе как "мой дорогой сын", получает огромное влияние на великую княгиню.

Усилению его влияния способствует еще и другое обстоятельство: Екатерина уже годами находится в чрезвычайно стесненном материальном положении. К тем долгам матери, которые она взяла когда-то на себя, присоединились еще новые личные долги, что не удивительно, если принять во внимание, что, получая в год тридцать тысяч рублей на карманные расходы, она проигрывает в среднем в год не меньше восемнадцати тысяч в карты.

Она безудержная расточительница и остается такою до последних дней своей жизни, хотя отличается наряду с этим склонностью к порядку и для себя лично предпочитает скромные развлечения дорогим экстравагантностям. Но она утрачивает всякую меру и забывает про все в тех случаях, когда думает, что посредством денег или подарков может приобрести чьи-то симпатии. При этом она руководствуется чаще всего не соображениями сухого расчета или желанием подкупить, а просто ее темперамент требует, чтобы ее окружали радостные, хорошо относящиеся к ней лица.

Вследствие этого Екатерина сама становится объектом подкупа: Вильяме открывает ей кредит у английского консула, банкира барона Вольфа, и она на протяжении одного только года черпает из этого источника около ста тысяч рублей.

Подкупность Екатерины только последствие общей подкупности русского двора: она позволяет подкупать себя для того, чтобы иметь возможность подкупать других. Подкупны все, от последнего лакея до самой императрицы. В августе Вильяме доносит своему королю, что Елизавета начала постройку двух новых дворцов и что ей необходимы деньги для завершения этой постройки. Заключенный между Англией и Россией договор взаимопомощи обеспечивает России ежегодную ренту в размере пятидесяти тысяч фунтов, но Вильяме полагает, что дополнительная ссуда в пользу личной казны Елизаветы была бы чрезвычайно полезна в интересах Англии. "Одним словом, все то, что было дано до сих пор, предназначается на покупку русской армии, а все, что будет дано дополнительно, должно иметь целью купить императрицу".

Дополнительная ссуда ассигнуется. Тридцатого сентября Вильяме доносит с торжеством в Лондон, что договор о взаимопомощи возобновлен.

Он торжествует несколько преждевременно. Вместо ожидаемой похвалы он получает из Лондона резкий упрек за то,

что подписи русских министров на договоре находятся впереди его подписи. Это дело можно исправить, русская канцелярия не встречает препятствий к тому, чтобы изготовить новую копию договора, в котором подпись Вильямса будет на том месте, которого желает король Георг. Но курьер, которому вручается эта копия, задержан в пути неблагоприятными ветрами, и к тому моменту, когда в Петербурге получают наконец подписанный английским кабинетом текст договора, ситуация радикально изменилась: 5 января 1756 г. Фридрих Прусский уже заключил с английским королем Вестминстерский договор.

Это тяжкий удар для Вильямса. Но со слепым фанатизмом, которым редко отличаются английские дипломаты, он все же надеется, несмотря на изменившуюся ситуацию, убедить Россию выступить против Франции или хотя бы соблюдать полный нейтралитет, чтобы Пруссия могла развернуть против Франции все свои силы. До сих пор на его обязанности лежало действовать против Фридриха, а теперь он должен заботиться об интересах нового союзника Англии. Эту новую задачу следовало бы возложить на нового человека, но Вильяме полагает (и умудряется убедить в этом свое правительство), что и для этой новой игры у него есть в руках козыри: Екатерина, а через нее Бестужев.

Он до того уверен в себе, что кружным путем через Лондон вступает в сношения с Фридрихом, принимает от него поручения и доставляет ему сведения, которые способны усилить надежды прусского короля на нейтралитет России. Даже в тот момент, когда Россия начинает готовиться к войне с Пруссией и главнокомандующий граф Апраксин уже собирается выехать в армию, Вильяме все еще продолжает верить в какие-то новые фантастические возможности.

Он и сам заблуждается и вводит в заблуждение как свое собственное правительство, так и правительство Пруссии. Он верит в то, что Екатерина у него в руках и переоценивает ее могущество, убеждает своих доверителей в том, будто она хочет и в состоянии удержать Апраксина в России или даже побудить и его стать предателем. Он сообщает Фридриху точные (как впоследствии выясняется – фальшивые) данные о русском плане военных действий, якобы полученные им от Екатерины, которая, в свою очередь, узнала о них из уст Апраксина. Он даже получает от английского посланника в Берлине Митчела поручение подкупить Апраксина при помощи Екатерины!

Политическая точка зрения Екатерины весьма проста, но ее положение очень запутанно. Ее взгляды вполне совпадают с взглядами Бестужева: подобно ему, и она видит в Пруссии

естественного врага России, подобно ему, она, несмотря на наличность Вестминстерского договора, стоит за абсолютный нейтралитет по отношению к Англии, подобно ему, опасается появления английской эскадры в Балтийском море.

С Апраксиным Екатерина и впрямь в большой дружбе и придает этой дружбе огромное значение. Апраксин действительно часто посещал великую княгиню до своего отъезда на фронт и говорил ей при этих встречах о том, что с открытием военных действий лучше бы обождать до весны, так как русские войска плохо снаряжены для зимнего похода против Пруссии. Но подобные разговоры Апраксин вел и с императрицей, и с Бестужевым, и с членами конференции и коллегий. Возможно, что Екатерина передавала содержание своих бесед с Апраксиным Вильямсу, не подозревая о том, что перед нею не только официальный посол Англии, но и тайный посол Пруссии. Но Вильяме мог получить свои сведения и из других источников и только пытаться придать им больший вес ссылкой на то, что раздобыл их у Екатерины.

Но хотя в ту пору никто в России еще и представления не имел о тех сведениях, которые получает Фридрих якобы от ближайшего окружения великой княгини, ее положение все же дает достаточно оснований к кривотолкам: она брала деньги от Вильямса, она любит его друга и протеже Понятовского. Подобные вещи не могут оставаться долго тайной. В донесениях французского посла давно упоминается о действии английского золота.

Понятовский, правда, настолько же скрытен, насколько Салтыков был нескромен, но какая от этого польза? Понятовский, хоть он и всецело поглощен своей страстью, все же политик. Он ненавидит польского короля, интригует против него, издевается над ним, где только к тому представляется возможность. Так как Август находится в состоянии войны с Фридрихом, то выпады против него со стороны Понятовского производят впечатление демонстрации симпатии к Фридриху.

В таком смысле они воспринимаются в первую очередь Петром, который за это начинает любить Понятовского.

Но не только Петр видит в Понятовском замаскированного врага "благого дела" (так именуется союз против Пруссии), на то же жалуется Дуглас в Париже, пишет аббат Берни из Парижа в Варшаву. Саксонско-польский двор просит в конце концов русский двор отослать не внушающего доверия и беспокойного молодого человека.

Елизавета охотно и быстро откомандировывает Понятовского. "Удар нанесен", – торжествует французская партия при русском

дворе в день отъезда Понятовского.

Но Екатерина теперь уже не та, какою была два года тому назад. Она не так легко позволяет отобрать у нее Понятовского, как это было с Салтыковым. Впервые дает она почувствовать Бестужеву власть будущей императрицы, которой он в собственном интересе хочет ее сделать. Она требует от него, чтобы он побудил саксонский кабинет командировать Понятовского обратно в Петербург и назначить его там официальным посланником.

Бестужев делает это чрезвычайно неохотно, но у него нет выбора. Он дает понять графу Брюлю в Варшаве, что в настоящий момент было бы крупной ошибкой раздосадовать великокняжеский двор отказом в исполнении его просьбы. Три месяца борется Брюль с Бестужевым, борются кабинеты всех союзных держав с желанием влюбленной Екатерины – затем Понятовский возвращается в Петербург с портфелем посланника под мышкой и с орденом Белого Орла на груди.

В августе 1757 году русская армия выступает наконец в поход. Вскоре после этого она занимает крепость Мемель, не встретив особенного сопротивления, а 17 августа одерживает победу в сражении под Грос-Иегерндорфом. В Петербурге, в Вене и в Версале ликование. Все уже видят русские войска занявшими всю восточную Пруссию и приближающимися к силезской границе для соединения с войсками Марии-Терезии, видят прусского выскочку побежденным и погибшим – как вдруг происходит нечто абсолютно непостижимое: вместо того чтобы использовать свои победы и двинуться с возможной быстротой вперед, Апраксин сначала топчется две недели на одном месте, а потом быстрыми переходами, скорее напоминающими бегство, чем тактическое отступление, уводит армию обратно к Мемелю, сжигая за собой деревни, уничтожая свою поклажу и порох, заклепывая пушки.

Что же случилось? 27 августа в Петербурге заседал военный совет, вынесший решение об отступлении Апраксина, ввиду того что снабжение русской армии при ее дальнейшем продвижении вперед невозможно и армия обречена на голодную смерть. Сжигать же за собой деревни Апраксин вынужден был потому, что враг двигался за ним по пятам и хотел заставить его принять бой. Обо всем этом в Вене и Париже было известно очень мало. Елизавета 8 сентября при выходе из церкви упала в обморок, ей пришлось пустить кровь на площади в присутствии многочисленной толпы сошедшегося из окрестных деревень народа, и она на несколько дней потеряла способность речи.

Связь между тяжелым припадком императрицы и

отступлением Апраксина кажется очевидной. За границей известно, что Петр определенно друг Фридриха и что Екатерина находится под влиянием Вильямса. Там предполагалось, что Апраксину дано было знать о близящейся смерти Елизаветы и что он поспешил обратно к другой границе, чтобы подчиниться политике Петра или – и это представляется еще более правдоподобным – чтобы поставить своих солдат в распоряжение Екатерины, если они ей понадобятся в ее борьбе за власть.

Екатерина сначала и представления не имеет об этих предположениях. Когда же она узнает об отступлении Апраксина и замечает, какое угнетающее впечатление это на всех производит, она отправляет ему письмо и заклинает его именем Бога продолжать наступление. На это письмо она не получает никакого ответа: в Петербурге принято решение принести Апраксина в жертву недовольству союзников. Его смещают с поста главнокомандующего, арестуют в Риге и против него возбуждается следствие. На его место назначается генерал Фермер.

Второй жертвой является Вильяме. Правда, его связь с Фридрихом не доказана, но она подозревается, и это подозрение подкрепляется фактом его дружбы с Екатериной. В октябре 1757 года Георгу дают знать, что его представитель в России не представляется более желанным и в конце октября Вильяме покидает Петербург, уступая место новому послу, графу Кейту. По прибытии в Лондон Вильяме предъявляет собственноручное письмо Екатерины, в котором значится:

"Я использую всякую возможность, которая тому представится, чтобы побудить Россию к заключению дружеского союза с Англией, в каковом усматриваю истинные интересы моей страны. Я буду неизменно во всех тех случаях, где сочту это необходимым для блага Европы и в особенности России, оказывать Англии преимущество перед нашим общим врагом – Францией, величие которой является позором для России".

Это письмо написано в исполненном сознания своего достоинства тоне повелительницы, имеющей свою собственную политическую программу и нисколько не сомневающейся в том, что недалек тот момент, когда она будет обладать властью, чтобы осуществить свою программу.

Ее сознание своей силы достигло полного развития, и она готова вступать в борьбу с целым светом. Она снова в интересном положении и на этот раз никто решительно не сомневается в том, кто отец ребенка. Не сомневается на этот счет и Петр. Он сам имеет ряд интрижек с певичками, фрейлинами и одну прочную любовную связь с племянницей вице-канцлера Воронцова. К

Понятовскому он относится превосходно и лично имеет беседу с австрийским послом Эстергази, чтобы положить конец постоянным интригам против польского посланника. Но так как он по своей природе чрезвычайно нескромен, а к тому же часто пьян и зол на свою супругу совсем из других соображений, то как-то возглашает за столом перед собравшимися гостями: "Черт его знает, откуда берутся эти беременности моей жены. Я, право, не знаю, взять ли мне на себя ответственность за этого ребенка".

Лев Нарышкин, один из свидетелей этой сцены, озабочен и спешит к Екатерине.

– Вы дурни, – говорит она спокойно, – ступайте сейчас к великому князю и потребуйте, чтобы он присягнул в том, что он не спал со своей женой. Да скажите ему, что если он принесет эту присягу, то вы немедленно отправитесь к Александру Шувалову и сообщите ему об этом.

Вопрос о том, мог ли бы Петр по доброй воле принести эти присягу, – остается открытым. Во всяком случае, он не имеет ни малейшего желания впутываться в неприятности.

– Ступайте ко всем чертям и не говорите со мною больше на эту тему, – заявляет он посланцам Екатерины.

Со стороны Петра ей не угрожает никакая опасность. Но вот французы не перестают настаивать на удалении беспокоящего их польского посланника. Когда Екатерина узнает, что граф Брюль получил предписание отозвать Понятовского, она пишет Бестужеву: "Я знаю, что граф Брюль послушался бы нас даже в том случае, если бы все потребовали от него, чтобы он отказался от хлеба насущного. Если вы только будете действовать так, как я того желаю, то никто не осмелится воспротивиться вашей воле".

Сознание своей силы растет у Екатерины по мере того, как ухудшается здоровье Елизаветы. Она не колеблясь пускает в ход всю свою силу, чтобы сохранить своего возлюбленного и одерживает во второй раз победу. Понятовский остается. Но струна натянута до последних пределов.

В декабре Екатерина разрешается от бремени девочкой. Вторые роды значительно отличаются от первых. Правда, и дочка немедленно по появлении на свет Божий отбирается от матери и уносится к императрице, но на этот раз Екатерина подготовлена к этому, не испытывает почти никакого горя, ее материнское чувство раз навсегда заглушено. Правда, и на этот раз никто не заботится о роженице, двор устраивает без нее роскошные празднества, великий князь напивается без нее со своими собутыльниками, но теперь она сама заботится о своем развлечении, и самый характер этих развлечений свидетельствует о том, что она чувствует себя совершенно уверенной.

Под тем предлогом, будто она мерзнет, она распоряжается, чтобы у ее постели поставили несколько ширм, так что образуется нечто вроде потайного кабинета, из которого имеется выход в переднюю и который может быть по желанию отделен от кровати портьерой. В этом кабинете стоят несколько стульев и столиков, а также удобная кушетка, и когда отделяющая его от постели портьера отдергивается, то роженица оказывается окруженной веселым обществом гостей, вошедших со стороны передней. Если же портьера опускается, то роженица изолирована. Как-то вечером во время оживленной беседы раздается стук в дверь. Это стучит самый опасный из врагов Екатерины – Александр Шувалов, которого она называет не иначе как великим инквизитором. Все сходит прекрасно: компания за портьерой не издает ни звука, и "великий инквизитор" после продолжительной беседы с Екатериной удаляется в полном убеждении, что она совершенно одна. Удавшаяся шутка приводит всех в восторг, теперь они хотят закусить и выпить. Екатерина звонит прислуге и велит принести ужин, не меньше шести разных блюд, так как она-де умирает с голоду. Ее приказание точно исполняется, и час спустя изумленные лакеи убирают все шесть опустевших блюд.

"Этот вечер был одним из самых веселых в моей жизни", – пишет Екатерина в своих мемуарах.

Она стала капризной и требовательной. Обожание Понятовского, почтительное преклонение Вильямса, готовность к услугам Бестужева бросились ей в голову. Она неосторожна в своих развлечениях и высокомерна по отношению к своим врагам. Она насмехается над Шуваловым, резко обрывает французского посла и даже подчас недостаточно почтительна с Елизаветой. Она чрезвычайно похорошела, хотя ее красота и не так безупречна, как в свое время красота Елизаветы. Но зато она обладает гораздо более блестящим умом, все ее существо пышет весельем и отличается вместе с тем уравновешенностью, а главное – она отличается неподражаемым искусством обращаться с людьми.

Всякий, кто к ней приближается, неминуемо попадает под очарование ее личности. Большинство людей чувствует себя в ее присутствии особенно хорошо, потому что она умеет разговаривать с каждым на интересующие его темы и дает каждому возможность показать себя в выгодном свете. Только среди непосредственно ее окружающих лиц она иногда натыкается на противодействие: ее придворные фрейлины иногда как-то недостаточно почтительны. Они на стороне Петра, который дарит своим вниманием то ту, то другую из них, почему каждая и льстит себя надеждой сыграть в будущем роль маркизы

Помпадур.

Больше всего шансов имеет в этом отношении графиня Воронцова. По отзывам Екатерины, она самая глупая и сама некрасивая женщина при дворе. Немец Шерер, апологет Петра, упоминает, что Воронцова "ругалась, как солдат, косила, дурно пахла и плевалась при разговоре". Стелин упоминает, что она была рябой и отличалась непомерно большим бюстом. Почему-то именно эта женщина пришлась Петру, несомненно отличающемуся каким-то ненормальным предрасположением, особенно по душе.

Екатерина понимает, что Воронцова значительно опаснее других – она племянница могущественного вице-канцлера и ее мечты идут значительно дальше того, чтобы сделаться царской любушкой. В интимном кружке Петра часто идут разговоры о необходимости "раздавить голову гадюки". В столь непосредственном соседстве с русским троном можно опасаться всяких насильственных актов. Екатерине известно, что Воронцова и во сне видит, как бы стать законной супругой Петра и российской императрицей: уже сейчас ясно, что после смерти Елизаветы враждебные отношения великокняжеской четы должны будут вылиться в острую форму.

В ноябре с Елизаветой приключается новый припадок. Пустота вокруг нее постепенно становится все больше. Не раз случается, что она желает переговорить с тем или иным вельможей и узнает, что данное лицо находится у великого князя или великой княгини. Каждый из них имеет свой клан, своих приверженцев как в России, так и за границей. Партия Екатерины при дворе слабее партии Петра – почти единственной ее опорой является Бестужев.

Тем не менее она не боится смерти Елизаветы: она знает, а еще более того чувствует всеми нервами, что позади своекорыстных участников обоих лагерей, позади стен дворца стоит темная, таинственная, исполинская сила – народ. И она знает, ощущает, что эта темная таинственная сила на ее стороне. Это-то и делает ее такой самоуверенной. Она не переоценивает своей силы и не недооценивает сил своих противников, она недооценивает только жизненные силы, таящиеся в больном теле Елизаветы. Императрице суждено прожить еще несколько лет, а Екатерине суждены еще тяжкие испытания до той поры, когда ее воспитание окажется завершенным и для нее пробьет решительный час.

Демонстративное восхищение Петра Фридрихом Прусским не беспокоит даже австрийского посла графа Эстер-гази, но тихие симпатии Екатерины к Англии не перестают тревожить

французскую дипломатию. Все иностранные дворы убеждены в том, что как Екатерина, так и Петр могут быть подкуплены, и никто не находит в этом ничего предосудительного.

Мария-Терезия заключает с Петром как владетельным герцогом Гольштинским договор, согласно которому он получает сто тысяч гульденов и за это предоставляет в ее распоряжение свои гольштинские войска. Никто не сомневается в том, что эти вымуштрованные на прусский лад, носящие прусские мундиры и чувствующие по-прусски гольштинские войска окажутся в войне с Пруссией совершенно непригодными, но Мария-Терезия думает, что она подкупила жадного до денег Петра и сможет рассчитывать на его благодарную лояльность в случае его вступления на престол.

С Екатериной дело обстоит сложнее. Несмотря на отъезд Вильямса, подозрения насчет того, что в карманы Екатерины какими-то подземными каналами текут английские деньги, не утихают. Так как Франция в то время слишком бедна, чтобы прибегнуть к контрподкупу, то там помышляют о других путях, которыми можно было бы внушить русской великой княгине "соответствующие чувства".

Французы знают, что Екатерина переписывается со своей матерью, и так как они имеют столь же неверное представление о личности Иоганны-Елизаветы, как о ее влиянии на Екатерину, то в один прекрасный день на французского офицера маркиза де Френь возлагается щекотливое поручение навестить княгиню Цербстскую и побудить ее пустить в ход все свое материнское влияние для достижения "благой цели". Так как Цербстское княжество соблюдает нейтралитет, то маркизу, переодевшемуся в штатское платье, удается попасть через Гамбург в старый дворец, где его превосходно принимают.

С тех пор как услужливость княгини по отношению к Фридриху II принесла ей мало благодарности и почестей, но зато доставила много неприятностей, ее восхищение прусским королем в значительной мере охладело. Теперь она уже всецело мать российской великой княгини, получает от русской императрицы щедрую пенсию, а Франция союзная с Россией держава. Кроме того, де Френь приятный собеседник, а жизнь в Цербсте скучнее, чем была когда-либо. Иоганна-Елизавета радуется, что в Париже и Версале строят политические планы в расчете на ее персону. С той порывистостью, которая была ей всегда присуща в тех случаях, когда ей предоставлялась возможность сыграть политическую роль, она садится за стол и пишет обстоятельное письмо дочери, которое, однако, никогда не попадет в руки Екатерины, а попало, весьма вероятно, в руки

Фридриха. Во всяком случае, Фридрих каким-то путем узнает о присутствии в Цербсте французского офицера и отдает приказ о немедленном аресте подозрительного иностранца.

Де Френь проводит целых пять лет в тюремном заключении, и только в 1763 г. Екатерине, к тому времени уже императрице, удается добиться его освобождения.

На княжество Цербстское налагается пеня в сто тысяч дукатов за то, что оно, вопреки своему нейтралитету, скрывало французского офицера.

Ввиду неудачи попытки воздействовать на Екатерину через ее мать французская партия при русском дворе придумывает гораздо более действенное средство, чтобы отделаться от нежелательной политики Екатерины.

Начинается с того, что французский посол л'Опиталь объявляет вице-канцлеру Воронцову, что получил от своего правительства инструкцию вести отныне переговоры исключительно с канцлером Бестужевым как единственном полномочным представителем российского правительства. Тщеславие Воронцова до крайности задето, а ненависть к Бестужеву доведена до степени белого каления.

Шуваловы заодно с л'Опиталем. Дело идет о том, чтобы пробудить императрицу от летаргического сна и побудить ее принять решительные меры против Бестужева. Елизавете начинают доказывать со всех сторон, что как в Версале, так и в Вене известно, что Бестужев подкуплен английским королем, называют даже точную цифру: двенадцать тысяч дукатов в год. Ей говорят, что Бестужев доставлял Апраксину письма Екатерины, называют даже людей, якобы видевших эти письма.

Чувство чести императрицы, которая истощила свою казну и пожертвовала своими солдатами для того, чтобы выполнить союзнические обязательства, чрезвычайно задето при мысли о том, что ее союзники чувствуют себя обиженными вследствие продажности ее генералов и министров и в результате изменнических махинаций великокняжеского двора. Александр Шувалов командируется в Нарву для личного допроса Апраксина. Апраксин клянется, что Екатерина никогда не пыталась склонить его к каким-нибудь поступкам, идущим вразрез с волей императрицы, но должен признать, что получал от нее письма и выдает эти письма. Они вполне безобидного содержания, но так или иначе, а великая княгиня, которой строжайше воспрещено вести какую бы то ни было политическую корреспонденцию, нарушила этот запрет, и Бестужев ей в том содействовал. Если нашлись два письма невинного содержания, то разве не могли быть написаны еще и другие, более опасные, которые уничтожены

или спрятаны? И почему Екатерина вообще вмешивается не в свои дела?

Подозрительность старой самодержицы возбуждена, и ей не дают улечься. Разве великокняжеский двор не поступает уже давно только так, как ему хочется, разве он не издевается над всеми приказами императрицы? Разве Понятовский не остается в Петербурге вопреки ясно выраженному пожеланию Елизаветы, только потому, что этого хочет Екатерина, которой Бестужев подчиняется охотнее, чем своей государыне? Разве Гольштинский министр Штамке не получил польского ордена Белого Орла без согласия Елизаветы, но по желанию Петра и при содействии Бестужева? Разве все не толпятся при великокняжеском дворе, не курят фимиама будущим повелителям и не пренебрегают ее величеством?

Пока все это носит характер интриги против Бестужева, смешанной с поклепами на великокняжеский двор. Но в один прекрасный день является к Елизавете Петр, просит у нее прощения за свое дурное поведение и утверждает, что его советчиком был Бестужев. Теперь дело принимает другой оборот: Петр втянут в заговор, острие которого только косвенно направлено против канцлера.

Истинной целью является Екатерина. Все ее враги объединились, чтобы предупредить борьбу между обоими супругами, чтобы поскорее, пока еще не слишком поздно, пока Елизавета еще жива и Екатерина лишена возможности апеллировать к симпатиям общества, наложить на нее клеймо предательницы и устранить ее навсегда из политической жизни. Елизавету убеждают, что ей достаточно арестовать Бестужева и произвести обыск в его бумагах, чтобы найти документы, которые докажут наличность сговора между ним и Екатериной и по вопросу о престоле-наследовании.

При таком дворе, где столько же шпионов, сколько персон в наличном составе, ничто не остается тайной. Подобно тому, как враги Бестужева пронюхали об его планах на будущее, так и он получил сведения о направленной против него интриге. Он притворяется больным, принимает посетителей в халате и небритым, корчит гримасы, словно от сильной боли, и когда получает приглашение пожаловать 8 января на конференцию, отговаривается нездоровьем. Но Елизавета воспринимает это как простое неповиновение, приказывает ему непременно явиться и при самом входе в зал конференции его арестовывают.

Это происходит в Зимнем дворце в позднее послеобеденное время. Хотя Екатерина и живет в том же дворце, она еще вечером не знает ничего об аресте Бестужева. Только на следующее утро, в

то время как она совершает свой туалет, Владислава передает записку от Понятовского. "Бестужев вчера арестован и лишен всех должностей и званий. Ваш ювелир Бернарди, Елагин и Адауров также арестованы".

Это страшная новость. Чем дольше Екатерина размышляет и обдумывает возможные последствия, тем беспросветнее и ужаснее кажется ей ее положение. Сам по себе арест Бестужева означает победу ее врагов, а то, что им не хватает до полного торжества, они могут теперь спокойно разыскать. Мигающие глазки Шувалова конечно же найдут в письменном столе Бестужева все необходимое: все компрометирующие письма, написанные рукой Екатерины, обнаружат ее аргументы в пользу оставления Понятовского в России, ее отношения к Вильямсу, ее взгляды на Елизавету и великого князя и прежде всего проект насчет престолонаследия. Если все это выйдет наружу – а как это может укрыться от великого инквизитора/ – тогда прощай не только мечта о русской короне, но, пожалуй, и свобода, а может быть, даже и жизнь. И в этом ужаснейшем положении у нее нет Бестужева, который мог бы ее поддержать.

В этот момент крайней опасности она обнаруживает все превосходство своего ума и характера. Вечером назначено венчание ее друга Льва Нарышкина. Она наряжается, идет в церковь, на ужин, на бал. Ни одна душа не говорит о происшедших арестах, никто о них как будто не знает, только великий князь вызывающе весел и демонстративно держится подальше от своей супруги: он надеется на ее изгнание и на возможность вступить в брак с Воронцовой. Екатерина с веселым лицом переходит от одного гостя к другому, болтает, смеется, по-видимому, ничего не подозревает. Подле князя Трубецкого, которому вместе с Шуваловым поручено производство дознания по делу Бестужева, она останавливается, громко восхищается красивыми лентами его маршальского жезла и шепотом добавляет:

– Что я слышу? Что это происходит? Чего у вас больше – преступников или преступлений?

Престарелый князь, застигнутый врасплох, бормочет:

– Мы сделали то, что нам было приказано. Бестужев арестован, и теперь мы ищем основания для его ареста.

Екатерина не сомневается, что эти основания будут найдены, но тем не менее остается до конца на балу, и никто не замечает мучительной тревоги, кроющейся за ее светлой улыбкой. Только на следующее утро она получает записочку от Бестужева: "Не беспокойтесь, я улучил время, чтобы сжечь все". Это большое утешение. Самые существенные улики уничтожены, теперь

остается только выжидать, посмотреть, какую выгоду сумеют извлечь ее враги из того, что осталось, – из ее переписки с Апраксиным и ее отношений к Понятовскому.

Вокруг великой княгини становится все более пусто. Никто не смеет навещать ее; те люди, которые еще вчера видели в ней будущую повелительницу, видят в ней сегодня заподозренную, а завтра, может быть, увидят в ней и заклейменную. Сама она не ищет ни с кем встречи из опасения завлечь своих друзей в беду и, возможно, из боязни натолкнуться на обидный отказ.

И при дворе старается она ни к кому не приближаться; да и никто и не ищет ее близости. "Престиж великой княгини значительно понизился", – доносит л'Опиталь в Париж. Аналогичная депеша отправляется французскому резиденту в Гамбург и попадает на глаза княгине Цербстской. Та впервые в жизни пишет дочери действительно сердечное, теплое письмо, заклинает ее униженно пасть к ногам Елизаветы и вымолить ее прощение.

Как раз это письмо не попадает в руки Екатерины. Она, впрочем, и не вняла бы совету матери. Не гордость удерживает ее от того, чтобы просить прощения у Елизаветы, а правильное понимание того, что подобное поведение было бы равнозначно признанию своей вины. Она сделала много такого, что должно было обозлить Елизавету, но не совершила ни одного поступка, который повредил бы интересам России. Ее любовь к России – искренняя, и в этом отношении она не чувствует за собой ни малейшей вины, она твердо убеждена, что Бестужев и она – подлинные патриоты и что, не считая придворной камарильи, весь народ на ее стороне.

У Екатерины есть камердинер по имени Шкурин. Во времена Чоглоковой он оказывал последней шпионские услуги. Екатерина как-то изобличила его и отвесила ему звонкую пощечину. Этот русский метод воздействия возымел чудотворное влияние: с того дня Шкурин ее преданнейший и вернейший слуга… На одного из его друзей возложена охрана Бернарди, а кроме того, он знаком с одним музыкантом, состоящим на службе у Бестужева, которому разрешено посещать дом арестованного канцлера. При помощи Шкурина и его приятелей Екатерина вступает в переписку с арестованными и предупреждает таким образом величайшую опасность: возможность их противоречивых показаний. На глазах у Шкурина она сжигает все свои бумаги, даже свою приходно-расходную книжку и то маленькое сочинение "Портрет пятнадцатилетнего философа", которое написала в свое время по инициативе Гюлленборга.

Вскоре ее положение еще ухудшается: музыкант, о котором

упоминалось выше, арестован и при нем нашли записку Понятовского на имя Бестужева. Записка совершено невинного содержания, но она адресована как-никак государственному преступнику. Министерство категорически требует от польского короля отозвать Понятовского. Екатерина совершенно бессильна. Последний исход – обратиться к Петру с просьбой о его заступничестве – тоже недоступен: Петр с момента ареста Бестужева не говорит ей ни слова, ни заходит к ней в комнату, не обращается к ней ни за какими советами, как это делал бывало. Он немедленно перешел на сторону ее врагов.

Воронцов теперь стал канцлером, он уже предвкушает, как Екатерину отправят в изгнание, а его племянница займет подле Петра место на российском троне. Эта перспектива, правда, не по вкусу Шуваловым, которые не хотят допустить никого до столь привилегированного положения. Шуваловы мечтают выслать после смерти Елизаветы всю великокняжескую семью (в том числе и малолетнего Павла), в Гольштинию, освободив из Шлиссель-буржской крепости Иоанна, возвести его на престол и в качестве его освободителей сделаться хозяевами России. Новые люди, вставшие у власти, согласны друг с другом не во всех деталях, но в одном пункте между ними разногласий не имеется: роль Екатерины кончена. Все скрывавшие доселе перед нею свои враждебные замыслы теперь открыто выказывают ей свое презрение.

28 февраля Понятовский просит Екатерину приехать в придворный театр. Он не только сам желает повидать еще раз свою возлюбленную хоть издали, но хочет, чтобы и другие ее видели и чтобы слухи о том, что она в опале или сослана, умолкли. Она заказывает на вечер коляску. Вскоре появляется Александр Шувалов и сообщает, что ее намерение отправиться в театр не нравится великому князю. Она понимает причину: если она поедет в театр, то ее должны будут сопровождать фрейлины, и Петр потеряет, таким образом, возможность поужинать с Воронцовой.

В последнее время, когда она не показывалась в свете, она охотно предоставляла Петру эту возможность, но сегодня ей необходимо во что бы то ни стало быть в театре. Она настаивает на своем, а Петр на своем. Он даже прибегает в ее комнату, устраивает ей сцену, они говорят резкости, но ни один не может переубедить другого. Перед самым началом представления Екатерина справляется у Шувалова, поданы ли лошади. Тот докладывает, что великий князь запретил предоставлять в ее распоряжение коляску. Она глубоко обижена, но в глубине души даже довольна случаю излить накопившееся за несколько недель

озлобление.

– В таком случае я отправлюсь пешком, – говорит она, – а если моим фрейлинам и кавалерам запретят меня сопровождать, то отправлюсь одна. А кроме того, я немедленно обращусь с письменной жалобой к императрице.

Шувалов нервно мигает глазами, как обычно, и спрашивает:

– Что вы изволите написать ее величеству?

– Я напишу ей, как со мною обращаются. Я напишу ей, что вы содействуете встречам великого князя с моими фрейлинами и с этой целью хотите помешать мне отправиться в театр, где я могла бы иметь счастье видеть ее величество. Кроме того, я попрошу императрицу отослать меня к моей матери. Мне надоело сидеть одной и покину той у себя в комнате и повергать в несчастье каждого, кто ко мне приближается. Все это я напишу императрице, и посмотрим, хватит ли у вас мужества не передать ей мое письмо.

Шувалов, подобно большинству людей, видел Екатерину до сих пор только добродушно и кротко настроенной. Ее взрыв гнева производит на него большое впечатление, и он молча удаляется. Екатерина немедленно садится писать письмо императрице на русском языке. Письмо это отнюдь не в том высокомерном тоне, как она пригрозила Шувалову, она, наоборот, старается подыскивать возможно более трогательные и нежные выражения. Она благодарит Елизавету за все оказанные ею благодеяния, скорбит о том, что утратила ее благоволение и просит разрешить ей, ввиду своего расстроенного здоровья, вернуться к матери. Ни одной из тех жалоб, о которых она говорила Шувалову! Но достаточно было одной угрозы.

Когда она посылает за Шуваловым, он появляется с извещением о том, что лошади поданы. Она вручает ему письмо и говорит, что освобождает от исполнения обязанностей всех тех фрейлин, которым не хотят ее сопровождать. Когда она проходит через вестибюль, в котором Петр играет, как обычно, в карты с Шуваловым, последний встает, чего до сих пор никогда не делал. Он отвешивает ей низкий поклон, и Екатерина отвечает низким реверансом. По ее возвращении из театра Шувалов сообщает, что императрица желает лично с ней переговорить.

Это как раз то, чего она добивалась.

Но ей приходится долго дожидаться этого разговора. День за днем, неделя за неделей проходят, а Елизавета не дает о себе знать. Тем временем – и Екатерине это известно – ее недруги стараются изо всех сил раздобыть какую-нибудь явную против нее улику. Бестужева допрашивают ежедневно, все бумаги его перерыты – никакого результата. Он до своего ареста навел

полный порядок, у него не находят ни одной строчки, писанной Екатериной. А из его показаний явствует, что он, несмотря на все, верит в ее, а следовательно – и свое будущее. Он не выдает ее ни словом.

Екатерине неизвестно ничего о результатах дознания. Она знает только, что от мигающих глаз "великого инквизитора" не укроется ни один уголок, ни одна щелка в доме Бестужева. Признаки царской немилости множатся с каждым днем, лица придворных становятся все холоднее. В один прекрасный день арестовывают Владиславу. Когда Шувалов доводит это до сведения Екатерины, она разражается слезами. Своим фрейлинам она говорит – и просит всем это передать, – что если к ней приставят на место Владиславы какую-нибудь неприятную особу, то пусть та заранее знает, что с нею будут обращаться самым дурным образом, пусть даже готовится к побоям. Это все говорится на языке беспомощности, униженности, подавленности: ее стальные нервы действительно подорваны этими неделями выжидания, упорным молчанием Елизаветы, необычайным, дышащим враждебностью одиночеством.

Однажды ночью, между двумя и тремя часами, она зовет камеристку' и умирающим голосом сообщает, что чувствует себя ужасно плохо и просит прислать исповедника. Вместо исповедника появляется сначала Шувалов, а затем два врача, которые щупают пульс, качают головами и предлагают, как обычно, пустить кровь.

– Тело мое не нуждается больше в помощи, – шепчет она, – но душа моя в опасности.

В конце концов ей не могут отказать в духовнике и посылают за ним. Священник не глуп, он быстро соображает в чем дело, он настроен благожелательно, как и все духовенство, и после двухчасовой беседы, на протяжении которой мало говорится о спасении ее души, обещает сейчас же замолвить перед императрицей словечко в пользу ее несчастной племянницы.

Тем временем настало утро, то есть тот момент, когда императрица ложится спать. Священнику приходится подождать, пока ее величество встанет от своего беспокойного сна, чтобы сказать ей, что великая княгиня несомненно помрет с горя и тоски, если государыня не найдет способа ее утешить. Такому призыву Елизавета не в силах противостоять: вечером она велит передать Екатерине, что еще наступающей ночью пригласит ее к себе.

В десять часов вечера Екатерина принаряжается, затем ложится в платье на диван и спит до тех пор, пока не является Шувалов, чтобы отвести ее к императрице. Как это она не

разгуливает беспокойно из угла в угол, не обдумывает всего, что надо будет сказать, о чем ее смогут спросить, не обсуждает своей защитительной речи, не подыскивает эффектных слов? Ее спокойствие после нервного кризиса и перед решительным разговором удивительно. Ее обвинители и судьи волнуются больше, чем она. В то время как она спит, Елизавета делает всевозможные приготовления, расставляет в своей комнате ширмы и прячет за ними Шувалова, велит принести письма Апраксина (единственный обвинительный материал) и кладет их в свой золотой умывальник. Великий князь жаждет давать показания против своей жены, опасается оставить ее с глазу на глаз с Елизаветой, с нетерпением дожидается на пороге своей комнаты ее появления, чтобы войти одновременно с нею к императрице.

Отчего они все боятся этой одинокой, беспомощной Екатерины? Они опасаются того, о чем свидетельствует ее спокойный сон: силы ее личности. Так спят гениальные полководцы накануне решительного сражения, испытанные бретеры накануне дуэли не на жизнь и на смерть.

В половине второго появляется Шувалов и будит спящую. Они идут через ночной дворец – не столь тихий, как обычно в эту пору. Караульные не так безразличны и сонливы, как в другие ночи, в замочные скважины из-за портьер подглядывают любопытные взоры, впиваются в лицо, в поступь великой княгини, шествующей навстречу своей судьбе. Сердце ее теперь бьется тревожно и взволнованно. Но это к лучшему. Она отнюдь не намерена приводить Елизавете холодные аргументы, она не хочет трезвого и бесконечного диспута о правде и справедливости, она хочет растрогать императрицу.

Когда она входит к Елизавете, то застает там Петра. Едва она видит императрицу, как падает к ее ногам и со слезами на глазах умоляет ее еще раз разрешить ей вернуться к себе на родину. Елизавета хочет поднять коленопреклоненную. Ее великий гнев остыл. Как и шесть недель тому назад, мольба Екатерины разрешить ей покинуть навсегда Россию пробуждает в душе императрицы ряд забот, с которыми эта больная женщина не чувствует себя больше в силах справиться.

– Как можете вы желать того, чтоб я вас отослала. Подумайте о том, что у вас есть дети.

– Мои дети в ваших руках, и им не может быть лучше. Я надеюсь, вы их не оставите своим попечением.

– Но какую причину должна я сообщить свету, если отошлю вас?

– Ваше величество просто объяснит, если сочтет это

правильным, чем я вызвала вашу немилость и ненависть великого князя.

Лицо Елизаветы становится все озабоченнее: сказать всему свету то, что она во что бы то ни стало хотела от него скрыть!

– А на какие средства станете вы жить у ваших родственников?

– На те же средства, на которые жила до того, как вы оказали мне великую честь, пригласив меня сюда.

– Ваша матушка покинула свою страну и уехала в Париж.

– Я знаю это. Моя мать была предана интересам России, и это вызвало против нее гнев прусского короля.

Этот аргумент неопровержим. Елизавета снова приглашает Екатерину подняться с колен и задумчиво ходит взад и вперед по комнате. Екатерина уже понимает, что ее не отошлют. Но о чем думает Елизавета, шагая из одного угла огромной комнаты в другой? Внезапно она снова обращается к Екатерине.

– Господь свидетель тому, как много слез я пролила, когда вы заболели по приезде в Россию, и если бы я вас не любила, то не оставила бы вас здесь.

Это не слова, продиктованные гневом, не речь обвинителя. Почему Елизавета вспоминает как раз о тех часах, когда тревожилась за Екатерину, дрожала за ее жизнь? Еще раз, после нескольких лет вражды, в момент, когда над головой Екатерины нависли тучи черных подозрений, изначальная, искренняя и нерушимая любовь к ней Елизаветы прорывается сквозь накопившуюся злобу императрицы против непослушной, сквозь ненависть стареющей женщины к молодой, сквозь те железные кольца, которыми она, как ей кажется, оковала свою душу. Тщетно роется она в своей памяти в поисках тех мрачных возводимых на Екатерину обвинений, которыми ее пичкают окружающие на протяжении месяцев. То, что ей удается извлечь, не может противостоять ясному взору Екатерины.

– Вы необычайно горды. Вы думаете, что нет никого умнее вас.

– Если б я это думала, то настоящее мое положение доказало бы, как жестоко я ошибалась.

Во время этого разговора великий князь перешептывается с Александром Шуваловым. Екатерина прислушивается краем уха к этому шепоту и улавливает слова:

– Она ужасно злая и упрямая.

Екатерина хочет объясниться с Петром в присутствии императрицы. Она оборачивается к нему и говорит:

– Если вы говорите обо мне, то могу заявить с величайшим удовольствием в присутствии ее величества, что я зла по

отношению к тем, кто дает вам дурные советы, и что я стала упрямой с тех пор, как убедилась в том, что мое старание угодить вам вызвало в вас только ненависть ко мне.

Петр обращается к Елизавете:

– Ваше величество, извольте убедиться из ее слов, на сколько она злой человек.

Но Елизавета поглощена собственными мыслями. Какой же это зуб она имела против Екатерины? Почему это все ее друзья советовали ей возможно строже допросить великую княгиню?

– Вы вмешиваетесь в дела, которые вас абсолютно не касаются. Как это вы, к примеру, могли осмелиться отдавать приказания генералу Апраксину?

– Я? Мне никогда и в голову не приходило отдавать ему приказания.

– Как? Вы отрекаетесь от того, что писали ему? Ваши письма лежат здесь, в этом умывальнике. Ведь вам запрещено было писать?

– Это правда, я нарушила запрет, а потому и прошу о прощении. Но так как мои письма здесь, то ваше величество, прочтя их, смогут убедиться, что я никогда никаких приказаний не давала, а только просила об исполнении приказов вашего величества.

– Бестужев утверждает, что было еще много других писем.

– Если Бестужев это утверждает, то он лжет.

– Ладно, если он возводит на вас поклеп, то я велю его пытать.

– Ваше величество вольны поступать так, как вам заблагорассудится. Я могу лишь повторить, что написала только эти два письма.

Силы Елизаветы подходят к концу. У нее нет никаких улик против Екатерины. Ее советники наговорили ей, что Екатерина и Бестужев государственные изменники и что она, в интересах сохранения своего европейского престижа, обязана расследовать это дело во всех мельчайших подробностях. Но это расследование ни к чему не приводит. Екатерина стоит перед нею спокойно, в сознании своей силы и правоты – воплощение образа оскорбленной невинности. А может быть, она все же согрешила, изменила, предала – кто знает? Елизавета слишком утомлена, слишком слаба, она неровня этой здоровой, выспавшейся женщине, этому спокойному ясному уму.

Тем временем взбешенный великий князь огрызается на свою супругу. Он готов перемыть все их семейное грязное белье. Все это не ново для Елизаветы. Она знает, что Екатерина не ангел, но уже примирилась с тем, что великокняжеский двор не рассадник

добродетели. И когда Екатерина спокойно, с чувством меры и достоинства отвечает на все обидные обвинения, Елизавета, которая и сама далеко не ангел, чувствует, что ее невольно тянет к этой с таким достоинством держащей себя женщине, к этому исполненному силы и благородства существу. Голос раздраженного Петра визглив, режет ей уши. Петр дурак – он никогда не понимает, в чем главная суть. Елизавета не так умна, как Екатерина, но обладает здоровым инстинктом и в решительные моменты всегда понимает, где надо поставить точку. Она внезапно подходит совсем близко к Екатерине и шепчет ей:

– Я многое бы еще могла сказать, но я не хочу здесь говорить, чтобы не вызвать еще большего раздора между вами обоими.

Екатерина понимает. В ней тоже рассеивается накопившееся за столько недель чувство горькой обиды, она охотно забывает, что пришла сюда в качестве обвиненной, и она шепчет взволнованным голосом:

– Я тоже не могу теперь высказаться, хотя и ощущаю настоятельное желание излить перед вами свое сердце и раскрыть свою душу.

В глазах обеих женщин искренние слезы. Что в конце концов произошло? От обвинений Воронцовых и Шуваловых ничего как будто не осталось…

На следующий день всякий желающий может услышать из уст Елизаветы, что ее племянник олух, а Екатерина очень умная женщина.

Несколько дней спустя императрица снова приглашает Екатерину к себе, но об этом состоявшемся между ними разговоре сведений не имеется. Мемуары Екатерины обрываются на том моменте, как она вошла в покои Елизаветы, в которых на этот раз уже никто не был спрятан за Фирмами и где вообще не было никого постороннего.

Но сохранилось еще одно письмо, написанное Екатериной Елизавете на другой день после этого разговора, непосредственно перед отъездом в Ораниенбаум: "Когда я вспоминаю о милостивых словах, которые я удостоилась услышать из благословенных уст вашего величества, то на глазах моих выступают слезы радости".

Об отъезде на родину, об изгнании и опале нет больше и речи. В день рождения Екатерины, 21 апреля, императрица просит передать ей, что пила за ее здоровье. Она разрешает Екатерине раз в неделю приезжать в Петергоф навещать детей. Из ее уст не раздается больше ни одного резкого слова по адресу великой княгини. И все же о настоящей дружбе не может быть и

речи.

Под предлогом необходимости проделать курс лечения минеральными водами Екатерина живет в Ораниенбауме очень уединенно, в каком-то отдаленном павильоне. Она не принимает участия в петергофских празднествах, хоть ей и нечего больше опасаться оскорблений. Ее вчерашние враги со всех сторон стараются вновь снискать ее благоволение. Радужные мечты Воронцовой рассеялись, она снова удовлетворяется ролью будущей маркизы Помпадур и жаждет услышать любезное слово из уст великой княгини. Французы напуганы и начинают восстанавливать ущерб, причиненный их неуместными стараниями. Французское и русское правительства принимают решение возместить брату Екатерины, владетельному князю Цербстскому, понесенные им денежные убытки.

Но начатые производством дознания должны быть как-нибудь доведены до конца, хотя уже совершенно ясно, что ни к каким результатам они не приведут. Никто уже, в сущности, и не желает, чтобы они привели к результату. Но раз уж арестовали фельдмаршала и канцлера, то невозможно просто выпустить их, как каких-нибудь бродяг. Судебное следствие по делу Апраксина начинается через год после его ареста. В первый же день с несчастным фельдмаршалом случился удар. Говорят, что это произошло только потому, что он не дослушал до конца фразы судебного следователя:

– Нам не остается в таком случае ничего другого, как…

На этом месте огромный, толстый, апоплексически сложенный Апраксин падает на пол. Он, видимо, опасался, что концом фразы окажутся слова: "подвергнуть вас пытке". В действительности же судебный следователь намерен был закончить свою фразу словами: "…отпустить вас на свободу".

Следствие по делу Бестужева длится целый год и заканчивается признанием его виновным в оскорблении величества. Его лишают званий и должностей и ссылают в одно из его поместий. То обстоятельство, что не решаются конфисковать имущество, доказывает, насколько незначителен был собранный против него обвинительный материал. Так как и он, и Екатерина сожгли все главные документы, то останется навсегда невыясненным, был ли этот приговор слишком суров или слишком мягок.

Остальные арестованные были подвергнуты такому же мягкому наказанию.

* * *

Понятовский, несмотря на то, что официально он отозван, проводит все тревожное для его возлюбленной время в Петербурге, поблизости от нее. Он притворяется больным, проводит целые дни в постели, а по ночам переодевается до неузнаваемости, напяливает на голову белокурый парик и отправляет в Ораниенбаум. Когда караульные его окликают, он отвечает, что идет "музыкант великого князя". Екатерина встречается с ним каждую ночь в отдаленном павильоне.

Давно ли этот юный поляк боялся опасностей и риска, сопряженных с любовью? После трех лет пылкой страсти и пред лицом неизбежной разлуки он решается на самые смелые поступки, чтобы только еще раз повидать свою возлюбленную. Выросло ли его чувство, или Екатерина заразила его своей храбростью, но, во всяком случае, оба они, стоявшие уже раз на краю бездонной пропасти, обнаруживают какое-то невероятное, граничащее с наглостью, мужество.

После того как их любовь взбудоражила всю Европу, привела к падению Бестужева и чуть было не повлекла за собой изгнание Екатерины, случается еще один эпизод, который грозит катастрофой и в конце концов после сравнительно благополучной развязки ускоряет финал Романа.

Однажды ночью, когда Понятовский выходит из павильона для свиданий, его задерживают в темном ораниенбаумском парке трое верховых, хватают, как вора, за шиворот и тащат к великому князю. Петр притворяется, будто думает, что его жизни грозит опасность от этого переодетого незнакомца, а может быть, и впрямь так думает, и Брокдорф громко советует ему не церемониться и тут же убить этого подозрительного типа. Понятовский молчит, как это велят рыцарские традиции польского дворянства. Но именно это-то и выводит Петра из себя. Поведение любовника его супруги ему до того непонятно, что он начинает предполагать, не заговорщик ли этот молчаливый человек. Если бы не настойчивые старания Льва Нарышкина, Понятовский не вышел бы из этой истории живым. В конце концов его передают Александру Шувалову, который считает самым благоразумным отпустить посла польского короля на свободу и не подымать скандала: он уже тоже понял, что с Екатериной лучше жить в мире.

Но окончательно захваченный страстью молодой человек все еще не может решиться уехать. Он старается придумать новый способ, чтобы повидаться со своей возлюбленной, и находит его. Танцуя в Петергофе с Елизаветой Воронцовой, он шепчет ей на ухо: "Вам было бы так легко сделать всех нас счастливыми". Воронцова соображает, что у нее появляется долгожданный

случай сделать неприступную великую княгиню ей обязанной, и в ту же ночь приводит Понятовского к Петру.

– Ну, не величайший ли ты дурень, – восклицает Петр, – отчего ты сразу не доверился мне? Если б я знал в чем дело, ты не имел бы всех этих неприятностей.

Понятовский настолько сообразителен, что не жалуется на перенесенные неприятности, а вместо этого начинает восхищаться превосходной дисциплиной гольштинских солдат, несших караул. Это невероятно льстит тщеславию Петра, его высочество приходит в прекрасное настроение, пара бутылок вина еще больше улучшает его. Петру приходит в голову блестящая мысль: он бежит в комнату Екатерины, будит спящую, заставляет ее наскоро накинуть поверх ночной сорочки пеньюар, не дает ей даже времени надеть чулки и туфли и ведет ее чуть ли не босой к Понятовскому и Воронцовой.

– Вот, – восклицает он, – я думаю, что все будут мною довольны!

Больше всех доволен сам Петр. Это для него полнейший триумф, кульминационный пункт его брачной жизни, исполнение его заветных мечтаний. С самого дня своей свадьбы старался он оскорбить достоинство стоящей несравненно выше его супруги двумя способами: тем, что обманывал ее с другими женщинами, и тем, что не возражал, чтобы она сходилась с другими мужчинами. Наконец-то создалась такая ситуация, при которой он, держа под руку свою метрессу, может с усмешкой взирать на Екатерину и ее любовника.

Он в восторге, и сам создает еще несколько раз подобную ситуацию, приглашая Понятовского в Ораниенбаум, где дожидается его в обществе Екатерины и Воронцовой. Когда после ужина вчетвером он заявляет с улыбкой: "Ну-с, дети, я думаю, что вы в нас больше не нуждаетесь!" – и удаляется с довольным видом об руку со своей любовницей, то отнюдь не чувствует себя рогатым мужем, а наоборот – настоящим, полноценным, превосходящим свою жену мужчиной. Его услужливость совершенно искренна, ее источником является не подозрительная доброта, а откровенное презрение к своему браку. Понятовскому не приходится больше прибегать к белокурому парику, ему нечего больше опасаться караульных Петра.

Но именно эта-то ситуация и представляется Екатерине невыносимой. Она готова на самые отчаянные приключения и эскапады, но ее страшит необходимость находиться в абсолютной зависимости от болтливого великого князя и благоволения его ненавистной подруги. Кроме того, она по натуре не цинична, как Петр, а романтична. То, что доставляет удовольствие и радость

Петру, – низведение любви к забавной любовной интрижке – оскорбляет ее чувство. Она не в состоянии снести, что Петр видит в Понятовском только Воронцову в образе мужчины. Она считает Понятовского своей единственной большой любовью, не знает другой. Такой же любовью любила бы она Петра, если бы тот был достоин этого чувства, или Салтыкова, если бы тот оставался ей верен.

Но прежде всего она не переносит новой дружбы с Петром, этой низменной дружбы на почве обоюдного прелюбодеяния. С присущим ей прозорливым инстинктом она постигает, что это примирение с мужем представляет большую опасность для ее будущности, чем все происки ее врагов. Великая цель, которую она поставила пред собой, не терпит общности между нею и Петром. Хотя Петр изъявляет готовность написать польскому королю и просить оставить Понятовского в Петербурге, Екатерина предпочитает расстаться со своим возлюбленным, убежденная в том, что их чувство переживет хворую императрицу, а после смерти Елизаветы она, Екатерина, будет иметь достаточно власти, чтобы призвать Понятовского в Россию, когда ей это только заблагорассудится.

Ее переписка с Понятовским исполнена нежности, как переписка между невестой и женихом, и вместе с тем уверенной надежды на скорое окончательное соединение.

Глава VIII. Судьба свершается

Приблизительно в это же время – лето 1759 года – воспитание маленького Павла возлагается на новое лицо, графа Никиту Панина.

Когда Елизавете наскучил в свое время ее фаворит Разумовский и она стала присматривать нового любимца, ее взоры упали было на Панина, которому было в ту пору двадцать девять лет. Придворная сплетня гласила, будто Панин даже проник уж было в ванную комнату своей повелительницы, но там как назло задремал и пропустил тот момент, когда Елизавета ожидала его появления. Правда ли это или нет, но факт тот, что Панин упустил случай занять наивысший пост в государстве, и Шуваловы торжествовали. Так как они, однако, опасались, что этому молодому человеку с блестящей внешностью может представиться другой шанс, который он уже надлежащим образом использует, они позаботились о его почетном удалении от двора: он назначается сначала посланником в Копенгаген, а потом в Стокгольм. В обеих этих столицах он поддержал честь России, потому что был настоящим национально настроенным русским человеком с высоким образованием и исполненными благородно-непринужденными манерами. Это был ученик Бестужева.

Теперь Панину сорок два года, он немножко растолстел и стал менее пламенным кавалером, чем когда-то. Шуваловы больше не боятся его и допускают, чтобы он занял пост воспитателя маленького Павла, приводящий его в близкое соприкосновение с Елизаветой. С ее стороны тоже уже нечего опасаться: Елизавета – потухший вулкан.

Панин относится крайне отрицательно к Петру и лелеет план возвести после смерти Елизаветы на трон своего воспитанника Павла. Есть только один человек, с которым он говорит об этом своем плане: это Екатерина. Он ценит ее, потому что ее ценит его друг и учитель Бестужев, и ценит ее тем более, что Бестужев пострадал из-за нее и остался ей верен. Панин отлично разбирается в людях, он знает, что с Екатериной можно безопасно говорить о самых рискованных делах: она сама скрытность. Знает он также, что его план ей не совсем по душе, но все же нравится ей больше, чем воцарение Петра.

– Мне милее быть матерью, чем женой повелителя.

Это правда, но не вся правда: она сама хочет быть повелительницей. Панин не льстец и не лицемер. Екатерине нет надобности заглядывать ему в душу, чтобы понять, что она может рассчитывать на него только до момента свержения Петра. Он

сам ей в этом сознается.

Но уже и это имеет для нее большое значение, большее, чем неуклюжие попытки фаворита Ивана Шувалова сблизиться с ней.

Через год после того, как на Панина возложена роль воспитателя Павла, – летом 1760 года – в Петербург приезжает младшая сестра Елизаветы Воронцовой, "маленькая Екатерина", как ее будут именовать впоследствии в противовес Екатерине Великой. Ей теперь всего восемнадцать лет, но она уже три года замужем за князем Дашковым и мать двоих детей. Она получила в сущности такое же воспитание, как и ее толстая простоватая сестра Елизавета, но уже подростком очень увлекалась чтением и преимущественно чтением серьезных книг – по истории и философии.

Когда она в доме своего дяди Воронцова впервые встретилась с Екатериной – ей было тогда пятнадцать лет, – великая княгиня была изумлена знакомством с такой необычайно образованной русской молодой девушкой и отнеслась чрезвычайно любезно к этому столь развитому подростку, разделявшему ее любовь к Вольтеру и Монтескье. Когда Екатерина любезна, ей невозможно противостоять, и она произвела на молодую девушку неизгладимое впечатление. Ни последующий брак, ни двое детей не могут его ослабить. Дашкова грезит о Екатерине, как влюбленная институтка, но как институтка, обладающая хорошим образованием. Она видит в Екатерине идеал философии французских просветителей.

Как только Дашкова приезжает со своим мужем в Петербург, ее сестра и великий князь стараются завлечь ее в свой кружок. Но молодой женщине кружок этот приходится абсолютно не по вкусу. Екатерина же, посещающая каждое воскресенье своих детей в Петергофе, заезжает всегда на обратном пути к Дашковым и забирает молодую княгиню с собой в Ораниенбаум. Обе женщины, одной из которых несколько больше тридцати, а другой несколько меньше двадцати лет, беседуют часами в тихом парке ораниенбаумского дворца и в уединенных покоях Екатерины. Беседы эти ведутся преимущественно на отвлеченные темы: о практическом применении философии, о правах человека, о гуманности, о демократии.

Дашкова утверждает в своих записках с гордостью и, вероятно, совершенно справедливо, что во всей России вряд ли бы нашлась еще третья женщина, способная принять участие в этих разговорах. Дашкова возвращается после них домой с горящими от возбуждения щеками, она сопоставляет в мыслях Россию великого князя Петра – порабощенное солдатское государство, в котором к русскому кнуту присоединяется еще прусский палач, и

Россию великой княгини Екатерины – идеальное государство Монтескье, конституционную монархию, в которой воля свободного сознательного народа работает в гармонии с волей мудрой доброй императрицы по пользу общего блага.

Молодая женщина горит благородным огнем и проводит бессонные ночи. Ее разгоряченная фантазия рисует ей самые безумные картины. Может быть, ей предопределено судьбой стать спасительницей ее обожаемой подруги, а заодно России и всего человечества? В России происходило уже немало государственных переворотов, но ни одного такого, который был бы настолько в интересах народного блага, патриотизма, наконец, просто добра, как отстранение Петра и воцарение Екатерины. Неужели же только честолюбивые генералы и своекорыстные авантюристы призваны быть инициаторами государственных переворотов? Почему бы хоть раз в истории России во главе революционного движения не стать женщине, притом женщине, душой и телом преданной благому делу?

До тех пор пока Елизавета жива, Дашкова не может дать своей активности полного хода. Но она не остается совершенно бездеятельной. Положение, занимаемое ее мужем, ее сестрой, ее дядей – канцлером Воронцовым, дает ей возможность разговаривать с ответственными представителями власти, и она разговаривает с ними исключительно на темы, имеющие отношение к ее планам на будущее. Она притворяется совершенно неопытным существом (да ей в ее девятнадцать лет и не приходится особенно притворяться), и ее собеседникам даже и в голову не приходит, что этот неоперившийся цыпленок может представлять собою какую-нибудь опасность. Она без всякого труда разузнает, как относится тот или другой сенатор, тот или другой генерал к Петру и к Екатерине. Не возбуждая в них никакого подозрения, она вербует будущих союзников и соображает в своей умной головке, кому из них какая роль сможет быть предоставлена.

С Екатериной она никогда не говорит на эти темы – та бы этого не позволила. В глазах великой княгини Дашкова только очаровательный ребенок, восторженная любовь которого льстит ее самолюбию, а разговор – увлекает. Она узнает, однако, при случае от этого ребенка сведения, представляющие для нее большой интерес. У Екатерины никогда не было настоящей подруги, ее отношения к Дашковой также не носят, в сущности, характера дружбы между двумя женщинами: Дашкова является для нее только чем-то вроде влюбленной гимназистки, которой она разрешает восторгаться собой, не относясь к ее чувству всерьез.

С некоторых пор сердце Екатерины снова занято. Преемником Понятовского стал молодой гвардейский поручик Григорий Орлов. Орловы не знатного рода. Еще дядя Григория был простым солдатом, принимавшим в свое время участие в стрелецком бунте и помилованным Петром Великим за проявленное им необычайное мужество.

В гвардии служат пять братьев Орловых, пять здоровенных красавцев, любимых товарищами и боготворимых подчиненными. Все они отчаянные смельчаки, веселые парни, безудержны в своих страстях, любители выпить, игроки, женолюбы и фаталисты. Они умеют любить без рассудка и спокойно смотреть в глаза смерти, жадны, но не расчетливы, обладают бешеным темпераментом и минимальным образованием. Подобно котам и тиграм, они охотники прогуливаться на краю бездонных пропастей. Женщины любят таких мужчин, но и более слабых представителей своего пола они очаровывают.

Григорий – второй по старшинству из пяти братьев и самый красивый. "Голова ангела на теле атлета". В битве при Цорндорфе он отличился необычайным хладнокровием: будучи четыре раза ранен, он ни на шаг не отступил от своего поста, за что и был произведен в флигель-адъютанты фельдцейхмейстера Петра Шувалова. Вскоре после этого он похитил возлюбленную своего начальника, красавицу княгиню Куракину. Это была, пожалуй, еще более опасная авантюра, чем битва при Цорндорфе. Но счастье не изменило ему и на этот раз: Шувалов скоропостижно умирает.

Это произошло в Кенигсберге, и высшее начальство сочло более целесообразным перевести юного героя в другое место. Его назначают сопровождать в Петербург графа Шверина, взятого в плен в битве при Цорндорфе. Это не слишком тяжелая служба, скорее формальная обязанность: рыцарское отношение к попавшим в плен врагам всегда было одним из достойнейших национальных русских качеств. Графу Шверину не приходилось жаловаться, с ним обращались как со "знатным иностранцем", он жил в роскошном дворце, уходил и приходил когда заблагорассудится и был даже принят при дворе. Здесь он, как пруссак, разумеется, пользовался особыми симпатиями Петра.

Григорий Орлов имел, таким образом, возможность вести и в Петербурге тот же шальной образ жизни и искушать судьбу. Он это делал преимущественно за карточным столом. Он играет, как и его братья, невероятно азартно и совершенно безрассудно: его карманы то набиты золотом, то абсолютно пусты, его партнерами являются то высокопоставленные офицеры, то бродяги в жалких притонах. Когда он в выигрыше, он бросает деньги пригоршнями,

когда он в проигрыше, он делает долги. Его братья поступают точно так же.

Екатерина знакомится с Григорием Орловым как с офицером, сопровождающим графа Шверина. По слухам, она как-то, во время одного из визитов графа в Ораниенбаум, сидела со скучающим видом у окна, и ее взор случайно встретился с пламенным взором прогуливавшегося под окнами Орлова. Мужественная красота молодого офицера произвела на нее неотразимое впечатление, а Орлов не был робким воздыхателем на манер Понятовского и умел использовать представляющиеся ему шансы. В нем было вообще мало схожего с Понятовским, но много общего с Салтыковым и всеми теми мужчинами, которые заменили его впоследствии в сердце и постели Екатерины. Выражаясь банально, это был ее тип.

Не случайно, конечно, все любовники Екатерины, за исключением Понятовского, были люди геркулесова сложения, красивые, крепко сбитые, с широкими плечами и ногами безупречной формы, со страстным темпераментом и не кладезь познаний. Отличительным, бросающимся в глаза качеством всех этих мужчин являлась именно их ярко выраженная мужественность. Трезвая управительница своей славы, она не признает одиночества в постели и избирает себе партнеров, которые удовлетворяют ее исключительно чувственные потребности. Им Екатерина обязана своей репутацией новой Мессалины. Кажущийся контраст между ее духовными и чувственными запросами и склонностями обусловливает грубость и яркость тех красок, которыми размалевана восковая фигура ее посмертной славы в паноптикуме нынешних людей со средним образованием.

Вот уже двести лет этот чудовищный образ распутной царицы щекочет сластолюбивое воображение мещан. Он абсолютно неверен. Екатерина так же нуждалась в любви и нежности, как всякая другая здоровая женщина с совершенно нормальными склонностями. Не любовь к мужской силе, а пронизывающий ее до мозга костей страх мужской слабости является отличительной чертой характера Екатерины. Вся ее юность была омрачена борьбой с хилым, болезненным братом. Ее брак с хилым болезненным мужем являлся повторением, бесконечной модуляцией той же темы.

Все перенесенные ею как женщиной унижения и оскорбления имели своим источником мужскую слабость. Необычайно здоровая, крепкая женская натура может перенести девять лет еженощного презрения, но не может их забыть. Эти ночи оставили неизгладимый след– страх. Опасение того, как бы не

повторились подобные унизительные переживания. Стремление к мужской силе есть только выход из тисков мрачного опыта, подсказанный ей ее абсолютно не истерической натурой. Именно потому, что она преисполнена сентиментальных потребностей, ей приходится прибегать к романтическому разукрашиванию своего инстинктивного чувства полового подбора: она доходит до наивного языески-античного представления о неразрывной связи между телесным и духовным величием, между внешней и внутренней красотой.

С другой стороны, женщина такого положения, как Екатерина, и, главное, обладающая таким умом, возбуждает именно у мужчин, стоящих на высоком уровне духовного развития, известный страх. Она, конечно, вызывает к себе огромный интерес, восхищение, поклонение, дружбу, но вместе с тем и страх, препятствующий развиться любви. В связи с ее необычайно высоким общественным положением этот страх умного мужчины, его опасения насчет возможности соблюсти свое достоинство вдвойне понятны. Понятовский тоже боялся и, вероятно, своевременно сбежал бы, если б Нарышкин в буквальном смысле слова не втолкнул его в комнату Екатерины.

Только мужчины, абсолютно уверенные в своей мощной мужественности и лишенные критерия для расценки других достоинств, умеют видеть женщину в такой женщине. Более того, они видят в ней только и исключительно женщину, почти трогательную, почти смешную женщину, которую даже пурпурная мантия не может уберечь от того, чтобы она не оказалась в решительный момент только похотливой самкой.

Кажущееся противоречие между увлечением Екатерины Вольтером и любовью ее к какому-нибудь Орлову отпадает: здесь вовсе нет противоречия, а есть неизбежная внутренняя связь.

Женщину характеризует не истинный облик ее возлюбленного, а тот облик, который принимает ее любовь. Орлов – ограниченный смельчак, но Екатерина видит в нем "героя прекрасных времен римской республики". Он для нее воплощение естественных функций мужчины: завоеватель и охранитель. Он герой старинной легенды, не знающий, что такое страх. Она ценит его крепкую руку не только за способность обнять ее талию, но и постольку, поскольку рука эта, вместе с руками его братьев, может оказать нужное воздействие на гвардейские полки. Екатерина знает, что могут сделать в России гвардейские полки: они были всегда душой, сердцем и исполнительным комитетом всякой дворцовой революции. Они проложили дорогу к трону и вдове Петра Великого Екатерине I, и Елизавете.

Все время, которое Орлов не с Екатериной, он проводит со

своими товарищами по гвардии. Он пьет с ними, играет с ними в кости и карты и вместе с тем развивает пропаганду в пользу Екатерины. Он рисует ее портрет в самых радужных, а ее положение в самых мрачных красках, он изображает ее пламенной русской патриоткой и несчастной жертвой опрусаченного великого князя. Солдаты охотно слушают его, потому что он говорит с ними на их языке. Братья Григория агитируют в том же смысле среди своих товарищей.

Гвардейцы вообще с большим подозрением относятся к будущему правлению Петра: они знают, что он терпеть не может гвардию, называет их "янычарами", бандой цыган, хозяйничающей в столице, считает их совершенно негодящимися для настоящей военной муштровки. В противоположность ему Екатерина, обожающая все русское, всех русских солдат и в особенности гвардию, является светлым образом, на нее возложат они вскоре все свои надежды на будущее. Мало того, к ней влечет их тот пламенный энтузиазм, который испытывают все подлинные монархисты-солдаты по отношению ко всякому монарху, который хоть немного идет навстречу этой прекрасной ребячески-мужественной потребности экстаза.

Григорий Орлов отнюдь не скромный любовник вроде Понятовского; гвардейцы знают, какую роль он играет при великой княгине и воспринимают это как честь для них, как почет, выпадающий на долю их всех.

Обнимая своего дикого, грубого гвардейца офицера, Екатерина обнимает вместе с ним всю полуварварскую Россию, становится через него любимой госпожой всей русской гвардии, обожаемой матушкой, за которую каждый отдельный солдат готов с восторгом и сражаться, и умереть.

Панин, Дашкова и Орлов мало знают друг о друге. Отношения каждого из них к Екатерине идут своим путем. Каждый из них знает другую Екатерину: Панин – умного политика, Дашкова – философа, Орлов – женщину. Дашкова свалилась бы с седьмого неба, если бы узнала, какая связь существует между ее обожаемым идолом и грубым солдатом; Орлов считал бы беседы обеих женщин безумно скучными и, так как не был бы в состоянии понимать их, абсолютно никчемными. Только Панин, как лично ни в чем не заинтересованный, вероятно, снисходительно улыбался бы по поводу обоих способов времяпрепровождения матери будущего царя.

Панин не единственный человек, желающий изменить порядок престолонаследия в пользу маленького Павла. Даже Елизавете, которая ненавидит своего неудачного племянника и страстно любит мальчика, это было бы желательно. Сидя в своих

покоях, из которых она теперь почти никогда не выходит из-за мучающих ее сердечных и эпилептических припадков и кровотечений, она узнает, что Петр с нетерпением дожидается ее смерти, и знает, что он дерзкой рукой коснется всего, что ей было свято: ее религии, ее друзей, ее союзных отношений. Но она слишком верующий человек, чтобы решиться нарушить свою присягу, и на пороге смерти боится еще больше, чем когда-либо, актов явного произвола. Она хотела бы, чтобы ее принудил к тому какой-нибудь знак свыше, взрыв национальной воли.

Елизавета пытается даже вызвать такой взрыв. Во время одного из коротких интервалов между болезнями она приказывает, чтобы в придворном театре поставили русскую комедию. С изумлением видит собравшаяся в партере в небольшом количестве публика, что впервые после долгих месяцев императорская ложа освещена. Появляется Елизавета, ведя за руку маленького Павла Петровича. Театр сравнительно пуст. Государыня повелевает впустить в зал всех дежурных гвардейцев. Гвардия помогла ей двадцать лет тому назад завладеть троном, может быть, она поможет ей сегодня передать трон более достойному преемнику?

Солдаты устремляются потоком в театральный зал, почтительно приветствуя свою императрицу. Это в большинстве старые, бородатые люди, сопровождавшие ее некогда на пути к Зимнему дворцу. Елизавета сажает маленького Павла к себе на колени, гладит его кудри, показывает этого ребенка и свою к нему любовь этим легко возбудимым, легко воодушевляющимся солдатам, которых так нетрудно растрогать. Пусть бы теперь кто-нибудь закричал: "Да здравствует царевич Павел Петрович!", и вся эта своеобразная аудитория, несомненно, поддержала бы этот крик, получилась бы национальная манифестация, волеизъявление народа, которому можно бы с чистой совестью подчиниться…

Но никто не кричит… Исполинские бородачи-солдаты рассматривают с приветливой улыбкой празднично разодетого царственного ребенка, он нравится им, трогает их – но не воодушевляет их.

С грустью возвращается Елизавета в свои покои. Провидение не заговорило, воля Провидения выше ее воли, необходимо этому покориться. Отныне она всецело отдается эгоизму своей болезни и своей религиозности. Она никогда не вела размеренного образа жизни, но уже теперь о каком бы то ни было распределении дня и речи нет.

При каждом внезапном приступе усталости она велит устроить себе постель там, где в настоящее время случайно

находится, и горе тому, кто хотя бы по наиважнейшему делу решится нарушить ее тревожный сон. Она молится и постится почти непрерывно, осыпает своих врачей золотом, но не принимает прописываемых ими лекарств, предпочитая всякие волшебные снадобья, рекомендуемые ей то той, то другой из камеристок. На ее левой ноге раскрылась ранка. Елизавета часами не сводит глаз с этой ранки и говорит, что это Божья кара за то, что ее отец, великий Петр, так часто целовал эту красивую ножку.

Ее агония держит всю Европу в напряженном состоянии. Все взоры направлены на эту комнату больной, в которой, в сущности, разыгрывается решительное сражение Семилетней войны. Еще раз пытаются в том заинтересованные побудить умирающую императрицу изменить ее завещание. Людовик XV отправляет длиннейшее собственноручно написанное письмо своему послу Бретейлю. Шуваловы пускаются на последнюю интригу с целью стать герцогами завоеванных восточно-прусских провинций. Панин пытается воздействовать на императрицу в интересах своего воспитанника – Павла. Слишком поздно. Елизавета не занята больше Россией.

Больше всего оснований бояться смерти императрицы имеет Екатерина. Чем дряхлее становится Елизавета, тем настойчивее становится Петр в выдвигании своих планов. Он говорит не только о заключении немедленного мира с Пруссией, но даже о союзе с Фридрихом, о совместной с ним войне против прежних союзников. Он говорит о войне с Данией, у которой хочет отнять кусок Гольштинской земли. По мере приближения того дня, который сделает его самодержцем всероссийским, он все демонстративнее проявляет свою ненависть, свое презрение ко всему русскому. Его поведение до того вызывающе и обещает стать до того возмутительным, что Екатерина понимает: ей остается только один выбор – погибнуть вместе с ним или открыто выступить против него.

Но как раз в настоящий момент она в наименее подходящем для активных выступлений положении – в интересном. На этот раз нет ни малейшей возможности побудить Петра отнестись благосклонно к этому ребенку от Орлова. Значит, необходимо во что бы то ни стало подольше скрывать свою тайну под покровом милостивого кринолина. Даже происхождение маленького Павла грозит, судя по всему, Екатерине опасностью после смерти Елизаветы. Во время своих попоек с приближенными Петр называет теперь свою подругу Воронцову не иначе как Романова. Маленькая Дашкова слышит это случайно и прибегает за несколько дней до смерти императрицы среди ночи во дворец

Екатерины, несмотря на то, что сама больна инфлюэнцей, заставляет встревоженную прислугу провести ее к великой княгине и будит ее.

– Я не в состоянии вынести грозящую вам неизвестность, – говорит она, – ради всего святого, доверьтесь мне и скажите, какие меры предосторожности намерены вы принять, чтобы отвратить угрожающую вам опасность.

Екатерина видит красные пятна возбуждения на очаровательном юном личике своей подруги и, прежде чем ответить, велит той улечься к ней в постель, укутывает ее ноги теплым пледом, укрывает ее собственным одеялом и говорит:

– У меня нет никакого плана. Да я и не могу сделать ничего другого, как только надеяться на всемогущего Господа и его помощь.

– В таком случае, – отвечает Дашкова, – ваши друзья должны действовать за вас. У меня хватит и мужества и воодушевления, чтобы воспламенить всех, и никакая жертва не представляется мне для этой цели слишком большой.

– Я заклинаю вас, – отвечает Екатерина, – ради Бога, не делайте ничего такого, что могло бы подвергнуть вас опасности, и верьте мне, что невозможно ничего предпринять. Если с вами случится из-за меня несчастье, я буду себя за это всю жизнь упрекать.

– Я могу только пообещать вам, что не подвергну вас никакой опасности. Если моя беспредельная преданность вам даже приведет меня на эшафот, вас это, во всяком случае, не затронет.

Это чрезвычайно благородный, возвышенный диалог. Он звучит немного напыщенно, немножко театрально, немножко фальшиво. Но в этом разговоре получает формулировку новая программа Екатерины, и программа эта – что тоже входит в ее планы – формулируется не самой Екатериной, другими: "в таком случае за вас должны действовать ваши друзья". Если у Екатерины вопреки ее словам есть какой-нибудь план, то план этот сводится к полной строжайшей пассивности. Но она меньше полагается на Господа, чем на глупые выходки Петра и на пропаганду братьев Орловых. Во всех других отношениях Екатерина сможет найти себе равных, но ее способность превращать других людей в исполнителей ее невысказанной, даже упорно опровергаемой воли доселе никем не превзойдена.

Потрясенная до глубины души тем величием достоинства, с которым Екатерина несет свою печальную участь, покидает Дашкова дворец. В своем волнении она даже не заметила, что ее обожаемая подруга беременна.

Елизавета умирает 25 декабря 1761 года в два часа дня.

Не оправдываются ни опасения Фридриха, ни надежды союзников: ни один голос не раздается против восшествия Петра на престол. Конечно, многие со страхом и недоверием относятся к его предстоящему правлению, но эти многие ни в какой степени не организованы, не имеют вождей, формы, в которую мог бы вылиться их протест, никакого определенного плана. Один думает относительно другого, что "тот что-нибудь предпримет". В Париже и Вене думают, что русская аристократия свергнет Петра, аристократия возлагает надежды на ненависть гвардии к этой "прусской обезьяне". Но гвардия преспокойно дефилирует перед дворцом с криками: "Да здравствует император!" Говорят, будто иные кричали даже: "Слава Богу, что после стольких лет бабьего командования мы наконец имеем царя-мужчину!"

Власть удивительная вещь. Пока Петр был еще великим князем, пока росчерком пера он мог быть отстранен от престола, он казался всем дурнем, болваном, смешным паяцем. На пьедестале трона, с короной на голове, личность Петра начинает отождествляться с облекающей его горностаевой мантией, скипетром и державой, которые он держит в руках. Он царь, и всякий, кто только может, спешит понравиться ему, польстить, послужить и добиться через него тех или иных выгод. Раньше казалось невозможным, чтобы Петр и впрямь мог стать царем, теперь, когда он им стал, кажется совершенно естественным, чтобы он им и дальше оставался.

Петр по существу вовсе не так глуп и не так плох. Такой ярко выраженный его враг, как княгиня Дашкова, должна сознаться, что он обладает известным добродушием, некоторым остроумием, и даже Екатерина пишет в своих мемуарах: "…он в сущности, обладал неплохим сердцем". Более глупые, худшие по характеру монархи, чем он, преспокойно управляли до конца своих дней.

Свое правление Петр начинает с проявления некоторой внешней активности (из желания подражать своему идеалу – Фридриху). Он встает рано утром, прежде всего принимает парад своих солдат, лично разговаривает (ибо знает, что так поступает Фридрих) со своими министрами, с представителями иностранных держав. По сравнению с проявлявшейся Елизаветою в последние годы ее правления леностью и небрежностью уже эта чисто внешняя активность Петра производит освежающее впечатление, вызывает похвалы молодому царю со стороны лиц его окружения.

Он издает множество указов, как чрезвычайно разумных (в тех случаях, когда инициатива принадлежит его тайному секретарю Волкову), так и касающихся совершенно

второстепенных вопросов (в этих случаях инициатором указов является лично Петр). В один и тот же день отменяется существование пресловутой тайной канцелярии, этого пугала всех политически заподозренных лиц, и разрешается охотиться на ворон на улицах столицы. Волков, Воронцов и прочие приближенные к Петру лица непосредственно заинтересованы в том, чтобы создать ему известную популярность, и он вначале слушается их советов. Он возвращает из Сибири некоторых именитых ссыльных, как-то: Лестока, Бирона, Миниха. Только друг Екатерины Бестужев остается в ссылке. По совету Волкова сокращаются права и привилегии Шуваловых, разрешается свободная торговля треской, академиям и представителям искусств ассигнуются субсидии. Особенный успех имеет освобождение дворянства от обязанности нести государственную службу: это постановление вызывает такое удовлетворение, что сенат высказывает намерение поставить юному царю памятник.

Дни свои, исполненные безусловно похвальной деятельности, Петр неизменно заканчивает, однако, пиршествами, на которых все собутыльники обязаны по его предписанию быть в праздничных, непременно светлых нарядах. Эти пиршества переходят обычно в дикие попойки, во время которых Петр напивается до потери сознания вместе с Воронцовой. И все это происходит через несколько дней после смерти императрицы, в то время, когда ее тело еще не предано земле.

На протяжении шести недель, проходящих до погребения Елизаветы, ее тело выставлено во дворце, и народ допускается дважды в день во дворец, чтобы проститься с почившей государыней. Сотнями и тысячами стремится простой люд, чтобы взглянуть на покойную, лежащую на роскошном катафалке (обошедшемся около ста тысяч рублей) со статуями, позолоченной резьбой, балдахином из золотой парчи, свисающим до земли горностаевым покрывалом и бесчисленным количеством свечей. И почти всегда эти люди видят подле катафалка коленопреклоненную женщину в глубоком трауре, очевидно, совершенно погруженную в свое горе и молитвы. "Это новая царица", – шепчут они. Целых шесть недель проводит Екатерина ежедневно несколько часов подле мертвой Елизаветы, стоя на коленях, несмотря на свою беременность и несмотря на то, что тело покойной все больше разлагается. Ее глаза опущены долу, но она знает, что глаза входящих устремлены на нее и что сердца этих простых людей преисполняются сочувствия и трогательного волнения при виде ее униженного пиетета.

Иногда к катафалку подходит и Петр. Он ведет себя при этом непринужденно, громко разговаривает, прохаживается по залу

взад и вперед, шутит с дамами, делает замечания дежурным придворным по поводу тех или иных погрешностей в их туалетах. В свете торжественно горящих свечей, пред лицом мрачного величия смерти контраст между достойным поведением Екатерины и цинизмом Петра выступает особенно явственно, как в примитивном театре. Да это и есть примитивная сцена для простого народа. Екатерина отлично знает и превосходно играет свою роль. Но Петр абсолютно не умеет притворяться. Это похвально для частного лица, но не для государя, который, если он не намерен управлять при помощи одного насилия, должен уметь понравиться народу.

Петр в глубине души никогда не чувствовал себя способным справиться с огромной задачей управления Россией. Но он не сумел открыто отделаться от этой задачи, и теперь волей-неволей приходится ее выполнять. Он находится приблизительно в том положении, какое испытывает человек, которому снится, что он, не будучи абсолютно к тому подготовлен, попал на сцену цирка и принужден вступить в бой с быком.

Русский трон опирается на две силы: армию и духовенство. Царь является верховным главой обеих сил. Но Петр не понимает ситуации. Он не понимает, что это именно силы, служащие опорой его власти. Он знает только, что он глава этих сил, и думает, что может делать с ними все, что ему заблагорассудится. Армия принадлежит ему. Ну, значит, он может сделать из нее прусскую армию, нарядить ее в короткие двухцветные мундиры прусского образца, муштровать ее на прусский лад. Слыханное ли дело, чтобы после пятилетней победоносной войны с неприятелем армию наряжали во вражеские мундиры и заставляли ее маршировать на манер врага? Все это глубоко оскорбляет русское национальное чувство. Скрежеща зубами, несет солдат свою службу. Недовольство захватывает и высших офицеров, которым вменяется в обязанность, несмотря ни на какие чины, на возраст, на погоду, ежедневно лично присутствовать на учении.

Хотя в момент восшествия Петра на престол казна и совершенно пуста, он начинает готовиться к новой войне – с Данией. Для того чтобы отобрать у последней клочок земли, долженствующий, по его мнению, отойти к Гол-штинии! Откуда достать денег? В марте издается указ, которым намечается будущее отобрание всех церковных иму-ществ. Секуляризация церковных имуществ оказалась не под силу даже Петру Великому. Петр III, несомненно, не мог бы провести эту меру даже в том случае, если бы хоть притворился верующим сыном той церкви, главой которой он считается. Но он даже не дает себе труда

притворяться хоть настолько, насколько это необходимо для того, чтобы щадить чувство народа. Он и тут смешивает большое с малым, важное с второстепенным, внешнее с существенным. Издевается над догматами православной веры, ведет себя прямо провокационно в церкви, говорит о необходимости лишить духовенство пышных облачений и заменить их черными рясами немецких пасторов, хочет сбрить священникам бороды, удалить из храмов все иконы, кроме изображений Спасителя и Божией Матери, приказывает закрыть часовни в домах дворян. Он хочет устроить в царском дворце протестантскую часовню. Несколькими указами он хочет перевернуть вверх дном самую консервативную, наиболее верную традициям страну Европы.

В первые дни правления Петра Екатерина появляется каждое утро в его рабочем кабинете. Но ей оказывается там такой недружелюбный прием, ее советы выслушиваются с таким нескрываемым презрением, что она скоро прекращает свои визиты.

Петр требует от всех, чтобы они обращались с его метрессой Воронцовой предупредительнее, чем с его супругой. Однажды вечером он ужинает с Воронцовой и велит позвать графа Хордта, зная, что этот шведский дворянин находится как раз у Екатерины. Хордт, как человек благовоспитанный и смелый, отклоняет приглашение. Через несколько минут Петр появляется лично, красный от гнева и говорит:

– Вас ждут у графини Воронцовой, я требую, чтобы вы не заставляли эту даму дожидаться!

Он говорит теперь совершенно открыто и часто о своем намерении вскоре отделаться от Екатерины, заточить ее в монастырь или отослать обратно в Германию. Все это еще можно бы, на худой конец, объяснить ростом привязанности Петра к Воронцовой. Но если он запрещает ювелиру Понзи выполнять заказы Екатерины или даже не стесняется отдать садовнику распоряжение не приносить ей ее любимых цветов, то эта мелочная коварная ненависть имеет, очевидно, другие причины. Эта ненависть Петра гораздо старше его любви к Воронцовой. Она началась еще двадцать лет тому назад, когда после своего выздоровления от оспы Петр испытал унижение от Екатерины.

На протяжении дальнейших лет за этим унижением последовало еще немало других, в основе которых неизменно лежало превосходство над ним Екатерины. Он всегда знал, что она умнее его, сильнее его, но если прежде сплошь да рядом нуждался в ее превосходстве, то теперь полагает, что наконец достаточно могущественен для того, чтобы отплатить ей за неисчислимые поражения, нанесенные его самолюбию. Но наряду

с этим он не перестает ее бояться. Он достаточно силен для того, чтобы грубо отстранить Екатерину, но недостаточно силен для того, чтобы делить с нею власть. Инстинктивно чувствует он, что как только начнет спрашивать у нее совета, управление всеми делами немедленно перейдет в ее руки. Он должен дать ей почувствовать свою власть и хотел бы устранить ее, потому что это для него единственная возможность справиться с непосильной проблемой, заключающейся в том, что хоть он и всемогущий царь, а жена его все же умнее его.

Екатерина молча сносит все его унижения. Со времени кончины Елизаветы она всего лишь два раза появилась в обществе и до сих пор ни словом не обмолвилась о поступках своего мужа. Но терпение Екатерины только кажущееся, навязанное ей ее физическим состоянием.

Когда Дашкова, Панин или кто-либо другой из ее друзей изыскивают средства, чтобы улучшить ее положение, она не может сделать ничего другого, как посоветовать им запастись терпением вместе с нею и дать судьбе время. Для нее лично это время ограничено: она должна родить, а затем уже помышлять о каких бы то ни было мероприятиях. Но как раз ее вынужденная пассивность, ее исполненная достоинства униженность, ее незлобная терпеливость вербуют ей многих друзей.

В конце марта двор переселяется в законченный постройкой Зимний дворец. Петр берет себе главные апартаменты, поселяет Воронцову в комнатах, прилегающих непосредственно к его покоям, и отводит Екатерине помещение в самой отдаленной части дворца. И с этим новым унижением она беспрекословно примиряется: оно ей даже очень кстати. Когда приближаются роды, она, чтобы устранить всякие подозрения, даже принимает участие в некоторых устраиваемых Петром вечеринках, сносит зловоние трубок, шум и гвалт, производимые пьющими, презрительные усмешки Воронцовой и нелепые речи своего супруга.

По непроверенным сведениям Петр якобы все же, и притом в самый критический момент, пронюхал, в чем дело, и поклялся "убить эту чертовку на месте". Но по дороге к покоям Екатерины внимание его было будто бы отвлечено каким-то пожаром, он отправился вместе со своими собутыльниками на место пожарища, а когда вернулся обратно, роды Екатерины якобы уже закончились. Она встретила его одетая, нарумяненная и причесанная, и с негодованием отвергла его бессмысленные подозрения, которых он уже ничем доказать не мог. Самый же пожар был будто бы делом рук ее преданнейшего слуги Шкурина, поджегшего для этой цели свой собственный дом.

Как бы то ни было, а сын Орлова – впоследствии Бобринский – родился 11 апреля, не вызвав никакого скандала. Жена Шкурина немедленно берет его к себе на воспитание. Десять дней спустя – в день, когда ей минуло тридцать три года, – Екатерина принимает многочисленных поздравителей. При этом случае она, впервые с того момента, как стала царицей, высказывается по политическому вопросу. Она заявляет австрийскому посланнику графу Мерси, что новый союз, заключенный с наследственным врагом России, внушает ей полное отвращение. Значение этих слов очевидно. Екатерина дезавуирует всю политику своего супруга, открыто выступает против него и старается снискать благословение своих естественных союзников. Это только несколько слов, произносимых приветливо улыбающейся императрицей при встрече с одним из поздравителей, но в тот же день они становятся известными всему двору, курьеры сообщают о них в Вену и Париж. Дипломатические предположения, надежды, комбинации получили толчок.

Екатерина освободилась от своего бремени. Борьба началась.

Для борьбы необходимы деньги, а денег у Екатерины нет. Она просит графа Бретейля устроить ей заем в сто тысяч рублей, но французский посол, хоть он и желает ей всяческого успеха, не настолько верит в этот успех, чтобы ухватиться за случай оказать будущей императрице услугу от имени Франции. Находится английский купец по имени Вальдтен, который ссужает ей просимую сумму. Но этих денег, конечно, недостаточно. Для большого восстания необходимы не только офицеры и дворяне, которых можно привлечь, апеллируя к их чувствам чести и патриотизма, но и простые солдаты, а Орловы хорошо знают своих солдат: вином на них можно лучше воздействовать, чем ключевой водой. Екатерину не приходится долго в этом убеждать.

Когда она узнает, что освободилось место казначея артиллерийского ведомства, она подает генералу Виллебуа соответственный намек, и на этот ответственный пост назначается двадцатилетний Григорий Орлов. Теперь деньги артиллерийского ведомства идут на смазку солдатских глоток. Под влиянием подносимой в обильном количестве водки языки их развязываются и изливаются в беспрестанных жалобах на царя и славословиях Екатерине. Кто может в деле пропаганды среди простого народа провести грань между искренним и неискренним, искусственным и естественным? Необходима наличность пороха, чтобы его можно было поджечь, – вот все, что можно сказать по этому вопросу. Порох доставил Петр. Орловы же – поджигательный шнур.

Дашкова работает на иной манер и в других кругах. Она

продолжает свои визиты ко двору, говорит Петру шутливые колкости, которые он добродушно прощает маленькой сестрице своей возлюбленной, и поддерживает таким образом контакт с находящимися ныне у власти высшими сановниками. Она агитирует среди друзей и товарищей своего мужа, ведет переговоры с поручиками Преображенского полка Пассеком и Бредихиным и с офицерами Измайловского полка братьями Рославлевыми. Она старается воздействовать на гетмана Кирилла Разумовского – брата прежнего фаворита Елизаветы, потому что знает, что этот гетман любим армией и что он любит Екатерину. Но ни ей, ни Орловым не удается вырвать у этого хитрого хохла какое-нибудь положительное обещание. Впоследствии обнаруживается, что на этого заговорщика можно положиться, но он хочет иметь только одного соучастника – саму Екатерину. Больше везет Дашковой у новгородского архиепископа. Этот человек, который пользуется величайшим уважением всего русского духовенства, открыто заявляет, что решился благословить то, что, даст Бог, скоро произойдет.

Панин со свойственной его положению и его флегматическому характеру осторожностью, обхаживает членов сената, нащупывает пути, прислушивается, отмечает. Этот любящий удобства, толстый, интересующийся главным образом своим покоем человек, никогда в жизни не носивший военного мундира и до глубины души ненавидящий все военное, почему-то произведен молодым царем в генералы от инфантерии. Иногда Панин вступает в разговор с Дашковой, и та дает ему понять, что ее желания совпадают с его желаниями. Оба понимают, что речь идет о свержении Петра и переходе престола к Павлу.

Иногда Дашкова беседует и с братьями Орловыми. Она считает этих грубых, необразованных людей, едва умеющих читать и писать, мелкими подчиненными офицерами, обязанными беспрекословно исполнять получаемые от нее приказания. Заговорщики не доверяют друг другу, обманывают друг друга, у них различные воззрения, различные планы, различные конечные цели. Все их приготовления обстоятельны и рассчитаны на продолжительный срок. Привлечь на свою сторону сенат и синод, распропагандировать народ при посредстве духовенства, а солдат личным с ними общением – все это вещи, на которые потребуются годы интенсивной и опасной работы. Заговорщики это знают и убеждены в том, что еще долго придется дожидаться часа успеха.

Но все они упускают из виду одного своего деятельного помощника. Дашкова, Орловы, Панин, гвардейские офицеры, митрополиты работают хорошо, но лучше их всех, вместе взятых,

работает на свою погибель сам Петр.

На 10 июня назначено огромное празднество в честь русско-англо-прусского союза. Для этого празднества заказаны в Бельгии скульптуры, изображающие богинь мира, придворный поэт написал специальную драму, и придворный композитор переложил ее на музыку. Гирлянды цветов обвивают золотые щиты с именами Фридриха, Георга и Петра, планируется грандиозный фейерверк, при провозглашении тоста за вечный мир должен загреметь пушечный салют.

Это гигантское празднество мира начинается с той знаменитой трапезы, которой суждено было закончиться так немирно и стать психологическим исходным пунктом великой драмы.

Стол накрыт на пятьсот кувертов. Все высшие русские сановники, все иностранные дипломаты, сливки дворянства и генералитета налицо. Екатерина сидит посередине стола. Петр в конце его, подле прусского посла. По предложению Петра имеют быть провозглашены три тоста: за здоровье царской семьи, за вечный союз между Россией, Англией и Пруссией и за здоровье прусского короля. После того как провозглашен первый тост, Петр отправляет своего адъютанта графа Гудовича к Екатерине, чтобы осведомиться у нее, почему она не встала, когда пили за здоровье царской семьи. Екатерина отвечает, что так как царская семья состоит только из нее, ее супруга и сына, то, по ее мнению, ей не следовало вставать. Гудович передает Петру ответ Екатерины, и император немедленно отправляет его обратно с поручением передать Екатерине, что она "дура", так как иначе знала бы, что к составу царской семьи принадлежат еще оба герцога Гольштинских. Опасаясь, что Гудович, пожалуй, не выполнит данного ему поручения в его грубой форме, Петр, перегибаясь через стол, сам кричит несколько раз во всю глотку жене: "Дура! Дура!"

В одно мгновение в огромном зале воцаряется мертвая тишина. Все присутствующие понимают, что произошло нечто небывалое, непоправимое. Взоры всех устремлены на Екатерину. Она побледнела как смерть, глаза наполнились слезами. Но потом она первая же приходит в себя и просит дежурного камергера графа Строганова, стоящего позади ее стула, рассказать ей поскорее что-нибудь веселое, чтобы перевести ее мысли на другую тему. У Строганова хватает присутствия духа, чтобы завести безобидный разговор, за что, однако, он еще в тот же вечер ссылается в свои поместья.

Пятьсот человек были свидетелями этой безобразной сцены. Пятьсот человек испытали возмущение по поводу несдержанности

царя, сострадание к царице и вслед за тем восторг по поводу ее исполненного достоинства поведения. Все упреки, раздававшиеся когда-либо по ее адресу, все мысли насчет Салтыкова и Понятовского исчезают бесследно пред лицом этого акта разнузданной, непозволительной грубости. В одну секунду все симпатии перешли на сторону Екатерины. Такова уж отличительная особенность ее личной судьбы, что унижения служат побудительным толчком к ее росту, к тому, чтобы она стала великой. Совершенно логично поэтому, что это сильнейшее из когда-либо ею испытанных унижений явилось исходным пунктом ее решительной борьбы за власть.

Впоследствии она говорила, что только с этого вечера стала прислушиваться к наущениям врагов Петра. Это, конечно, неправда. Но правда то, что она до этого вечера колебалась, сомневалась и выжидала. В противоположность Петру она испытывает известное почтение к законам или, вернее, уважает почтение к законам, испытываемое другими людьми, и остерегается оскорбить это чувство, опираясь на которое монарх только и может мирно править. Только с того момента, когда Петр открыто, на глазах большого общества, оказался не прав по отношению к ней, она уверовала в свое право устранить его.

Теперь разговоры с Орловым принимают конкретную форму. Возникает план арестовать Петра в его комнате, подобно тому, как поступила в свое время Елизавета с малолетним царем Иоанном. Но Елизавета была дочерью Петра Великого, завещанием матери она была назначена управлять Россией, а Екатерина ни по происхождению, ни в силу какого-либо легального акта не может претендовать на российский престол. Да, кроме того, Петр ведь не младенец.

Проходит два дня беспрестанных празднеств, затем Петр уезжает в Ораниенбаум. Там у него тысяча пятьсот вооруженных гольштинцев. Красавец Григорий Орлов, этот азартный игрок, привыкший ставить все на одну карту, упорно настаивает на немедленном приступе к решительной игре. Он убеждает, что гвардейцы сделают свое дело, справятся с гольштинцами и увлекут за собой прочие полки. Он убежден, что Екатерине достаточно подать знак, чтобы вся Россия поднялась против ненавистного царя…

Но Екатерина не хочет подавать этот знак, она сама ждет знака. Она не суеверна, подобно Елизавете, она не ждет знака свыше, а ждет только такой неизбежной ситуации, которая оправдала бы ее в глазах всего мира. Она знает, что сотни людей, симпатии которых на ее стороне, отвернутся от нее, как только она вздумает выступить с оружием в руках против собственного

мужа, против императора, законно взошедшего на престол. Помощь этих сотен ей для намечающегося насильственного переворота и не нужна, но она заглядывает дальше, думает о своем будущем правлении узурпаторши, единственные права которой на престол могут заключаться во всеобщей симпатии. Она не хочет насиловать судьбу, а со сверхъестественной напряженностью воли хочет, чтобы судьба заставила ее действовать.

Четыре дня – с 12 по 16 июня – Екатерина остается одна в Петербурге до своего переезда в Петергоф. Нет никаких сведений о том, что она делала на протяжении этих четырех дней, с кем встречалась. Ни она лично, ни кто-либо из ее созаговорщиков не оставили по этому вопросу никаких записей. С большим вероятием можно предположить, что за эти четыре дня она составила манифест, предназначенный для распространения среди народа в момент переворота, и каким-то способом передала проект этого манифеста графу Кириллу Разумовскому (потому что в решительный момент он оказывается в его руках). Весьма вероятно также, что она прибегла для этой цели к услугам Алексея Орлова, а не Григория Орлова, потому что за последним следят в последнее время полицейские шпионы, правда, следят настолько неловко, что Григорий видит наблюдающего за ним поручика Перфильева насквозь и заставляет его плясать под свою дудку. Достоверно: заговорщики рассчитывают для успеха своего предприятия на поход против Дании, на отсутствие Петра, на всеобщий беспорядок и всеобщее недовольство, которое обнаружится в стране после его отъезда.

Но Петр опять-таки сам неожиданно ускоряет свою судьбу. Нанесенное им Екатерине оскорбление возымело обратное действие, он осрамил не ее, а самого себя, чувствует это и еще больше ненавидит за это свою жену. Самое существование ее, облик ее становятся ему невыносимы. Он уже, так сказать, сослал ее, приказал ей оставаться в Петергофе, в то время как сам живет с Воронцовой в Ораниенбауме, окруженный военными приятелями и штабом красивых придворных дам.

Под влиянием бургундского вина язык его, как обычно, развязывается, и он обещает, что, как только отвяжется от своей ненавистной супруги, то немедленно расторгнет и браки всех прочих придворных и позволит дамам выбрать себе новых мужей по собственному вкусу. Прелестные дамы, нравственные устои которых под влиянием царского примера и ежедневных обильных возлияний не отличаются особой прочностью, с удовольствием внимают этим словам. Но от Ораниенбаума недалеко до Петербурга: то, что говорится там вечером, известно здесь утром,

и мужья ораниенбаумских дам, занимающие в Петербурге ответственные посты, сжимают кулаки.

К этим верным слухам присоединяются ложные. Петр устроил в Ораниенбаумском дворце протестантскую часовню для своих голылтинских офицеров, и в Петербурге распространяются слухи, что он сам справлял обедню по лютеранскому обряду.

21 июня в Ораниенбауме происходит большое празднество, на котором должна присутствовать и Екатерина. Вскоре после своего появления она сталкивается с придворным ювелиром Понзи и просит его взять с собою ее орден Св. Екатерины, в котором что-то сломалось. Понзи возражает, что советовал бы государыне ради нее самой отложить это поручение, так как он приехал в Ораниенбаум с целью сдать здесь изготовленный для Воронцовой орден Св. Екатерины, и государь несомненно сочтет за провокацию с ее стороны, если именно сегодня на ней не будет ее ордена.

Орден Св. Екатерины жалуется только членам царской фамилии. Совершенно очевидно, что государь пожалованием этого ордена своей любовнице хочет показать намерение включить ее в ближайшем будущем в состав царской семьи, желание вскоре сочетаться с нею узами брака.

Молча присутствует Екатерина при всех празднествах, при маневрировании крошечного флота на пруду парка, молча, "со скучающим лицом" следит она за любительским спектаклем, во время которого Петр лично играет в оркестре на скрипке. Молча глядит она на то, как Петр сам прикрепляет Воронцовой орден Св. Екатерины.

Но Петр не может снести ее молчания, ее терпеливости. Неужели же нет ничего такого, что вывело бы эту женщину из ее ужасного спокойствия, которое только подчеркивает его неправоту? Ничего такого, что повлекло бы за собой взрыв ее возмущения, вырвало из ее уст резкое слово, растормошило бы ее?

Вечером, когда он уже изрядно выпил, он отдает своему адъютанту Барятинскому приказ арестовать Екатерину. Барятинский, не решающийся ни повиноваться, ни ослушаться, обращается к дяде царя принцу Георгу Гольштинскому. С трудом удается этому старому человеку отговорить своего напившегося до положения риз и неистовствующего от ненависти племянника отказаться от осуществления его намерения. Екатерина спокойно уезжает в Петергоф.

Но уже слишком поздно. Петр произнес решающее слово. Весть о том, что государь собирался арестовать Екатерину, проникает в столицу, доходит до ее сторонников, до гвардии, до

солдат. Никто не сомневается в том, что Петр скоро выполнит то, от осуществления чего его с трудом удержали на этот раз. Беспокойство растет и сливается воедино с недовольством по поводу предстоящей войны. На всех улицах собираются группы взволнованных людей, критикующих правительство и лично царя. Полиция старается не прислушиваться к мятежным речам и разгоняет сборища без применения особых, вызывающих внимание мер. Тут и там сходятся недовольные и поругивают власть имущих.

В казармах дело обстоит еще хуже. Простой драгун наивно спрашивает генерала Измайлова, отчего это Петра не свергают с престола. Измайлов посылает его ко всем чертям. Но волнение растет, возбужденные гвардейцы требуют от своего начальства принятия каких-либо мер для охраны царицы. Заговорщики опасаются преждевременного взрыва восстания и стараются успокоить встревоженные умы. Пассек сам произносит "мятежные речи против особы государя", и его случайно подслушивает какой-то сыщик.

30 июня Петр должен выступить во главе войск в поход против Дании. Канун своих именин, вечер 28 июня, он намерен праздновать в Петергофе.

Но вечером 27 июня арестовывают поручика Пассека.

Арест Пассека вызывает в первый момент в кругах заговорщиков немало смятения и отчаяния. Григорий Орлов спешит с этой вестью к Дашковой, у которой в это время находится Панин. Пред лицом непосредственной опасности умолкают личные разногласия по вопросам, касающимся будущего. Пассек арестован, завтра все может быть разоблачено, послезавтра потеряно. Несомненно найдут способ заставить Пассека сознаться, но в этом, вероятно, даже не представляется надобности, так как приверженцы царя и без того, должно быть, знают достаточно, чтобы открыто выступить против заговорщиков. Завтра их всех начнут по очереди арестовывать, рубить им головы, ссылать в Сибирь. Но та, из-за которой все происходит, сердце, голова всего заговора, ей ведь первой суждено погибнуть. Петр уже месяцы изыскивает пути отделаться от Екатерины – теперь путь этот открыт.

Впоследствии Панин и Дашкова будут пространно и обстоятельно спорить о том, кому из них первому пришла в голову блестящая мысль еще в ту же ночь вызвать Екатерину из Петергофа. Для нас это совершенно безразлично. Несомненно то, что во время этого разговора втроем им стало ясно, что все они имеют перед собою только несколько часов свободы и что на протяжении этих нескольких часов необходимо спасти Екатерину.

Пламенная Дашкова, разумеется, хотела бы рискнуть своей жизнью и лично помчаться в Петергоф за своей обожаемой подругой, но, к ее несчастью, заказанное ею на всякий случай для предстоящего восстания мужское платье еще не готово. А намеченная поездка должна обращать на себя возможно меньше внимания, и широкий женский кринолин весьма мало для нее подходит.

Младший брат Григория Орлова Алексей и еще один офицер – поручик Василий Бибиков отправляются незадолго до полуночи в простой коляске в Петергоф.

В то время как коляска медленно – необходимо беречь лошадей для обратной езды – подвигается по направлению к Петергофу, заговорщики осторожно расходятся. Дашкова, расстроенная, взволнованная и разочарованная выпавшей на ее долю пассивной ролью, сидит дома. Панин отправляется в Летний дворец, где находится царевич, ложится в постель, засыпает крепким сном и просыпается только от шума, поднятого открытым восстанием. Орлов отправляется к гетману Разумовскому и сообщает ему, что Пассек арестован и что Алексей поехал в Петергоф за Екатериной. Разумовский выслушивает его молча, не произносит ни слова, но едва лишь Орлов ушел, как он призывает своего адъютанта Тауберта и приказывает ему еще в ту же ночь отпечатать в подвальном помещении типографии Академии Наук манифест о государственном перевороте. Тауберт просит освободить его от этого опасного поручения.

– Вы уже слишком много знаете, – отвечает Разумовский, – теперь дело идет о вашей голове. Делайте то, что вам приказано.

Григорий Орлов спешит в казармы Измайловского полка. Эти казармы распложены на краю города и являются первыми на пути Екатерины из Петергофа. Здесь он натыкается на следящего за ним шпиона Перфильева. Немедленно усаживается он с ним за карточный стол, проигрывает ему три тысячи рублей, не щадит водки на угощение и наконец укладывает к четырем часам утра своего абсолютно пьяного надсмотрщика в постель. Теперь только может он заняться кое-какими приготовлениями к приему Екатерины. Приготовления эти примитивнейшего характера: они сводятся к обещанию бочки водки нескольким десяткам солдат и разговору с полковым священником отцом Алексеем. Но дело теперь не в этом.

Теперь все обстоит именно так, как того хотела Екатерина. Она покоится мирным сном, когда около пяти часов утра в ее двери стучится сама судьба в образе Алексея Орлова. Маленький дворец Монплезир, в котором Екатерина живет в Петергофе, не

охраняется. Ее преданная камеристка Шаргородская отпирает хорошо знакомому ей офицеру дверь и без всяких околичностей впускает его. В гардеробной лежит еще роскошное парадное платье, которое Екатерина должна была надеть вечером для празднования кануна именин Петра.

Алексей Орлов лишь наполовину так красив, как его красавцы братья: правая сторона его лица, правый профиль ангельски прекрасен, но левый похож на дьявольскую рожу – во время одной дуэли он получил сабельный удар в левую сторону лица, шрам плохо зажил, и верхняя губа поднята кверху, искажая лицо вечной дьявольской усмешкой. Но это уродство далеко не обескураживает его, оно, наоборот, подзадоривает его к тому, чтобы превосходить мужеством, смелостью, отчаянностью всех братьев, всех вообще офицеров.

Он подходит без дальних церемоний к спящей царице и будит ее.

– Вам пора вставать, – говорит он, – экипаж готов, и в городе тоже все подготовлено.

Екатерина осведомляется, что же произошло.

– Пассек арестован.

Все вышло по ее желанию. Ее друзья действовали без ее просьбы, без ее указаний, но в прямом соответствии с ее намерениями, в результате их действий создалась неустранимая ситуация: один из них арестован, все в опасности. Теперь речь идет не о принятии произвольного решения, не о том, чтобы выступить в качестве бунтовщицы против собственного супруга, против венчанного царя, теперь дело идет о том, чтобы либо обречь себя, своих друзей, всех русских патриотов на верную гибель, либо бороться. Теперь она может в качестве женщины, свободе и жизни которой угрожает опасность, обратиться за помощью к русскому народу – в подобных ситуациях у нее хватает мужества, решительности и ума на десятерых мужчин.

В несколько минут она одета. Она надевает самое простое траурное платье. Так как ее парикмахер приезжает в Петергоф только к семи часам утра, она закалывает волосы несколькими шпильками. В парке тихо, никто еще не проснулся, она идет, никем не замеченная, по влажному от утренней росы гравию к экипажу. С нею только оба молодых офицера и Шаргородская. Орлов усаживается на козлы к кучеру, щелкает кнут, и коляска быстро мчится по проселочной дороге. Серебристый полусвет северной русской ночи сменяется золотым блеском ясного солнечного дня. Им встречаются некоторые повозки, но никто не узнает царицы в этой просто одетой женщине, едущей в незаметной коляске. Ее экипаж еще скромнее того, в котором она

приехала двадцать лет тому назад через Пруссию и Померанию в Россию. Ее свита, ее багаж еще более жалкие, у нее нет с собою ничего, кроме надетого на ней платья. Если переворот не удастся, ей останется только, в лучшем случае, бежать, как нищей, в Швецию.

В нескольких верстах от Петербурга они встречают Григория Орлова. Екатерина пересаживается в его экипаж, чтобы на свежих лошадях быстрее добраться до столицы. Около восьми часов утра добираются до окраины города, Измайловских казарм. Здесь останавливаются. Орлов вылезает и направляется в караульное помещение. Екатерина ждет в экипаже. Барабанщик бьет тревогу. Сейчас же вслед за этим на улице появляются несколько десятков солдат и несколько офицеров: солдаты еще непричесаны, наполовину одеты. Екатерина выходит из экипажа, подходит к этой беспорядочной группе и говорит:

– Я пришла просить у вас защиты. Государь отдал распоряжение арестовать меня, он хочет приказать убить меня и моего сына.

Солдаты до сих пор видали Екатерину только издали. О ее личности они имеют то представление, которое соответствует образу, врезавшемуся в их простые солдатские сердца по рассказам о ней их командиров, особенно Орлова. Это образ матушки, женщины, которая с высоты своего трона открывает свое сердце для каждого простого солдата и в особенности любит красу русской армии – гвардейцев. Многие из собравшихся солдат получали в случаях нужды пособия от Орлова от имени Екатерины, и все они чувствуют себя оскорбленными тем предпочтением, которое Петр оказывает иностранным полкам.

Теперь эта женщина, эта любвеобильная государыня-матушка стоит среди них в своем простом черном платье, с едва причесанными волосами, но достаточно красивая для того, чтобы понравиться мужчинам, благородная и мужественная, хотя убийцы уже гонятся за ней по пятам. Преследуемая беспомощная женщина, но царица с головы до пят, женщина, созданная для того, чтобы простые люди любили ее и преклонялись перед ней. Любовь к Екатерине, ненависть к Петру, мужское рыцарское чувство и солдатский задор сливаются воедино.

– Ура, – кричит толпа восторженно. – Да здравствует матушка Екатерина.

Здесь всего несколько десятков солдат, но они полны безграничного воодушевления, целуют руки и ноги Екатерины, край ее платья. В то время как они клянутся защитить ее своим телом от всякого врага, даже от императора, среди них появляется отец Алексей с крестом в руках и в сопровождении

полкового командира Кирилла Разумовского. Под открытым небом, на песчаной почве казарменного двора, перед несколькими десятками нечесаных, полуодетых солдат Екатерина провозглашается самодержицей всероссийской. Этим исчерпаны планомерные приготовления Орлова. Все, что происходит дальше, предоставлено двум могущественным факторам: воле народа и случаю.

По ту сторону Фонтанки расположены казармы Семеновского полка. Там рассчитывают встретить то же настроение и большее количество людей. Екатерина снова садится в свою жалкую коляску. Разумовский и Орлов скачут по бокам, отец Алексей выступает вперед с крестом в руках, позади коляски движется беспорядочная толпа возбужденных солдат. Это все еще не торжественная процессия, но она достаточно велика для того, чтобы возбудить всеобщее внимание. Несколько офицеров поскакали вперед и предупредили семеновцев о приближении Екатерины. Она не успевает добраться до Фонтанки, как навстречу ей выбегают толпы семеновцев, тоже частью без шинелей и фуражек, но все вооруженные до зубов, с дикими криками восторга и воодушевления. Их тут же, то есть посреди улицы, приводят к присяге новой государыне, и они присоединяются к измайловцам. Во главе обоих полков, мимо собравшихся горожан, с любопытством взирающих на эту непонятную процессию, медленно подвигается Екатерина по Садовой улице к Невскому проспекту.

В Преображенском полку происходит некоторая заминка. Когда к восьми часам утра туда доходит весть о торжественном въезде Екатерины, некоторые офицеры пытаются восстановить порядок. Петр всегда оказывал известное предпочтение этому полку, в особенности же гренадерам, которыми командует брат его фаворитки, молодой граф Воронцов. Воронцов и майор Воейков обращаются к солдатам с речами, напоминают им о присяге, которую они принесли государю императору Петру III. Преображенцы выступают сомкнутыми рядами навстречу восставшим полкам.

На Невском проспекте обе процессии сталкиваются. Это самый решительный момент восстания. Если дело дойдет до боя, то исход его очень сомнителен, и если бы даже победа оказалась на стороне Екатерины, то, значит, из-за нее пролилась бы кровь и воодушевление было бы омрачено скорбью и страданиями. Но прежде чем вылетает из ствола первая пуля, кто-то в рядах преображенцев – это князь Меньшиков – громко кричит: "Ура! Наша матушка-императрица!" И весь полк, как один человек, подхватывает этот крик, арестует своих офицеров и просит

Екатерину простить их за то, что они не сразу к ней присоединились.

Теперь уже весь город на ногах. Люди устремляются из домов на улицу, чтобы посмотреть на это зрелище, смешиваются с солдатами, заражаются общим воодушевлением. Медленно подвигается процессия сквозь сомкнувшуюся толпу, но весть о ней быстро распространяется по всему городу из уст в уста, из дома в дом; везде любопытные, мужчины, женщины и дети, наспех одетые, многие даже не знают, что происходит, но они слышат крики и тоже кричат, слышат возгласы ликования и тоже ликуют, процессия становится все больше, все гуще, все экзальтированнее.

Накопившееся за последние месяцы недовольство, подавленная атмосфера последних дней, когда необходимость какого-то решения висела в воздухе, потребность народа любить и опьяняться разделенной любовью – все это разряжается в порыве энтузиазма, достигающем своей кульминации в тот момент, кода прибывает в полном вооружении стройными рядами конная гвардия во главе со всеми командирами и превосходит своим фанатизмом все прочие полки.

Как это ни странно, но именно солдаты Григория Орлова – гвардейская артиллерия – не сейчас же подчиняются его призыву: они желают знать, каковы распоряжения генерала Виллебуа – по некоторым данным, из ревности Орлов генерала Виллебуа не привлек к заговору. Екатерина, дожидаясь перед казармами, велит позвать генерала. Тот появляется и начинает ей разъяснять, с какими невероятными опасностями сопряжена ее затея.

– Я позвала вас не для того, чтобы выслушивать ваши советы, – говорит Екатерина, – а для того, чтобы узнать, как вы намерены поступить.

– Последовать за вами, – отвечает Виллебуа и склоняет колено. Затем он приносит присягу и вручает Екатерине ключи от арсенала.

Наконец-то – к девяти часам утра – процессия добирается до Казанского собора. Собор битком набит. Сюда же прибывает Панин с малолетним Павлом Петровичем. Второпях позабыли снять с ребенка ночной колпак. Духовенство выходит навстречу Екатерине, священник осеняет ее крестом, и Екатерина принимает присягу как императрица и самодержица всероссийская. Ни маленький заспанный наследник-цесаревич, ни его воспитатель ничего не могут поделать: переворот свершился.

От Казанского собора процессия направляется к Зимнему дворцу. Когда Екатерина выходит из коляски, чтобы войти во дворец, появляется Дашкова. Ей пришлось пройти изрядный путь

пешком и с трудом пробиваться через толпу, но в последний момент ее, к ее величайшему удивлению, узнают некоторые офицеры, ее поднимают кверху, передают через головы толпы с рук на руки, пока она не оказывается благополучно на ступеньках дворца, лицом к лицу с Екатериной, и с возгласом "слава Богу" бросается в объятия своей подруги.

После приветствия Дашковой Екатерине приходится выслушать еще бесчисленные поздравления других людей, потому что двери дворца открыты для всех, все могут приветствовать "матушку Екатерину", подобно тому, как им разрешено было прийти проститься с "матушкой Елизаветой". Одновременно с этим среди толпы распространяется отпечатанный ночью манифест.

К полудню к гвардейцам присоединяются первые армейские полки. Теперь на широкой площади перед дворцом собралось более десяти тысяч солдат, они заняли все прилегающие улицы и превращают их в вооруженный лагерь. Весь город на ногах, чтобы почтить новую повелительницу. В одной из боковых улиц показалась похоронная процессия, и в толпе распространяется слух, что Петр III умер. Многие думают поэтому, что дело идет не о государственном перевороте, а о законной смене престолонаследия. Никто не знает, находился ли вообще в замеченном катафалке какой-нибудь покойник, или вся похоронная процессия была измыслена Орловым.

Стоит чрезвычайно жаркая погода, но ни один человек из собравшейся перед дворцом несметной толпы не покидает своего места. Постоянно происходит что-нибудь новое, на что стоит поглядеть, что служит толчком к новому взрыву энтузиазма. В двенадцать часов появляются высшие представители духовенства, почтенные седовласые старцы в полном облачении, они несут Екатерине царские регалии, корону, скипетр и державу. Спокойно и величаво движутся они среди солдат, почтительно уступающих им дорогу. Совершенно иное впечатление производит выдумка фельдцейхмейстера: не получив на то никакого распоряжения, он велит доставить на площадь из цейхгауза в исполинских фургонах старые русские мундиры и раздать их солдатам. С криками безграничного ликования солдаты тут же сбрасывают с себя ненавистные прусские мундиры, топчут ногами прусские шапки и переодеваются в старую форму.

К часу дня двери дворца закрываются для любопытных. Екатерина и сенат совещаются. Самой жгучей проблемой является Петр. Никто не знает, что Петр намерен предпринять, что он может сделать, что делать с ним. На последний вопрос еще, пожалуй, легче всего ответить: необходимо принудить Петра

отречься от престола и интернировать его.

Сейчас же после въезда в Зимний дворец Екатерина отдала очень важное распоряжение – заградить Калин-кин мост и не выпускать в этом направлении никого из города. Через Калинкин мост пролегает единственная дорога в Ораниенбаум, и заграждение этого моста имело целью оставить Петра подольше без вестей из столицы. Но после обеда Петр должен будет, согласно уговора, приехать в Петергоф для празднования своих именин, он найдет Петергоф пустым и сообразит, что произошло нечто неладное.

Что он предпримет? Он может направиться в Лифляндию, где находится большая часть русской армии, готовой выступить в поход против Дании и, следовательно, вооруженной до зубов. Эти находящиеся в Лифляндии войска, еще не признавшие Екатерину, являются серьезной опасностью для нового правительства. Не меньшая опасность угрожает столице и со стороны моря, в том случае, если бы Петр решил направиться в Кронштадт, а оттуда двинуться на судах к Петербургу.

Для предупреждения этих двух опасностей принимаются соответствующие меры. В три часа дня отправляется курьер к рижскому генерал-губернатору, тому генералу Брауну, который встретил двадцать лет тому назад на русской границе маленькую Цербстскую принцессу и информировал ее о происходящем при дворе. Теперь он получает манифест о восшествии Екатерины на престол, формулу новой присяги и указ, которым он приглашается не подчиняться никаким распоряжениям, если они не снабжены подписью Екатерины. Екатерина добавляет еще собственноручно, что если бы "бывший император" появился в Лифляндии, его надлежит арестовать и доставить живым или мертвым в Петербург.

В Кронштадт отправляется адмирал Талызин с запиской от Екатерины к коменданту Нуммерсу, в которой тому повелевается выполнять все приказания Талызина.

Приток солдат все продолжается. Верховые гвардейские офицеры поскакали в расположенные в окрестностях Петербурга полки, чтобы агитировать в пользу признания нового правительства. На улицах столицы оживление все растет, к патриотическому воодушевлению вскоре присоединяется алкогольное, потому что Орлов обещал солдатам водку и щедро сдержал свое обещание. Все кабаки открыты, и в них разрешается пить на казенный счет. Представители Австрии и Франции закупили бочки водки и угощают всех приходящих, чтобы подогреть их симпатии к союзу, направленному против Пруссии. Несмотря на это, происходит ˆтолько один эксцесс: арестовывают

принца Георга-Людовика Гольштинского, и его дом подвергают разгрому.

В шесть часов появляется первый посланец от Петра – канцлер Воронцов. Он осведомляется у Екатерины, почему она покинула Петергоф, и делает ей упреки по поводу совершенного ею переворота. Екатерина подводит его к окну и, указывая на несметную, охваченную энтузиазмом толпу, говорит:

– Вы видите, я не действую, а только подчиняюсь воле народа.

После этого она спрашивает канцлера, готов ли он присягнуть ей. Ответ Воронцова чрезвычайно умен и свидетельствует о его большой находчивости.

– Принимая во внимание, что я в настоящий момент не могу оказать вашему величеству никакой помощи в военных начинаниях, – говорит он, – и должен казаться вашему величеству, после сделанных мною только что заявлений, подозрительным, а с другой стороны, я не же лаю предпринять никаких мер против вашего величества, я просил бы вас арестовать меня и отдать под надзор преданных вашему величеству лиц.

Этим путем канцлер страхует себя от любого исхода переворота.

Вскоре появляются князь Трубецкой и граф Шувалов. Петр послал их в Петербург, чтобы они образумили гвардейцев и, в случае надобности, убили Екатерину. При виде вооруженной до зубов и охваченной единодушным ликованием столицы они предпочли явиться на поклон к новой царице.

Никогда еще планомерно и тщательно подготовленное восстание не приводило к такой быстрой, легкой и всеобъемлющей победе, как этот дилетантский, просто экспромтом устроенный переворот, в котором, несмотря на отсутствие надлежащей подготовки, каждый участник, словно по распоряжению невидимого режиссера, оказался на своем посту и выполнял свою роль с надлежащим пылом. Весь этот день подобен одному беспрестанно нарастающему модному аккорду, без малейшей дисгармонии, без малейшего фальшивого тона. Екатерина, не потерявшая ни на одно мгновение присутствия духа и не забывшая даже в максимальной суматохе отдавать малейшие распоряжения, находящая для каждого приветливое слово, сама захваченная порывом, охватившим народные массы, находится в зените своего величия. Только одной мелочи не хватает для того, чтобы эта исполинская горячо любимая Россия оказалась перед лицом всего мира ее собственностью, – свержения Петра.

Но этому яркому, сияющему, проникнутому жизнью летнему дню суждено закончиться не простым холодным указом, а зрелищем еще более величавым, еще более героическим, чем ее утренний въезд в город.

В десять часов вечера Екатерина переодевается в мундир князя Голицына (старый мундир Преображенского полка) и объезжает верхом свои войска в знак того, что приняла верховное командование над ними. Во время этого ночного смотра происходит один ничтожный, казалось бы, эпизод, который приобретает, однако, впоследствии огромное значение. Екатерина замечает вдруг, что забыла портупею. Немедленно выбегает из рядов войск молодой офицер и подает ей свою. На протяжении нескольких секунд Екатерина видит перед собой пламенное, молодое, прекрасное мужское лицо, слышит в ответ на свой вопрос неизвестную ей фамилию, и в следующее мгновение смелый юноша снова стоит в рядах своей роты. Но Екатерина никогда не забудет оказанной ей услуги, много лет спустя она вспомнит эту фамилию, прозвучавшую впервые в момент, когда она находилась на высоте счастья, и навсегда свяжет ее со своей личной историей и историей России.

Молодого офицера звали Григорий Потемкин.

В одиннадцать часов вечера четырнадцать тысяч солдат выступают из столицы по направлению к Петергофу, навстречу царю. Екатерина едет верхом впереди войск. Ее солдатская шапка обвита гирляндой из свежих дубовых листьев, ее длинные черные волосы развеваются, колеблемые порывом легкого летнего ветерка. Рядом с нею скачет, тоже верхом, Дашкова, также в мужском военном мундире, худенькая и стройная, как пятнадцатилетний мальчик. Сон и действительность, прошедшее и настоящее, миф и история сплетаются воедино в таинственно-серебристом полусвете этой северной ночи. Из бессознательных глубин раннего детства встает перед Екатериной носящее характер предчувствия воспоминание. То, что она переживает сейчас это воплощение ее первых грез: она сидит верхом на коне, как мужчина, имеет большее значение, чем любой мужчина в стране, и храбро выступает на борьбу с враждебным мужским началом, с мужчиной, который был ее законным господином не в силу своих личных достоинств, а только в силу своего происхождения и пола.

На протяжении тех утренних часов, в течение которых он оказался свергнутым с престола, Петр мирно спал. Отделенный только двумя-тремя часами езды от очага государственного переворота, весь императорский двор, включая и канцлера Воронцова, не имеет ни малейшего представления о событиях,

происходящих в столице.

В Ораниенбауме этого двадцать восьмого июня все идет так, как ежедневно. Петр встает довольно поздно, потому что накануне было изрядно выпито, принимает в одиннадцать часов парад своих гольштинцев, садится к столу и незадолго до двух часов весь двор отправляется в Петергоф. В свите государя находятся прусский посол Гольц, престарелый генерал Миних, Воронцов, Шувалов, Трубецкой и около двадцати дам во главе с толстой фавориткой Воронцовой.

Для короткой поездки пользуются "линейкой" – большим экипажем, в котором много мест, в котором пассажиры сидят спиной друг к другу. Это чрезвычайно оживленная и веселая поездка. На государе его прусский мундир, на дамах – пышные туалеты-гала, и они предохраняют свою нежную кожу маленькими зонтиками от палящего июньского солнца.

Впереди линейки скачет флигель-адъютант Гудович. По прибытии в Петергоф Гудович видит бледных смущенных лакеев, расстроенных фрейлин и ни малейших приготовлений к приему его величества.

– Что случилось?

– Государыня исчезла с раннего утра.

– Куда она девалась?

Об этом никто не имеет представления.

Гудович скачет обратно и добирается до царского экипажа в лесу, приблизительно в двухстах метрах от дворца. Неожиданная весть производит на веселое общество приблизительно такое же впечатление, как появление угрожающей градом тучи на крестьянина. Государь не хочет сначала и верить в исчезновение жены. Он просит дам сойти с линейки, мчится к дворцу, бегает там из одной комнаты в другую, раскрывает все шкафы, смотрит под кровати, ищет даже под матрацами и зовет Екатерину. Когда он прекращает наконец свои бесплодные поиски, появляются дамы, идущие пешком через парк.

– Не говорил ли я вам сегодня, – обращается Петр к своей метрессе, – что эта женщина на все способна?

Через несколько минут приходит во дворец запыхавшийся потный человек: это переодетый крестьянином гольштинский солдат, покинувший около десяти часов утра столицу, чтобы оповестить своего господина о происходящих там беспорядках. Он перешел Калинкин мост за несколько минут до того, как тот был загражден.

– Теперь вы видите, как я был прав! – восклицает Петр. – Она на все способна!

Никто не оспаривает его правоты в момент его поражения.

Дамы визжат, плачут и возмущаются предательницей-женой. Мужчины совещаются, что предпринять. Беспорядки, бунт недовольных гвардейцев, попытки Екатерины вызвать восстание, все это, конечно, тревожные, неожиданные вести, но это еще не основание для того, чтобы монарх мог усомниться в своем могуществе.

– Отправляйтесь во главе отборной свиты немедленно в Петербург, – советует генерал Миних, – и покажитесь гвардии. Напомните забывшим свой долг о принесенной ими присяге, пообещайте недовольным удовлетворить их претензии. Никто не осмелится прикоснуться к священной особе вашего величества. Припомните, что и Петр Великий в аналогичном положении спас свою корону личным выступлением.

Но Петр Третий не Петр Великий. Совет Миниха ему абсолютно не нравится. Он ни в малейшей степени не верит в силу внушения своей личности. Теперь, в тот момент, когда он должен постоять за себя, выясняется, что он только по воле случая и в силу рождения, но не благодаря внутреннему призванию оказался во главе народа. Ложную гордость последних месяцев с него как рукой сняло, и затаенный глубокий страх перед этим чужим ему народом, страх перед своим положением, которое всегда казалось ему не по плечу, дает о себе знать.

– Я не доверяю императрице, – говорит он, – она способна допустить, чтобы меня оскорбили.

Окружающие чувствуют, что он сам считает свою игру проигранной. Самые юркие изыскивают подходящие поводы для того, чтобы покинуть его. Воронцов отправляется в Петербург, чтобы "разбудить совесть Екатерины". Шувалов хочет "образумить гвардейцев". Трубецкой – чтобы, если понадобится, "велеть убить Екатерину".

Так как Петр не в состоянии принять никакого серьезного решения, то принимает десятки нелепых. Он рассылает ординарцев по всем направлениям, чтобы получить более точные сведения из столицы, рассылает курьеров в разные полки, чтобы отдать им приказание явиться в Петергоф. Отправляет гонца в Кронштадт и приказывает коменданту Нуммерсу доставить морским путем три тысячи солдат в Петергоф.

Четыре писца заняты тем, чтобы, опершись о железную ограду шлюза, записывать все те указы, которые им диктует Петр на протяжении одного часа. Большинство этих указов полны ругательных слов по адресу Екатерины. Тем временем на дорогах расставляют сторожевые посты, имеющие приказ дожидаться вестей из Петербурга. Но никакие вести не приходят. Волнение растет, ведь если бы восстание было подавлено, то государя об

этом немедленно известили.

Престарелый Миних снова вмешивается: пусть Петр немедленно отправляется в Кронштадт, где он, несомненно, найдет защиту и, главное, выиграет время. Последуй Петр этому совету, и его личная судьба, и русская история сложились бы, пожалуй, совсем иначе. Если бы он поехал в этот момент – было четыре часа дня – в Кронштадт, то прибыл бы туда раньше адмирала Талызина, был бы встречен там как император, в его руках был бы весь флот, он мог бы вступить в общение с расположенной в Лифляндии армией и выступить против мятежного Петербурга на суше и на воде с подавляющими силами.

Но Петр колеблется. Он не в состоянии принять определенного решения. Он хочет выиграть время, чтобы избегнуть необходимости решиться на что-нибудь, и теряет из-за этого возможность спастись. Он командирует в Кронштадт Девьера и Барятинского, отменяет свое прежнее распоряжение о присылке трех тысяч солдат и приказывает осведомиться у Нуммерса, готов ли город принять его. Одновременно с этим он вызывает из Ораниенбаума своих гольштинцев и велит им захватить с собой пушки.

Оба эти распоряжения имеют только один смысл: они служат отговоркой для того, чтобы бездеятельно прождать еще несколько часов.

В Петергофском парке палящее июньское солнце далеко не так себя дает чувствовать, как в городе. Стоит превосходная, приятная погода. Так как все равно необходимо дожидаться, то все прогуливаются в тени развесистых старых деревьев, шутят с дамами и по наступлении вечера приказывают накрыть к ужину в саду, выпивают, как обычно, немного лишнего. Никакие новые тревожные вести из Петербурга не портят настроения: из Петербурга не приходит вообще никаких вестей. Ни один из разосланных во все стороны гонцов не возвращается.

Как раз в тот момент, когда убирают со стола, появляются гольштинцы. В безупречных мундирах, с ярко начищенными пуговицами маршируют они размашистым прусским шагом и преисполняют сердце Петра старым привычным воодушевлением. Еще раз дано ему судьбой поиграть в свою любимую игру и забыть серьезность положения. Он размещает солдат в парке, обходит близлежащие более возвышенные места и выискивает подходящие позиции для установки пушек. Долгое время никто не решается сказать императору, что нарядные гольштинцы не имеют ни ружейных пуль, ни орудийных снарядов и что монарху вряд ли вообще подобает устраивать баррикады в одном из своих

увеселительных дворцов против штурма со стороны собственного народа.

К десяти часам вечера возвращается из Кронштадта Барятинский и докладывает, что город готов к приему его величества. Мужчины, окружающие Петра, которые давно поняли, что всякое сопротивление в Петергофе бессмысленно, и уже считают себя обреченными на гибель, толпятся вокруг императора и в один голос доказывают ему, что никакого другого выбора нет: Кронштадт является единственной и последней возможностью спастись. Одна галера и одна яхта снимаются с якоря и в одиннадцать часов отплывают по направлению к Кронштадту. Теряется опять-таки немало времени, пока все дамы в своих парадных туалетах усаживаются на галеру, пока кухня и винный погреб погружаются на яхту. Но, в сущности, уже все безразлично, потому что вскоре после отбытия из Кронштадта Барятинского туда прибывает адмирал Талызин, вручает Нуммерсу послание Екатерины и находит в лице Нуммерса старого врага гольштинцев. Несмотря на поздний час, созывают весь крепостной гарнизон и приводят его к присяге новой императрице. Так же поступают и с судовыми командами. Затем опускается цепь, преграждающая вход в гавань.

В час ночи императорская галера подходит к Кронштадту и бросает якорь в двадцати метрах от набережной. Караул с бастиона окликает: – Кто идет?

С галеры спускают шлюпку, которая подплывает к бастиону и требует, чтобы открыли вход в гавань. Караул отказывается это сделать. На галере не имеют ни малейшего представления о том, что произошло в Кронштадте с того момента, как Барятинский его покинул, и думают, что заграждение гавани произведено в целях защиты царя от мятежников. Поэтому Петр кричит:

Это я – сам император!

– Никакого императора больше нет! Отваливайте, иначе будем стрелять!

В тот же момент в крепости бьют тревогу. Ясно, что необходимо как можно скорее отплыть на такое расстояние, куда не могли бы долететь ядра крепостных орудий. Матросы гребут изо всех сил, яхта второпях разрубает якорную цепь, и в то время, как начинается бегство, бегство неизвестно куда, с крепостных стен доносится тысячеголосый крик:

– Да здравствует императрица Екатерина Вторая!

Теперь один только Миних, восьмидесятидвухлетний старик, сохраняет достоинство и требует от царя, чтобы тот, несмотря ни на что, боролся с судьбой по-царски. Он советует императору, умоляет его отправиться в Ревель к войскам и говорит:

– Я ручаюсь вам моей старой головой, что самое позднее через шесть недель вся Россия будет снова мирно лежать у ног вашего величества.

Но Петр, который еще вчера во что бы то ни стало хотел выступить походом против Дании, для того чтобы отвоевать маленький клочок Гольштинской земли, не в состоянии вести борьбу за собственное царство, борьбу за гигантскую Россию. Всю жизнь он играл в солдатики, а теперь он, даже не увидев еще ни одного вооруженного врага, капитулирует.

Он распоряжается, чтобы все возвратились в Ораниенбаум и вступили в переговоры с императрицей.

Миних спрашивает его с удивлением, неужели же он не сумеет умереть, если понадобится, во главе своих войск, как мужчина и повелитель. Но Петр и не слушает больше старика. Спустившись в каюту, он положил голову на колени своей возлюбленной и уснул крепким сном.

Галера берет направление на Ораниенбаум. Ночь на воде прохладна, придворные и дамы, ежась от холода, укрываются в каютах. Только старый Миних остается на палубе, устремив взор на звезды. Лишь несколько месяцев тому назад вернулся он из двадцатилетней сибирской ссылки, должно быть, завтра новая императрица опять арестует его в наказание за те советы, которые он давал своему молодому господину. Советы эти ни к чему не привели. Петр не тот человек, который мог бы им последовать. Если бы он был способен на это, то не было бы и надобности их ему давать: ему не пришлось бы бороться за свою корону, потому что потеря ее ему никогда бы и не угрожала.

С неописуемым ликованием выступили солдаты под начальством Екатерины из города. Но через несколько часов общее утомление дает о себе знать. В два часа ночи останавливаются около жалкой корчмы под названием "Красный Кабак", солдаты располагаются лагерем в открытом поле и варят себе похлебку, лошадей расседлывают. Екатерина и Дашкова занимают крохотную комнатку с единственной узенькой кроватью, на которую обе ложатся, не раздеваясь. Но они не в состоянии заснуть и занимаются составлением дальнейших манифестов.

Только авангард, предводительствуемый Алексеем Орловым, отправляется вперед и достигает Петергофа к пяти часам утра, застает его пустым и движется дальше по направлению к Ораниенбауму. По дороге туда они натыкаются на роту гольштинцев, которые, не имея представления о происшедших переменах, производят свои обычные утренние упражнения с деревянными мушкетами. В несколько минут гусары Орлова

опрокидывают гольштинцев, ломают их деревянное оружие и запирают их в сараи и амбары. Затем они скачут дальше, прибывают к шести часам утра в Ораниенбаум и без боя занимают все посты и входы.

Петр, опасаясь за свою жизнь, отдал сейчас же по прибытии в Ораниенбаум распоряжение о том, чтобы не оказывали ни малейшего сопротивления и уничтожили все, носящее характер укрепления.

Он написал также письмо Екатерине и отправил его с вице-канцлером Голицыным навстречу императрице. В этом письме он просит ее простить ему все его прегрешения, обещает исправиться и предлагает ей разделить с ним правление.

Голицын встречает императрицу приблизительно в тот момент, когда Алексей Орлов добирается до Ораниенбаума. Она в пять часов утра уже опять в седле. Не давая на письмо Петра никакого ответа, она тут же приводит Голицына к присяге и забирает его с собой. В десять часов утра она находится уже вместе со всем войском в Петергофе. Прошло всего тридцать шесть часов с того момента, как она уехала отсюда в жалкой наемной коляске.

Прибытие гусаров Орлова в Ораниенбаум удвоило страх Петра. К десяти часам утра он соображает, что Голицын не вернется, и что Екатерина, очевидно, отклонила его предложение. Тогда он отправляет с генералом Измайловым второе письмо, в котором отрекается от престола и просит разрешить ему уехать вместе с Воронцовой в Гольштинию.

Это весьма скромное и, несомненно, искреннее желание. Екатерина слишком знает своего супруга, чтобы не понимать, что он до глубины души рад был бы провести остаток своих дней в качестве герцога Голштинского, заполняя свое время парадами на казарменном дворе. Она не мстительна, не злопамятна, не жестока, это она доказала в других, психологически гораздо более сложных положениях. В качестве жены, женщины она от всей души предоставила бы смещенному с трона Петру мирно доживать свои дни в Гольштинии, но как императрица она не решается оставить бывшего монарха на произвол неведомой игры политических сил. Елизавета двадцать лет тому назад тоже не осмеливалась отослать брауншвейгскую семью на родину, а ведь Елизавета была дочь Петра Великого! Екатерина также того мнения, что спокойствие и прочность ее престола гарантированы только в том случае, если Петр будет находиться под надлежащей охраной внутри России.

Но для того, чтобы держать Петра под верной охраной, им необходимо прежде всего овладеть. Он как-никак окружен

тысячью пятьюстами гольштинцев – с ними, конечно, можно без особого труда справиться, но пришлось бы для этого пролить кровь, а Екатерине хочется осуществить переворот без человеческих жертв. В этом смысле она и отвечает генералу Измайлову.

– Ваше величество, считаете ли вы меня честным человеком? – спрашивает посланец Петра.

Екатерина отвечает утвердительно. – В таком случае я даю вам слово, что если вы меня отпустите, то я лично приведу вам государя сюда, он подпишет все, что вы от него потребуете, и я, таким образом, избавлю страну от гражданской войны.

Измайлов, во всяком случае, не безусловно честен: он, правда, обещает не больше того, что он в состоянии исполнить, но расценивает свою услугу выше, чем она того в действительности стоит. Он отлично знает, что у гольштинцев нет никакого военного снаряжения, что Петр сам воспретил какое бы то ни было сопротивление и находится в таком настроении, что можно рассчитывать на его абсолютную уступчивость. Екатерина не переоценивает генерала, она убеждена в том, что он действительно честно готов предать своего императора, и возлагает на него просимую миссию. Она только отправляет вместе с ним Григория Орлова. А для того чтобы бестолковому Петру не трудно было написать текст своего "добровольного отречения", Екатерина набрасывает его проект, каковой Петр впоследствии в действительности без малейших возражений подписывает.

Подписав отречение, Петр, опять-таки без малейшего протеста, позволяет усадить себя в коляску и отвезти в Петергоф. При нем находятся его адъютант Гудович и Елизавета Воронцова. По обеим сторонам дороги из Ораниенбаума в Петергоф стоят густыми шпалерами солдаты. От пламенного воодушевления вчерашнего дня уже нет и следа. На несчастного, свергнутого и беспомощного царя сыпется со всех сторон град насмешек, и когда он выходит у подъезда петергофского дворца из своей коляски, до него доносятся со всех сторон крики:

– Да здравствует императрица Екатерина Вторая!

Молча вручает Петр дежурному офицеру свою шпагу. Его отводят в те комнаты, которые он занимал, будучи великим князем. Здесь с него снимают Андреевский орден, он должен снять на глазах у зубоскалящих и издевающихся солдат свой мундир, и прежде чем он успевает переодеться в штатское платье, разнузданная плебейская толпа отпускает немало шуточек по адресу лишенного знаков отличия императора. Вскоре после этого появляется Панин, чтобы переговорить обо всем

необходимом.

Бывший царь опускается перед воспитателем своего сына на колени, пытается целовать его руки и плачет как дитя. Елизавета Воронцова тоже падает Панину в ноги и умоляет, чтобы ее оставили с ее возлюбленным. Этим выраженным ею желанием разделить участь несчастного Петра она искупает многие свои прежние вины и изобличает во лжи тех, кто утверждал, будто ее склонность к Петру объяснялась одним честолюбием. Но ее просьбу не исполняют.

"Петр просил меня оставить ему его метрессу, его собаку, его негра и его скрипку, – пишет Екатерина спустя несколько недель Понятовскому, – но для того чтобы избежать скандала и не увеличивать возбуждения его караула, я могла предоставить ему только три последние вещи". Это довольно слабая мотивировка и вопрос, почему победоносная Екатерина оставила не исполненной скромную и вполне понятную просьбу ее несчастного супруга насчет его возлюбленной, – довольно щекотлив. Этот вопрос соприкасается в известной степени с мрачной проблемой о кровавом конце Петра.

К пяти часам дня карета со спущенными занавесками покидает дворец. Гренадеры в полном вооружении стоят на подножках, на запятках и на козлах. В карете сидит Петр, с ним четыре офицера. Один из них Алексей Орлов. Целью поездки является Ропша, маленькое поместье в окрестностях Петербурга, где Петру надлежит провести несколько дней, пока для него будут приготовлены надлежащие апартаменты в Шлиссельбурге.

– Он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отправляют спать, – сказал человек, которому Петр поклонялся как Богу – Фридрих Великий.

Цель похода на Петергоф достигнута, государственный переворот совершился. В первый раз за два исполненных волнений дня Екатерина может спокойно поесть. В ее частных покоях накрыт стол на три персоны: для нее, княгини Дашковой и Григория Орлова. Но эта трапеза героини дня с ее двумя ближайшими пособниками не отличается особым уютом. Дашкова настроена отвратительно. За несколько минут до появления государыни у нее был резкиq спор с Орловым. Она застала его растянувшимся во весь рост на диване и занятым просмотром кипы пакетов в которых племянница канцлера немедленно распознала документы государственной важности.

– Как вы могли осмелиться вскрыть эти бумаги – спросила она с возмущением. – Все эти документы должны оставаться запечатанными до тех пор, пока императрица не назначит лиц, которым будет поручено управление государственными делами.

Не поднимаясь с дивана и не прерывая своей деятельности, Орлов отвечает:

– Императрица просила меня вскрыть эти письма.

Дашкова упорно продолжает возмущаться и в этот момент входит Екатерина. Ей и в голову не приходит возмущаться поведением Орлова или его неподходящей позой. Она просто распоряжается придвинуть столик с тремя приборами к дивану, чтобы молодой поручик мог продолжать лежать. Эта необычайная внимательность по отношению к Орлову мотивируется тем, что он повредил себе ногу.

"В это мгновение, – пишет Дашкова в своих мемуарах, – я пришла к тому несказанно мучительному и унизительному заключению, что между ними обоими существует связь".

Это звучит ужасно наивно, почти комично и по существу фальшиво. Горькое разочарование княгини вызвано вовсе не обнаружившейся человеческой слабостью ее обожаемой подруги, не постижением того, что этот грубый необразованный увалень является возлюбленным Екатерины, а мыслью о том, что Орлов в качестве любовника Екатерины очевидно играл во всем перевороте совершенно иную и гораздо более важную роль, чем это ей представлялось. Еще вчера она была счастливейшей в России женщиной, потому что думала, что именно ей в первую очередь обязана Россия своим новым монархом, теперь она первая, кто разочаровался в нем.

Екатерина это отлично чувствует. Она делает все что только может, чтобы привести Дашкову в хорошее настроение, говорит ей самые льстивые и благородные слова" но вместе с тем озабочена, как бы не испортилось настроение ее требовательного возлюбленного, а сама, кроме того, нервничает и морально подавлена теми жестокими мерами, которые ей пришлось применить к Петру. Петр плакал, когда к нему вошел Панин, целовал ему руки! Это некрасиво, недостойно мужчины – но это вместе с тем потрясает и невероятно гнетет ее душу.

Всего этого, однако, нельзя обнаружить, надо быть веселой и счастливой и сделать своих обоих сотрапезников возможно более счастливыми, так как она многим им обязана. Екатерина ощущает, что, в сущности, уже перешагнула через зенит своей жизни. Вчера, когда она скакала во главе ликующих войск в венке из дубовых листьев, был кульминационный пункт. Сегодня император свержен, враг пойман, она властвует над миллионами мужчин; решающий, все изменяющий шаг от мечты к ее осуществлению теперь сделан. Грезы, планы, несказанная напряженность подъема, молодость – все это уже позади. Перед нею бесконечно трудная задача исполнения всех обещаний.

"Самый незначительный гвардеец говорит себе при взгляде на меня: это дело моих рук", – пишет Екатерина несколько дней спустя Понятовскому.

Ее въезд в Петербург 30 июня (после того, как ей пришлось снова провести почти всю ночь в седле) был грандиозен. Было воскресенье, весь город на ногах и готовился к ее приему, все наряжены по-праздничному и держали в руках дубовые ветки, все полки маршировали с музыкой по улицам и со всех церквей несся торжественный колокольный звон. После невероятных тягот последних двух дней солдат в изобилии угостили водкой, они несли ее домой в киверах и манерках, и вечером весь город был поголовно пьян.

Около одиннадцати часов вечера, когда Екатерина только что улеглась спать, ее разбудил поручит Пассек, потому что измайловцы подошли к дворцу и настоятельно требовали, чтобы императрица еще раз показалась: какой-то пьяный гусар болтал о тридцати тысячах пруссаков, которые якобы наступают с целью свергнуть Екатерину, и измайловцы захотели во что бы то ни стало, с тупым упрямством пьяных людей, увидеть свою "матушку", и ни Пассеку, ни Орлову не удалось их урезонить. Екатерине пришлось опять одеться, чтобы заверить их, что она чувствует себя превосходно.

– А в будущем прошу вас слушаться ваших офицеров!

Солдаты просят прощения, их-де так напугали.

– Мы все готовы за тебя головы сложить, матушка!

– Ладно, спасибо вам, а теперь ступайте спать и дайте спать мне!

Этот эпизод также не лишен симптоматического значения. Требование любви и воодушевления вызывает обратное требование проявления тех же чувств, и императрица, пожелавшая опереться на народную волю для достижения власти, рискует теперь стать рабыней народа. Взаимное опьянение двух последних дней смело границы, сделало Екатерину как бы возлюбленной всего народа. Для того чтобы иметь возможность управлять этим народом, ей необходимо заставить его забыть, что она обязана ему своей властью. За воскресеньем должен последовать понедельник, за днями празднеств – дни работы, требовательная любовь должна смениться уважением.

В понедельник все питейные заведения города закрываются полицией, а некоторые из них подвергаются нападению и разгрому фанатично настроенной толпы. Приходится подвергнуть аресту нескольких особенно разбушевавшихся патриотов.

Екатерина щедро награждает всех, кто ей помог, и на протяжении трех дней знаки отличия, ордена и денежные

подарки сыпятся как из рога изобилия, но все же в результате число считающих себя обойденными не уступает числу награжденных. Каждый приписывает себе львиную долю успеха, считает полученную награду недостаточной, как бы велика она ни была. На четвертый день после ее воцарения к Екатерине является старик Бецкий, которому накануне за его услуги – он по поручению Орловых раздавал деньги солдатам – пожалованы были орден Александра Невского и три тысячи рублей. Он падает перед императрицей на колени и умоляет ее заявить в присутствии свидетелей, кому она была обязана престолом.

– Господу и воле народа, – отвечает Екатерина.

Тогда Бецкий срывает с шеи пожалованный ему орден и со слезами в голосе восклицает:

– Я несчастнейший из смертных, потому что моя государыня не признает моих заслуг. Я не желаю носить этот орден, если ваше величество не того мнения, что я был единственным пособником вашего величия.

Находчивость Екатерины сохраняет ей преданного друга, а старику Бецкому его рассудок.

– Я признаю, что обязана вам короной, – говорит она, – а потому и хочу получить ее из ваших рук. Сим уполномочиваю вас озаботиться изготовлением этой короны и ставлю в ваше распоряжение всех ювелиров страны.

Бецкий принимает эту шутку всерьез и удаляется с довольным видом. Но и Бецкий только симптом.

Гораздо грандиознее, чем щедрость по отношению к друзьям, великодушие, проявленное Екатериной по отношению к врагам. Во всей истории мира нет второго примера, где победитель до такой степени пренебрег бы местью по отношению к побежденным. Ни один из ее прежних противников не подвергается изгнанию или какому-либо другому наказанию. Даже у метрессы Петра Елизаветы Воронцовой, доставившей Екатерине столько унижений и замышлявшей против ее жизни, не падает ни волоска с головы. Она возвращается в дом своего отца, выходит впоследствии замуж, и Екатерина становится крестной матерью ее первого ребенка.

Приближаясь к самой темной главе из жизни Екатерины, мы должны твердо запомнить эту отличительную черту ее характера: Екатерина великодушна, чувство мстительности чуждо ей, ей чужды жестокость и мелкая личная злопамятность. Она, несомненно, честолюбива, но и ее честолюбие носит характер величия, потому что оно сверхлично. Она давно уже, с первого дня вступления на русскую землю, отождествила себя с Россией, ее любовь к России и честолюбие стали нераздельны, величие

России есть ее величие, счастье России – ее счастье, покой России – ее покой.

Ее покой есть покой России… Но может ли ее покой считаться обеспеченным до тех пор, пока еще существует Петр? В настоящий момент Петр не имеет во всей стране ни одного приверженца, воспоминания о его нелепом поведении еще свежи, все надежды возлагаются на новую императрицу. Но она ведь не сможет оправдать всех этих надежд…

Она отлично сознает, что можно осчастливить народ, но никоим образом немыслимо сделать счастливыми всех составляющих его людей. Что бы она ни делала, всегда окажутся недовольные. Именно потому, что все с таким напряженным интересом ожидают ее действий, ей предоставят слишком мало времени, чтобы оправдать оказанное ей доверие. Через несколько месяцев те, чьи надежды окажутся неосуществленными, станут винить в том ее, вспомнят, что она не имеет законных оснований занимать престол, начнут снова помышлять о Петре. Петр на престоле являл собою смешную фигуру. Петр в Шлиссельбурге, Петр узник – только несчастный, достойный сострадания человек. Сколько времени понадобится на то, чтобы насмешливое и презрительное отношение к нему сменилось сожалением? Сколько времени понадобится слабой человеческой памяти на то, чтобы сплести узнику венок из сострадания и недовольства, создать благочестивую легенду, превратить мученика в героя и в нового воплотителя несбывшихся надежд?

Вот те заботы, которые нарушают спокойствие и Екатерины, и России. О них не говорят прямо. Говорят только о плохом месторасположении Шлиссельбурга, находящегося в слишком непосредственном соседстве со столицей, о том, что Шлиссельбург не может противостоять штурму небольшого количества вооруженных людей. Говорят о той нелепости, что в одной и той же крепости держатся в заключении два русских императора (подросший Иоанн тоже находится там), в то время как престол занят чужой по крови немецкой принцессой. Поговаривают также о лучшем из "всех возможных решений" – скорейшей естественной смерти Петра. Основания для таких разговоров имеются, потому что 3 июля Петр начинает страдать коликами и сильными головными болями.

Петр никогда не отличался богатырским здоровьем, волнения последних дней на него очень повлияли, по дороге из Кронштадта в Ораниенбаум и во время краткого пребывания в Петергофе он неоднократно падал в обморок – разве нельзя допустить, что его слабый подорванный алкоголем организм окажется не в состоянии справиться со страхом и болезнью? Петр

потребовал своего гольштинского врача Людерса. Но гольштинец не имеет не малейшего желания разделять неопределенное время заключения со своим сверженным повелителем, он заявляет, что болезнь носит совершенно невинный характер и прописывает Петру слабительное. Звезда Екатерины, споспешествовавшая до сих пор ее взлету такой неправдоподобной серией счастливых случайностей, отказывает ей в "лучшем из возможных решений".

Екатерина не единственный человек, мечтающий о таком "решении". Те, кто вознесся вместе с нею, кто держится только ею, следовательно, в первую очередь братья Орловы, должны столь же горячо, а может быть, и еще пламеннее желать такого исхода. Орловы никогда не занимались изучением философии и проблемы прав человека, они солдаты и обладают моралью солдат. Человек в их глазах ценен лишь постольку, поскольку он полезен для отечества, а в настоящий момент Екатерина и отечество тождественные понятия. Орловы относятся к смерти чрезвычайно просто: они не боятся ее, не придают ей особого значения. Сегодня ты, а завтра я – вот и все, тут не о чем много разговаривать.

К шести часам вечера 6 июля из Ропши прибывает запыхавшийся гонец и вручает императрице, которая находится, к счастью, только в обществе гетмана Разумовского и Панина, письмо от Алексея Орлова. Оно написано неуклюжей рукой солдата, находящегося к тому же, очевидно, в нетрезвом состоянии, на грязноватом листке серой бумаги.

Письмо гласит:

"Матушка, милосердная Государыня… Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу; но как перед Богом скажу истину. Матушка!.. Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете… Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя… Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором (Барятинским). Не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебе принести и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил; прогневили тебя и погубили души на век".

В подлинности этого письма сомневаться не приходится. Только Достоевский был бы в состоянии несколькими мрачными штрихами так верно передать душевное смятение пьяного злодея, эту чисто русскую смесь звериной грубости с метафизическим страхом, этот элементарный порыв мучащегося греховного сердца. Письмо безусловно подлинно, подлинен и страх Алексея

Орлова перед гневом императрицы, – значит, она не давала поручения убить, хотя бы косвенно. Для каждого светского суда этот грязный серый листок бумаги послужил бы к полному оправданию Екатерины.

Более чем тридцать лет спустя ее сын Павел находит среди ее бумаг это письмо и восклицает:

– Слава Богу, наконец-то разъяснены все мои сомнения: моя мать не была убийцей моего отца!

Она не поручала убить Петра, но хотела его смерти, не могла не хотеть его в том положении, в котором она находилась. Смерти, естественной смерти, как "самого лучшего из всех возможных решений". Ну, а убийства?

Если она и не пыталась ни словом, ни благосклонным взором завербовать услужливую руку, которая осуществила бы ее затаенные мечты, то не играла ли она все же немного в руку Провидению, не дала ли ему случая привести в исполнение свои неисповедимые намерения? Она разлучила Петра с его возлюбленной, единственным искренно ему преданным человеком. Это первое. Второй факт сводится к тому, что Петра на протяжении восьми дней оставляли в Ропше, хотя еще 29 июня, то есть во время государственного переворота, отправлен был курьер в Шлиссельбург, чтобы привести там в порядок комнаты Для сверженного императора.

Вслед первому курьеру был отправлен 30 июня второй, который должен был озаботиться обустройством этих комнат, и 1 июля в Шлиссельбург были действительно доставлены некоторые предметы обстановки. Но потом прошло шесть дней, в течение которых ничего, ровно-таки ничего не было сделано в этом направлении. Ни в одном архиве нельзя найти ни одной строчки, написанной 1 июля и относящейся к переезду Петра в Шлиссельбург.

Это, правда, еще не есть убедительное доказательство: эти шесть дней Екатерина была настолько занята совещаниями, приемами и празднествами, что представляется вполне допустимым, что в суматохе, вызванной необходимостью издания настоятельнейших манифестов, распоряжений и указов, она отложила вопрос об интернировании Петра на потом, на более спокойное время. Это допустимо, хотя в первые дни вопрос о Петре и считался чрезвычайно спешным.

Несомненно, однако, что в отдаленной Ропше "неисповедимому Провидению" гораздо скорее мог представиться случай осуществить свои намерения, чем в тщательно охраняемой Шлиссельбургской крепости.

Как бы то ни было, если даже Екатерина до того момента, как

она получила ужасное письмо Алексея Орлова, не имела ни о чем представления и была совершенно неповинна, она становится с этого момента соучастницей, так как скрывает убийство, отрицает его, оставляет безнаказанным.

Могла ли она поступить иначе? Убийца – брат ее любовника. Уж этого одного было бы достаточно, чтобы повергнуть ее как женщину в невероятное душевное смятение. Этому убийце и его братьям она обязана в значительной степени своей короной, уже одно это обстоятельство создавало для нее как для человека величайшие затруднения. Но и помимо этого, помимо соображений частного, личного характера, Орловы были популярнейшими представителями совершенного государственного переворота, вся его подготовка неразрывно связана с именем Орловых. Привлечь к ответственности и покарать Алексея Орлова значило бы вызвать сомнения в непогрешимости героев переворота, вызывать сомнения и насчет самой Екатерины, означало бы открыть доступ волне беспорядков, смятению, беспокойству. Если Орловы держатся только благодаря Екатерине, то и она в данный момент, через восемь дней после переворота, неразрывно связана с популярностью и славой Орловых. Екатерина не может наказать Алексея Орлова по политическим соображениям, совершенно независимо от тех или иных личных моментов.

Екатерине не понадобилось много времени, чтобы осознать это, что бросает темную тень на моральную сторону ее личности и яркий свет на ее прозорливую мудрость. Через полчаса после того, как она получила ужасное письмо, оно уже исчезло в потайном ящике ее письменного стола и вышло оттуда на свет Божий только после ее смерти.

Она отлично понимает, что злые языки будут возлагать вину за убийство Петра на нее, и все же прячет единственный могущий ее оправдать документ, чтобы пощадить Алексея Орлова, она приносит чистоту своей репутации в жертву положению, спокойствию страны.

Час спустя она появляется на официальном приеме, сияющая и веселая, любезная по отношению ко всем, без малейшей тени на светлом ясном челе. Она великолепна и ужасна в этот вечер, ее способность притворяться вызывает в равной мере и восхищение, и ужас. Лишь на следующий день по оглашении официального манифеста о смерти Петра она дает волю своему подавленному настроению.

– Мое отвращение по поводу этой смерти несказанно, – плачет она на плече Дашковой, – это удар, повергающий меня в прах.

Народу сообщается, что Петр волею Божией скончался от припадка геморроидальных колик. Тело его перевозится в Александро-Невскую лавру и выставляется там, дабы народ мог проститься со своим бывшим государем. Наблюдательные и недоверчивые свидетели утверждают, что лицо Петра было черно, как у человека, умершего от апоплексического удара. Они обращают также внимание на то, что руки его, сложенные крестом на груди, – в больших перчатках с отворотами, а шея укутана широкой повязкой. Простому народу эти детали не бросаются в глаза. Он верит словам своей матушки-царицы и в неисповедимые пути Провидения.

Оно и лучше так, без сомнений! Наказание Орлова не воскресило бы Петра, но с первого же момента подорвало бы кредит правления Екатерины, парализовало ее способность работать, могло свести на нет всю ее добрую волю. Для Екатерины и для России это наилучший исход. Но… Но наряду с миром практическим существует еще и мир духовный, мир вечного, неприкосновенного права. И в этом мире Екатерина является, несомненно, виновной.

То, что сделали с Петром, было убийством, мало того – трусливым, безобразным убийством из-за спины, убийством беззащитного, лишенного прав узника. И убийство это не только остается безнаказанным, но убийца и его братья возводятся в графское достоинство и осыпаются знаками отличий. Поступая таким образом с убийцей своего мужа, Екатерина берет это убийство, хотела ли она его или не хотела, на свою совесть.

Но оно никогда не гнетет ее совесть. Никогда не является ей во сне призрак убитого, не ложится кошмаром на ее грудь, никогда не раскаивается она, никогда мучительное сознание вины не обременяет ее души. До самой своей смерти продолжает она быть убежденной в том, что Россия смертью Петра была избавлена от несчастья, а ее правлением осчастливлена. Григорий Орлов, этот грубый суровый солдат, увидит несколько лет спустя в ночь безумия перед своими расширенными от ужаса глазами окровавленный труп Петра, убитого, по всем вероятиям, по его поручению его братом, и в припадке отчаяния станет мазать свое лицо собственными испражнениями.

А Екатерина умрет тридцать лет спустя, смеясь. По ее адресу нельзя сказать ничего более ужасного и вместе с тем более великого, как то, что она взяла на душу отвратительнейшее кровавое преступление и что ее душа оказалась достаточно сильной для того, чтобы спокойно нести эту вину до конца дней.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава IX. Повелительница

Екатерина рождена для того, чтобы властвовать. И властвовать именно над Россией XVIII века, этой своеобразной исполинской страной, преисполненной бесконечных неорганизованных сил, находящихся в стадии развития. Но она – узурпатор, ибо, в сущности, обязана престолом только удавшемуся государственному перевороту.

Пройдет целых десять лет до тех пор, пока на место не хватающих ей наследственных прав станет право привычки, и в течение этих десяти лет Екатерина принуждена, чтобы остаться у власти и осуществить то, что она считает за благо, совершать сотни таких поступков, которые и она сама, и все расположенные к ней люди считают дурными. А когда по истечении этих десяти лет она будет держать скипетр в своих руках достаточно крепко для того, чтобы иметь возможность осуществлять идеалы своей юности, то сама она уже станет совершенно иной, и все прегрешения, совершенные ею во имя блага, оставят неизгладимый след на ее существе и ее воззрениях.

Но начинает она во имя добра. Начинает преисполненная пламенной веры в добро, справедливость и разум. Начинает как человек, десятки лет подготовлявшийся к выполнению своей задачи и готовый, несмотря на это, каждый день доучиваться, переучиваться и, если понадобится, пожертвовать всем передуманным ради потребностей данной минуты.

В момент ее восшествия на престол она имеет двух умных сотрудников, на которых можно всецело положиться: Панина и Бестужева. Обоим она благодарна, обоим доверяет, с обоими часто советуется. Но следует она только тем советам, которые кажутся ей правильными, подходящими. Ни одному из этих двух лиц никогда не удается повлиять на нее в решительных вопросах.

Она принимает свои решения совершенно самостоятельно, не признает никакого контроля, диктует свою волю. Но эта воля еще полна в то время свежего и неиспорченного духа гуманности. Впервые в истории России монарх задумывается о своем народе, видит в маленьком человеке не только объект для эксплуатации. Первые мероприятия Екатерины направлены против лиц, пользующихся привилегиями: она отменяет большую часть монополий, сдачу таможенных пошлин на откуп, предоставляет право свободной торговли некоторыми важными продуктами, запрещает вывоз зерна, чтобы понизить в стране цену на хлеб. Она еще не забыла своего Монтескье. Дух его витает над ее большим (хотя и оставшимся без практического значения)

манифестом против коррупции чиновников и продажности суда.

Странный фарс мировой истории: толстый Людовик остается глух к новой музыке, зазвучавшей в его стране, и кроты, подрывающие его трон, становятся бардами самодержицы всероссийской! Двойной фарс: духовный глава самого верующего на земле народа становится идеалом просветительной литературы. Духовенство встречает в лице Екатерины верного союзника в борьбе за власть над умами. Она молится и постится точно так же, как молилась и постилась "благочестивейшая императрица Елизавета".

Но то, что являлось у Елизаветы естественным, Екатерина делает только для внешности. Никто из представителей духовенства не имеет влияния на настроение и умо-воззрение, и в тех случаях, когда речь идет о светских вопросах власти, союзница превращается в противницу. В то время как Екатерина отправляется на паломничество в Троицкий монастырь, куда так часто ездила Елизавета, назначенная ею комиссия занимается разработкой вопроса о секуляризации церковных имуществ. В этом единственном пункте Екатерина не считает своего покойного супруга неправым: секуляризация является неотложной государственной необходимостью. И чем очевиднее становится эта необходимость, тем истовее обнаруживает Екатерина свою благочестивость. Секуляризация церковных имуществ не только завершает дело Петра Великого, лишая духовенство его безграничной власти и превращая его в платных чиновников государства, она дает кроме того свободу более чем миллиону крестьян.

Если Екатерина желает управлять в духе Монтескье, то она должна усматривать центральную проблему в отмене крепостного права. Это не только проблема свободы личности в ее простейшей, примитивнейшей форме, это, помимо социальной проблемы, и проблема духовная, не терпящая компромиссов. Речь идет не о том, чтобы облегчить положение крепостных, уменьшить их количество наполовину или на три четверти. Если Екатерина и впрямь желает управлять, опираясь на волю народа, то в ее стране вообще не должно было бы быть рабов.

По филологической иронии русского языка крепостные именуются "душами", и средней ценой "души" считается тридцать рублей. Что бы ни совершила Екатерина для блага своей страны, для ее величия, славы и цивилизации, все это – с точки зрения гуманности – остается штукатуркой, фасадом, праздным отводом глаз до тех пор, пока в стране существуют люди, которых можно продавать, как животных, души, лишенные права распоряжаться своими телами.

"О, свобода, душа всех вещей, без тебя все мертво", – пишет Екатерина. Но если свобода самая драгоценная на земле вещь, то нетрудно высчитать стоимость всего того, чего достигает Екатерина, опираясь на рабство своих подданных: меньше тридцати рублей.

Как раз при попытке разрешения этой самой жгучей из всех проблем Екатерина испытывает самое суровое столкновение с действительностью. Это столкновение происходит в первые же недели правления и чрезвычайно характерно, что она никогда не упоминает об этом решающем эпизоде, предпочитает выслушивать все упреки в непоследовательности, но не сознаться в том поражении, которое понесла ее оптимистическая вера в людей.

Положение крепостных не повсюду одинаковое. У благоразумных помещиков, понимающих, что в их собственных интересах "беречь и кормить свою дойную скотинку", крепостным живется ненамного хуже, а в некотором смысле даже спокойнее, чем остальному европейскому земельному пролетариату. Но в фабричных и горнозаводских районах их жизнь сплошной ад.

Купленные мужики дешевле всего прочего рабочего инвентаря, и соответственно с этим их меньше щадят, их рабочее время не ограничено, их питание сведено к минимуму, телесные наказания применяются беспрерывно. Никаких гигиенических или профилактических мероприятий нет и в помине, работа в рудниках не только адски тяжела, но сопряжена с опасностью для жизни.

Уже в правление Елизаветы в среде этого несчастного пролетариата происходили неоднократно бунты, и в этих случаях вызывались всегда близлежащие войска, и зачинщики образумливались соответственным количеством ударов кнута. 8 августа 1762 года, то есть на шестой неделе своего правления, Екатерина издает манифест, посредством которого она надеется подрубить зло в корне: она запрещает собственникам заводов и рудников покупать крепостные души и требует, чтобы они удовлетворялись вольнонаемными, свободными, снабженными паспортами, рабочими, уплачивая им соответственное вознаграждение по договору. Пишется также проект последующего указа, которым должен быть совершенно отменен принудительный труд.

Екатерине никогда не придется издать этот указ, потому что все происходит совершенно иначе, чем она предполагала. Екатерина знает народ только по французской литературе и имеет о нем такое же идеализированное представление, какое имели французские писатели до того времени, пока

пробужденные ими от сна и впрямь проснулись, чтобы доказать разбудившим их, что они мечтатели. Екатерина разочаровалась в действительности на тридцать лет раньше, чем Мирабо и Бомарше: не успевает дойти до провинции ее указ, желающий превратить продажных рабов в свободных людей, как мужики по большей части просто бросают работу, отправляются в соседние районы и мутят там своих товарищей, собирают подписи с целью организации всеобщей забастовки, избивают тех, кто продолжает ходить на работу в рудники, громят их дома, распространяют подложные манифесты. Освобожденные рабы, вместо того чтобы стать благодарными подданными, превращаются в диких опасных бунтовщиков.

Бунт может привести к самым тяжелым последствиям. Дело идет не только об ущербе, наносимом фабрикантам и владельцам рудников, но и о государственном порядке, которому угрожает опасность со стороны разгуливающих повсеместно толп безработных и разносящих смуту крестьян. Необходимо их образумить, заставить вернуться на работы. Впоследствии, утешает себя Екатерина, впоследствии она расследует зло до корня, воспитает этих людей, сделает их зрелыми для свободы; в данный же момент ей не остается ничего другого, как сделать то же самое, что делали ее предшественники: она посылает для борьбы с мятежниками несколько полков под верховным командованием князя Вяземского. При прежних бунтах достаточно было кнутов, теперь же Вяземский пускает в ход пушки.

Несколько позднее положение горнорабочих в известной степени улучшается. В царствование Екатерины казна приобретает значительную часть рудников и обращается с работающими в них крестьянами значительно лучше, чем это делали частные капиталисты. Но это только небольшая практическая реформа. Она не имеет ничего общего с идеей свободы. Эта идея стала для Екатерины далеким религиозным словом, которое она всю свою жизнь повторяет, подобно тому, как продолжают повторять слово "Бог" люди, давно утратившие веру.

В вопросах внешней политики Екатерина так же мало прислушивается к советам Бестужева, как в вопросах внутренней политики к советам Панина.

На другой же день после своего восшествия на престол она призывает в Петербург того, кто первым подумал о возможности возложить на ее главу российскую корону, кто конспирировал для нее, кто молчал и прожил из-за нее четыре года в изгнании. Она высылает ему навстречу своего нового старшего камергера, графа Григория Орлова, принимает его с распростертыми объятиями

как любимого отца, отводит ему квартиру в Летнем дворце и кормит от собственного стола. И все же обе стороны тяжело разочарованы.

Бестужев стал стар – не потому, что постарел на четыре года, а потому, что на протяжении этих четырех лет оставался вдали от сменяющихся событий и поэтому не изменился. Он все еще верит в свою старую систему, в единоспасительную политику европейских союзов. Екатерина же давно поняла, что исполинская, независимая и именно вследствие своего полуварварского состояния не могущая быть оккупированной Россия от каждого союза может только потерять. Россия должна занять такое положение, при котором она находилась бы в мире со всеми европейскими державами, была бы им желанной и при этом исподволь бы руководила ими всеми. Петр Великий готов был заплатить любую цену за одно только право играть в европейском оркестре, а Екатерина, уже после нескольких недель пребывания у власти, хочет стать дирижером этого оркестра.

Уже в марте 1763 года на курляндском троне сидит герцог милостью Екатерины – Бирон. Проходит немного времени, и на польском троне восседает король милостью Екатерины – Понятовский.

Она никогда не переставала обмениваться с ним корреспонденцией – любовными письмами. Понятовский имеет все основания считать себя тайным женихом Екатерины. Когда она, вследствие смерти своего супруга, вступает на престол, он считает дни, когда она наконец, во исполнение своих прежних обещаний призовет его к себе. Он ничего не знает об Орлове или по крайней мере считает невозможным, чтобы этот грубый необразованный солдат мог означать для Екатерины что-нибудь другое, кроме мимолетного чувственного увлечения. А Екатерина все не решается сказать ему полную правду.

Она заклинает Понятовского пощадить ее еще не упрочившееся положение, утешает его надеждами на будущее и вместе с тем показывает ему, как ребенку, которого хотят отвлечь от его каприза, новую соблазнительную игрушку: корону Польши.

Понятовский никогда не помышлял об этой короне. Он не чувствует в себе никаких способностей быть королем, терпеть не может Польши, его честолюбивый идеал сводился всегда к тому, чтобы играть блестящую роль при каком-нибудь приятном иностранном дворе. Новая игрушка его сначала нисколько не соблазняет. "Я был бы в тысячу раз охотнее послом в непосредственной близости от вас, чем королем здесь", – пишет он Екатерине. Но она остается глуха к этой лести и настаивает на осуществлении своего желания. У нее имеется для этого три

веских причины: она хочет, во-первых, держать Понятовского вдали от своей особы, хочет, во-вторых, щедро вознаградить его за потерю ее особы, хочет, в-третьих, господствовать при его посредстве над соседней страной.

Еще в бытность свою великой княгиней Екатерина отметила, что в интересах России, чтобы Польша продолжала пребывать в состоянии своей "счастливой анархии". Циничное выражение, потому что она отлично понимала, что царящая в Польше анархия составляет счастье не Польши, а России. Она твердо решила в один прекрасный день проглотить Польшу, подобно тому, как играющая с мышью кошка готовится ее проглотить. Но момент для этого еще не наступил, страна эта должна быть сначала еще больше ослаблена, погружена в еще больший хаос, сделана еще более зависимой. Для этого Польше необходим слабый, непоследовательный, всецело находящийся в зависимости от Екатерины король – Понятовский.

В сентябре 1763 года умирает Август III. Екатерина немедленно начинает развивать необычайную активность. Для того чтобы повлиять на "свободное избрание" (в Польше короли избираются сеймом), существует два верных способа: деньги и насилие. Екатерина решается прибегнуть к обоим. Но не только она одна заинтересована в выборах польского короля. Для того чтобы провести своего протеже Понятовского, она должна столковаться с Австрией, Францией, Пруссией и Турцией. Мало того, необходимо еще подумать о том, как заставить свободный народ избрать в короли нужного ей кандидата. Разумеется, только силой оружия.

На дипломатическом языке это называется "гарантировать свободные, не находящиеся ни под чьим влиянием выборы". Фридрих Прусский, очень быстро сообразивший, что Екатерина имеет больший, чем он, интерес в продолжении состояния "счастливой анархии" в Польше, одновременно с изъявлением своей готовности охранить свободу Польши заявляет о желательности русско-прусского союза. Это контрпожелание мало улыбается Екатерине.

Она лично не имеет ничего ни против Фридриха, ни против союза с Пруссией, но это могло бы напомнить людям о Петре III. Сначала она посылает ему вместо проекта союзного договора – арбуз из Астрахани. Фридрих рассыпается в благодарностях. "От астраханских арбузов чрезвычайно далеко до польского сейма, но вы умеете включить все в сферу вашей активности. Та самая рука, которая одаривает фруктами, – распределяет троны и поддерживает европейский мир, за что я и все, заинтересованные в польских делах, будем вас благословлять".

В марте 1764 года переговоры переходят из области обмена любезностями в область реального. Между Пруссией и Россией заключается оборонительный договор и в тот же день обе стороны обязуются применить все меры, вплоть до силы оружия, буде к тому представится необходимость, на тот случай, если бы кто-нибудь попытался воспрепятствовать свободному избранию Польшей короля или нарушить существующую конституцию этой республики.

Франция объявила, что ей безразлично, изберет Польша того или иного короля. Но в действительности это не так. Понятовский и его проанглийское влияние на Екатерину там еще очень в памяти. Галантные французы просто неправильно расценивают интерес, обнаруживаемый Екатериной к избранию Понятовского, думают, что здесь играют роль мотивы галантного свойства и что дело идет о снабжении намеченного ею себе супруга, подходящим титулом.

Французы действуют не прямо, а через Турцию. В июне 1764 году великий визирь вручает ноту, в которой Порта признает русско-прусский союз, одобряет проект избрания польского короля из рода Пястов, но протестует против одного из возможных кандидатов – Понятовского. Он-де слишком молод, неопытен и – что в глазах Порты является самым веским аргументом – холост. Брак, заключенный по его собственному выбору, может-де явиться средством усилить могущество короля в ущерб соседним державам.

Намек достаточно ясен. Требуется, чтобы он немедленно устранил это препятствие и еще до выборов женился на какой-нибудь знатной польке. Понятовский противится и заявляет, что предпочитает отказаться от короны.

"Меня занимала в то время только одна мысль, – пишет он в своих мемуарах, – что российская императрица рано или поздно все же захочет выйти за меня замуж. Без нее корона казалась мне не имеющей никакой ценности.

Посреди всех интриг, интервенций, политических комбинаций, дипломатических нот и переговоров он остается до последней минуты частным человеком, слепо-доверчивым влюбленным, не желающим лишиться последней надежды. Эту надежду у него отнимают. Русский двор, то есть сама Екатерина, доводит до его сведения, что считает чрезвычайно желательным, чтобы он еще до созвания сейма женился или по крайней мере обручился. Понятов-скому приходится понять, что любимая женщина им окончательно потеряна. Он подписывает договор об условиях избрания, коим, между прочим, обязуется не жениться без согласия сената и, во всяком случае, жениться только на

католичке.

16 августа собирается сейм. Русские войска переходят границы Польши, прусская армия стоит наготове – двести тысяч штыков гарантируют "свободное беспрепятственное избрание польского короля". Избрание литовского стольника Станислава Понятовского происходит спокойно и единогласно. "Поздравляю по поводу избрания нового короля, которого мы создали", – пишет Екатерина Панину. Самого нового короля она в течение шести недель забывает поздравить.

Через два года после своего вступления на престол Екатерина может с удовлетворением оглянуться на ряд успешно выполненных работ. И все же на протяжении этих Двух лет не было ни одного дня, когда она могла быть уверенной в прочности и незыблемости трона.

За исполненным энтузиазма петербургским переворотом последовал более чем прохладный прием в Москве. Она притворилась, будто не замечает этого, и пишет во все стороны, что настроение первопрестольной столицы не оставляет желать ничего лучшего. Только английскому послу удалось как-то подметить тень заботы на ее челе, и в момент глубочайшей подавленности она сознается ему что "не вполне счастлива".

Это происходило в октябре 1762 года, в те дни, когда был раскрыт и подавлен в зародыше заговор братьев Хрущевых и поручика Гуршева. По существу своему это была довольно безобидная вещь: несколько подвыпивших офицеров под влиянием винных паров говорили о том, что по закону престол должен бы занимать находящийся в заключении царь Иоанн и что вскоре снова произойдут, должно быть, перемены. Но для Екатерины эти разговоры кажутся симптоматичными. Сколько Хрущевых, сколько Гуршевых имеется в армии? Не прошло и шести недель с тех пор, как эта армия встала за нее, как один человек. Сколько человек вспомнило за этот короткий промежуток времени о том, что на престол возвели женщину, не имеющую на него законных прав? Лица людские непроницаемы, никто не может увидеть сквозь мундиры, что творится в сердцах солдат.

Сенат приговаривает заговорщиков к смерти – Екатерина милует их. Гуршевых, Хрущевых и подобных им болтунов она не боится, пусть они сохранят свою жизнь. Есть некто другой, выступающий из следственного производства в качестве гораздо более опасного и страшного противника, другой угрожает ее спокойствию, ее трону, и этого другого она в глубине своей души приговаривает к смерти, хоть он и невиновен, как младенец в колыбели. .

Но в качестве лежащего в колыбели младенца он был законно коронован в российские императоры… Гуршевский заговор был раскрыт Григорием Орловым. Полгода спустя несколько офицеров организуют заговор против Григория Орлова. Это его прежние товарищи, несколько лучших людей из числа тех, которые вместе с ним – с тех пор не прошло еще и года – возвели Екатерину не престол: поручики Хитрово, Рославлев и Ляскунский. Гнездом заговора является Измайловский полк, тот полк, у которого Екатерина искала защиты и помощи во время ее памятной поездки из Петергофа в Петербург и который первый провозгласил ее императрицей. Что так озлобило за этот короткий промежуток времени измайловских офицеров против так горячо ими прежде любимого товарища, что они замыслили его убить?

Мотив ясен – ревность. Офицеры сделали для Екатерины то же самое, что и Орлов, они конспирировали, вербовали сторонников, рисковали своими головами, как и он, и получили за это какие-то ордена или пару тысяч рублей, Орлов же возведен в графское достоинство, получает сто пятьдесят тысяч рублей жалования в год, он любимец императрицы, один из могущественнейших людей в России. Один из могущественнейших? Хитрово утверждает, что Орлов на пути к тому, чтобы стать самым могущественным, так как Екатерина-де уехала с ним в Ростов, чтобы там обвенчаться. В интересах России это необходимо предупредить.

Екатерина квалифицирует утверждение Хитрово как "злую сплетню, изобретенную только с целью повредить ей в глазах ее подданных". Ее поездка в Ростов действительно не имеет ничего общего с Орловым, она предпринята была исключительно для поклонения мощам св. Дмитрия. Она действительно не имеет намерения ни сейчас, ни впоследствии превращать своего красавца-любовника в законного супруга. И все же утверждение Хитрово не просто злая выдумка. Оно не лишено реальных, хотя и очень запутанных оснований.

Отношения Екатерины к Орлову довольно сложны, но не потому, что она является сложным человеком, а потому, что таковым является Орлов.

Екатерина встает в пять часов утра и работает пятнадцать часов в сутки. Только в поздние часы ночи, по завершении всех функций представительства, непосредственно перед тем, как погрузиться в глубокий, вызванный утомлением сон, может она на короткое мгновение, жадно и наскоро отдаваться отпущенному природой на ее долю личному счастью. Ее любовь подобна любви всех крупных дельцов: проста, чрезвычайно сентиментальна и

очень беспомощна. У нее нет времени на кокетничанье, на мечты, на игру. Вот почему ее совесть по отношению к ее возлюбленному всегда нечиста, вот почему она осыпает его фантастическими подарками, подобно тому, как крупные дельцы осыпают своих жен бриллиантами, потому что чувствуют, что все то, что совершается в прочих областях жизни, представляет собой дефект в волшебной области любви, ибо любовь требует для себя всего человека безраздельно.

Но разве Орлов требует от Екатерины именно любви? Не ищет ли он только тех внешних выгод, которыми она столь расточительно, подобно восточной богине, ежедневно одаривает его и его братьев? С внешней стороны это выглядит именно так. Кажется, будто Орлова связывает с Екатериной только беспредельное честолюбие и безграничное тщеславие, подобно тому, как и "господина Помпадура" графа Шувалова связывали с Елизаветой только эти чувства. Но Орлов отнюдь не мужчина-кокотка. Он просто мужчина. Более того – он варвар. Нет ничего сложнее варвара, говорит Флобер. В этом графе Орлове, избалованном фаворите Екатерины, все еще сидит тот отчаянно-храбрый офицер, который, несмотря на торчащие в его теле три вражеские пули, не покидает своего орудия и с риском для собственной жизни похищает потом возлюбленную своего начальника.

Честолюбие и тщеславие сыграли тогда известную роль. Сыграли свою роль честолюбие и тщеславие в ту пору, когда он влюбился в великую княгиню Екатерину. Но это было сопряжено и с опасностью, а устраивать заговор против императора и готовить переворот в пользу Екатерины было сопряжено с чрезвычайно большой опасностью. В ту пору он и Екатерина были в известной степени равны, потому что, рискуя за нее своей жизнью, он сглаживал разницу их общественного положения. Тогда он мог сделать и сделал для нее больше, чем она сделала для него. Тогда между ними и не происходило внутренних конфликтов.

Но как только Екатерина стала императрицей, дело приняло совершенно иной оборот. Орлов упорно пытается и дальше смотреть на Екатерину, как на свое творение. В интимной беседе с гетманом Разумовским он похваляется, что ему понадобилось бы не больше четырех недель для того, чтобы свергнуть Екатерину с престола.

– Возможно, – отвечает ему спокойно старик Разумовский, – возможно, сынок. Но за две недели до того мы бы тебя уже повесили.

Ответ Разумовского остроумен и меток, он попадает Орлову

прямо в сердце. Орлов начинает понимать, что, невзирая на все происшедшее раньше, он является теперь только творением Екатерины, ее возлюбленным, ее любовником, ее фаворитом, мужчиной, которого награждают за то, что он нужен своей повелительнице. Он, правда, принимает все награды, позволяет возвести себя в графское достоинство, получает сказочное жалование за исполнение ничтожных служебных обязанностей, потому что он тоже честолюбив, тщеславен и прежде всего безумно расточителен. Но мужчина, здоровый варвар, в нем возмущается, протестует против этой неестественной ситуации.

До вступления Екатерины на престол между ними никогда не происходило ссор, теперь они ссорятся почти ежедневно, и зачинщиком ссор является неизменно Орлов, а Екатерина делает все возможное для того, чтобы их улаживать. Потому что Екатерина настроена миролюбиво, как все люди, которые ищут в любви счастья.

Орлов же далек от счастья. Он решается на то, чего никогда не делал ни один фаворит: изменяет Екатерине и притом открыто. Это не образ действий для человека, руководимого одним честолюбием, тот поостерегся бы поставить на карту свое положение и все с ним сопряженные выгоды. Орлов обманывает Екатерину именно за те выгоды, которыми он пользуется благодаря ей, за все ее подарки, обманывает потому, что он в качестве мужчины и варвара ненавидит ее за все, что она ему дает, и еще больше за все то, чего он ей не может больше дать: своей защиты, силы, презрения к смерти. Он обманывает ее потому, что ему нужны женщины, по отношению к которым он может играть роль стоящего выше, более сильного, дарящего. Он изменяет ей, чтобы доказать и ей, и самому себе, и всему свету, что он в любой момент готов Рискнуть милостью императрицы ради удовлетворения своих чувственных мужских капризов.

Его капризы доставляют Екатерине нестерпимые мучения. Она страдает из-за самой ничтожной фрейлины, именно так, как страдает влюбленная и чрезвычайно ревнивая женщина, и постоянно прощает Орлову его измены, как их прощает всякая любящая женщина тому единственному мужчине, которому бесповоротно принадлежит ее кровь. Потому что Орлов есть именно тот человек, которому принадлежит вся кровь Екатерины. Он ее "великая любовь", несмотря на большое количество мужчин, которые явятся его преемниками, несмотря на Потемкина, который представляет собою гораздо более крупную фигуру, чем Орлов, и сыграет значительно более важную роль, чем он. "Он оставался бы вечно со мной, – пишет она Потемкину об Орлове, – если бы не страдал от скуки".

Между этим признанием и первой изменой Орлова лежат почти десять лет. Десять лет просто невероятной снисходительности и терпения. Екатерина, должно быть, проявила бы по отношению к своему неверному любовнику и больше гордости, и больше энергии, если бы не стояла настолько выше его и по уму и по образованию. У нее совершенно правильное ощущение, что ей необходимо вознаградить его за все существующие между ними различия. Именно то, что побуждает Орлова изменять ей, лишает ее возможности реагировать надлежащим образом на его измены. Она держит его в руках потому, что она госпожа, он же держит ее в руках потому, что может заставить ее страдать.

Но у нее нет времени на страдания. У нее едва хватает времени на счастье, какой-нибудь часок в сутки. Страдание требовательнее. Она не может ни отдаться страданию, ни преодолеть его достойным образом, а потому лишь наскоро, торопливо заклеивает его купленными какою бы то ни было ценой пластырями. Вот тебе дворец, только оставь немедленно жену этого сенатора, я не в состоянии снова видеть твои ухаживания за нею. Вот тебе огромный бриллиант, но только перестань дуться на меня, скажи, что ты меня любишь, докажи мне это, чтобы я могла спокойно спать хотя бы несколько часов, потому что в пять часов утра я уже должна сидеть за письменным столом с ясной головой и принимать важные решения.

Это неравная борьба. Требования Орлова становятся все безмернее. Он хочет стать законным супругом Екатерины, может быть даже и императором. Если уж принимать плату, то самую грандиозную. Величие все искупает и облагораживает. Для императора не существует предрассудков, законный супруг – не мужчина-куртизанка. Фатальным образом именно это желание Орлова совпадает с пожеланиями куртизанок, которые ведь все мечтают о том, чтобы на них женились. Екатерина не решается ответить ему простым "нет": ведь он держит в своих руках покой ее сердца. А, кроме того, свадьба – это такая цена, которой можно манить, за которую можно купить много пластырей.

Она не говорит "нет". Посмотрим. Надо разузнать, как поступала в свое время Елизавета с Разумовским. Однажды ночью она отправляет канцлера Воронцова к старому украинцу. Разумовский сидит как раз у камина и читает библию. Молча выслушивает он ночного посланца, молча поднимается, открывает драгоценный ларец из слоновой кости, вынимает из него пергаментный свиток, завернутый в старый бледно-розовый атлас, все это он делает медленно и торжественно. Розовый атлас он кладет обратно в ларец, пергамент крепко прижимает

несколько раз к губам, осеняет себя со слезами на глазах крестным знамением перед образом – затем бросает пергамент в огонь камина.

– Передайте ее величеству, что я никогда не был ни чем иным, как только преданным рабом покойной императрицы Елизаветы Петровны, – говорит он Воронцову.

Когда Воронцов возвращается к Екатерине с этой вестью, она долго смотрит на него испытующим взором.

– Мы понимаем друг друга, – говорит она, – между Елизаветой и Разумовским никогда не существовало ни какого тайного брачного союза. Я никогда не доверяла этим слухам.

Таким образом, прецедента больше не существует. Действовал ли Разумовский по собственной инициативе, или во исполнение поручения Екатерины? Этого мы не знаем и никогда не узнаем. Она, во всяком случае, проявляла по отношению к нему вплоть до самой его смерти величайшее благоволение.

Но Орлов не так скоро отстает. Разумовский был всегда, в сущности, только красивым мужчиной, тогда как он, Григорий, и его братья возвели Екатерину на престол. Он снова начинает изводить Екатерину своими настроениями и капризами, и она снова как будто уступает ему. Бестужев, этот заржавелый политик, но все же могущий пригодиться интриган, вдруг начинает собирать среди высшей знати, членов сената и представителей духовенства подписи под петицией Екатерине, чтобы побудить ее к вступлению во второй брак. Поводом этой петиции выставляется забота о Престолонаследии – оно не вполне обеспечено ввиду хрупкого здоровья цесаревича. В петиции выражается пожелание, чтобы Екатерина вступила в брак не с иностранным принцем, а с каким-нибудь пользующимся всеобщей любовью русским дворянином – этим делается довольно откровенный намек на Орлова.

Несколько наивных лиц действительно ставит свою подпись под этой петицией. Наконец она попадает к Панину, который немедленно ходатайствует перед Екатериной о предоставлении ему аудиенции и спрашивает у нее с глазу на глаз, уполномочила ли она Бестужева на то, что он делает. Екатерина отрицает это. Она читает в глазах Панина мнение придворных кругов по поводу такого ее брака: мнение это уничтожающе.

Еще более уничтожающее впечатление производит заговор Хитрово. До сих пор Орлов верил в то, что его в армии ужасно любят. Теперь он убеждается в том, что любви этой нет и в помине, что даже его прежние приятели не примирились бы с дальнейшим ростом его влияния. Хитрово открыто и мужественно заявляет на допросе, что считал бы национальным несчастьем

брак между Екатериной и Орловым и скорее убил бы и Григория Орлова, и всех его братьев и понес бы все с этим сопряженные для него лично последствия, чем допустил бы такое несчастье. Дальнейшее дознание обнаруживает, что Хитрово не оригинал-одиночка, что его мнение является выражением мнения всех солдат, это, так сказать, мнение народа. Орловы слишком высоко занеслись, получили больше того, Что может снести зависть.

Но Хитрово сообщает еще больше: он говорит, что Екатерина перед своим восшествием на престол подписала обязательство, согласно которому должна была править только до совершеннолетия наследника, и что это ее обязательство Орловы уничтожили после ее воцарения. Если уж императрица желает выйти во второй раз замуж, говорит он, то пускай выходит за человека царской крови, лучше всего за какого-нибудь родственника заключенного царя Иоанна, для того чтобы попранное право было восстановлено.

Все эти разговоры происходят в тайных комиссиях. Дело не попадает в суд, Хитрово и его сообщников смещают с должностей и ссылают в отдаленные области России в административном порядке (Екатерина великодушна по отношению к болтунам). И все же это дело вызывает больше толков, чем было бы желательно императрице. Она прибегает к старому мероприятию, введенному еще Петром Великим и приводящему обычно, несмотря на всю его поразительную примитивность, к благоприятным результатам. На всех площадях, во всех больших городах России бьют в барабаны, и герольды возвещают сбегающемуся толпами народу, что каждый приглашается заниматься своим делом, а не праздной болтовней и критикой правительственных мероприятий.

И послушные верноподданные возвращаются к своим обычным занятиям, а дело Хитрово так же скоро зарастает травой забвения, как в свое время гуршевское дело. Проект о вступлении в брак с императрицей погребен, воле народа принужден подчиниться даже заносчивый Орлов. Екатерина имеет от всего дела Хитрово только выгоду.

Но, как-никак, и в деле Хитрово выражались сомнения относительно ее прав на престол, снова называлось имя заключенного Иоанна. Это имя упоминается все чаще и чаще. Панин как-то получает анонимное письмо, в котором говорится, что императрицу отошлют на ее родину, Орлова подвергнут четвертованию, а на трон будет возведен император Иоанн Антонович. Затем Бестужев получает письмо с упреками в том, что держат в заключении ни в чем не повинного царя Иоанна. Французский и английский послы получают аналогичные письма.

Летом 1764 года Екатерина собирается в поездку по

прибалтийским провинциям. Анонимные письма все множатся, в них постоянно идет речь о том, что в ближайшее время случится катастрофа. Императрица все же не отказывается от поездки, она сознательно посылает вызов судьбе. 20 июня на улице находят анонимное послание, в котором императрицу осыпают ругательствами и самым резким тоном требуют воцарения Иоанна.

– Все это только достойно презрения, – говорит Екатерина, возвращая послание Панину.

21 июня она уезжает.

Через десять дней Иоанн Антонович умирает.

Глава X. Иоанн

Через несколько недель после своего восшествия на престол, через несколько дней после кровавой кончины Петра Екатерина тайком посетила Шлиссельбург, чтобы повидать с глазу на глаз "законного государя", единственного опасного соперника ее власти.

Иоанну уже двадцать четыре года. Хотя он никогда не был на свежем воздухе, хоть ему не приходилось делать никаких иных движений, кроме расхаживания взад и вперед по камере, как зверю в клетке, он высокого роста и строен, кожа его бела и чиста, волосы белокуры и вьются, борода коротко подстрижена.

О разговоре Екатерины с Иоанном ничего, к сожалению, не известно. А жаль, потому что никогда еще в истории не было встречи лицом к лицу двух личностей, в такой мере воплощающих величие и совершенство. С одной стороны – женщина, являющаяся олицетворением всей красоты, всей мудрости, всей ответственности и всей испорченности светской власти, с другой стороны – чистейший, невиннейший мужчина, столь же свободный от греха, как в первый день рождения, никогда не читавший ни одной книги, кроме священного писания, хранивший на себе печать величия как следствие незаслуженно переносимых страданий. Что ощущает этот мужчина, никогда еще не видавший существа женского пола, при встрече с этой гордой красивой женщиной? Какое впечатление производит его внешность на узурпаторшу его трона? Говорят, будто она после этого разговора разразилась безудержными рыданиями. Почему?

Впоследствии Екатерина рассказывала, что арестант бормотал что-то совершенно непонятное, обнаруживая слабоумие и почти полное отсутствие человеческого рассудка. Но этот ее отчет относится к такому моменту и такому положению, которые дают основание сомневаться в его правдоподобии: он был дан во время процесса об убийстве Иоанна, в котором Екатерина, в глазах всей Европы, играла роль обвиняемой. Если бы Екатерина действительно встретила в Шлиссельбурге заикающегося, бормочущего что-то непонятное идиота, то она, несомненно, не преминула бы щегольнуть своим добрым сердцем, освободила бы несчастного и предоставила бы возможно большему количеству людей случай убедиться в том, каким невозможным претендентом на престол является этот жалкий "царь".

Она, несомненно, только с той целью и отправилась тайком в Шлиссельбург, чтобы затем огласить во всеобщее сведение

результаты своей поездки и тем положить конец толкам об Иоанне как претенденте на престол.

Но она так же тайно вернулась оттуда и, следовательно, Иоанн не был безумным. Разумеется, его духовные способности не могут равняться ее дарованиям. Да как бы оно и могло быть иначе? Ведь он ничему не учился, ничего не узнал, ничего не пережил. Он не в состоянии управлять государством, но своей поразительной чистотой он в состоянии вызвать смятение в стране. Он привел в смятение даже Екатерину: ведь ее, а не его нервы не выдержали разговора.

Но это, конечно, только общечеловеческая слабость. Императрица не имеет права ей поддаваться. Иоанн, сидящий в Шлиссельбургской крепости, – мученик и святой, и она никогда, несмотря на все самообладание, не забудет облика этого невинного страдальца. Как бы ни обливалось кровью ее сердце, Иоанн является опасностью для всех благих начинаний Екатерины, опасностью для благоденствия и величия России, опасностью для прогресса, для просвещения, для философии.

Вскоре после посещения Екатериной Шлиссельбурга охраняющие Иоанна офицеры Власьев и Щекин получают указ, где им разъясняется, что если за арестантом явится кто-нибудь без подписанного собственноручно ее величеством распоряжения о выдаче оного, то, значит, речь идет об обмане и вражеских происках и выдавать арестанта ни в коем случае нельзя. Если же явится столько лиц, что сравниться с ними силой окажется невозможным, то надлежит арестанта убить, но, во всяком случае, не выдавать его живым.

Этот указ подписан Паниным. Панин достойный человек и человек принципа. Руководясь принципами, он неоднократно возражал Петру III и тем вызывал его недовольство, он часто возражал Екатерине, не вызывая тем ее неудовольствия. Власьев и Щекин отправляют Панину слезное послание: они же вот уже шесть лет не имеют права отлучаться из Шлиссельбурга, пусть их наконец освободят от выполнения несказанно тяжкой службы. Но Панин отвечает, что знает, как нелегка их служба, но знает также, что им обещан скорый конец возложенной на них миссии, просит их еще немного потерпеть и заверяет, что они не останутся без надлежащего вознаграждения.

Почему не исполняется столь понятная просьба обоих сторожей заключенного Иоанна? Вероятно, из опасения, что оба офицера, выбравшись из Шлиссельбурга, начнут болтать и своей болтовней могут вызвать беду. Но что означает упоминание о скором конце возложенной на них миссии? Ведь Иоанн может прожить еще десятилетия. Ну это, должно быть, просто фраза,

имеющая целью умерить из нетерпение и успокоить их.

Но они не успокаиваются. В ноябре они снова пишут Панину, еще настойчивее, еще нетерпеливее. "Батюшка, освободи нас ради Христа, потому что силы наши подходят к концу". И Панин посылает каждому из них по тысяче рублей золотом и обещание, что "исполнение вашей просьбы может затянуться никак не дольше, как до первых летних месяцев".

На этот раз назван известный срок, правда, неопределенный, но все же срок. И 5 июля Иоанна не стало. Это, разумеется, только несчастное совпадение. Обстоятельства, при которых произошло убийство Иоанна, настолько сложны и запутанны, что Панин ни в коем случае не мог их предусмотреть. Если бы ему и впрямь мерещился такой вид "исполнения их просьбы", то он, несомненно, не намекал бы офицерам на это. По всем вероятиям фраза Панина носит совершенно случайный характер.

Но возможно также, что в тот момент, когда он ее пишет, существует план действительно вскоре положить конец миссии Власьева и Щекина, то есть перевести Иоанна в какую-нибудь другую крепость, в какое-нибудь другое верное место, но что к моменту, когда намеченный для этого перевода срок приближается, предпочитают оставить арестанта в Шлиссельбурге под прежним надзором. В начале лета Екатерина начинает собираться в поездку в остзейские провинции, несмотря на предостерегающие голоса, несмотря на анонимные письма и невзирая на сказанные ей когда-то Фридрихом Прусским и, несомненно, не забытые ею слова: "Пусть ваше величество только представит себе, что в ваше отсутствие какой-нибудь несчастный начнет строить козни с целью возведения на престол Иоанна". В то время, когда Фридрих написал эти слова, никто в стране еще и не говорил об Иоанне, никто не сомневался в праве Петра III на престол. Но теперь имя Иоанна жужжит ежедневно в ушах Екатерины, как шмель. И она тем не менее решается на поездку. Она верит в свою счастливую звезду. Она доверяет также Власьеву и Щекину. Оба они, угнетенные долголетней оторванностью от мира, жаждущие свободы и ненавидящие до бешенства невинного виновника их страданий, несомненно, не задумаются ни на секунду, если им придется выполнить инструкцию, данную им осенью 1762 года. Если появится кто-нибудь, кто захочет силой освободить арестованного, то эти два офицера охотно воспользуются случаем безнаказанно отделаться навсегда от того, кому они и так по сто раз на день желают смерти.

Но во время процесса об убийстве Иоанна инструкция, данная охранявшим его офицерам осенью 1762 года, исчезает бесследно.

Никогда, вплоть до сегодняшнего дня, не найдено было также ни малейших фактов о том, знала ли Екатерина в момент своего отъезда, что в Шлиссельбурге находился человек, "строивший козни с целью освобождения Иоанна и возведения его на престол".

Этого человека звали Мирович.

Мы знаем о Мировиче только то, что выяснилось о нем на официальном процессе. Вот в каком виде предстает перед нами его образ на основании данных тщательно произведенного судебного дознания.

В момент государственного переворота ему двадцать два года, и он служит подпоручиком в Смоленском полку. Он происходит из хорошей дворянской семьи на Украине, но имения его семьи были конфискованы в 1709 году из-за участия его родственников в восстании Мазепы.

У молодого Мировича нет денег, и, что еще хуже, у него их меньше, чем у любого из его товарищей. Он играет в карты и играет неудачно. У него тяготящие его долги, которых он не в состоянии уплатить. Три его сестры голодают в Москве, и он не может им ничем помочь. Он затевает судебный процесс с целью добиться возвращения конфискованного имущества и проигрывает его. Но Мирович не так скоро успокаивается и надоедает всем со своим процессом.

На обороте одного письма, в котором его мать отказывает ему в высылке просимых сорока рублей, он дает святому угоднику Николаю зарок, начиная с 1763 года и по день своей смерти, не курить, не нюхать табака и не играть в карты. На другом клочке бумаги он зарекается по достижении двадцатипятилетнего возраста пить вино и водку только в самом ограниченном количестве. Все это на тот случай, если императрица уважит поданное им прошение об отмене конфискации фамильного имущества. Но прошение его оставляется без последствий.

Тогда он пытается добиться протекции сильных в сем мире лиц. Он посещает графа Панина, князя Дашкова и своего земляка гетмана Разумовского. Старик гетман любезно выслушивает его и говорит:

– Мертвые не возвращаются из фоба. Пробивай себе дорогу самостоятельно. Хватай счастье за чуприну, как это делали другие.

На молодого человека, находящегося в таком печальном положении и в таком возбужденном состоянии, эти слова производят огромное впечатление. Он не может выбить их из головы, они кажутся ему скрывающими какую-то формулу,

которую нужно только применить в надлежащее время и при надлежащих обстоятельствах, чтобы добиться всего, что душе угодно. Беспрестанно размышляя над таинственным смыслом этой магической формулы, отправляет он возложенные на него скромные обязанности: он служит караульным офицером в Шлиссельбургской крепости. Правда, только во внешней крепости, где никто не знает и не должен знать ничего о том, что происходит во внутренних казематах.

Но в один прекрасный день Мирович узнает об этом от уходящего в отставку барабанщика, и в тот же момент ему кажется, что пред ним раскрылся таинственный смысл магической формулы. Пробивать себе дорогу самостоятельно? Черт побери, в России уже имеется человек, который был таким же бедным изнывающим от долгов офицером, как Мирович, а теперь стал одним из могущественнейших и знатнейших лиц: Григорий Орлов. А что сделал Григорий Орлов? Он помог Екатерине свергнуть с престола ее предшественника и был осыпан за это золотом и отличиями.

Почему бы ему, Мировичу, не сделать то же, что удалось Орлову? Если он поможет Иоанну свергнуть Екатерину, тогда Иоанн по восшествии на престол щедро наградит его, пожалует чины, поместья.

Мирович легкомысленный человек, пьяница, картежник, по горло в долгах, но он вместе с тем чрезвычайно религиозный и суеверный человек. Подобно Орлову, он очень сложный варвар. Идея освободить Иоанна и возвести его на престол, порожденная тоской обойденного судьбой по роскоши и привольной жизни, принимает постепенно характер священной миссии. Это не простая случайность, что он попал в Шлиссельбург, не случайность слова, сказанные ему гетманом, не случайно, что барабанщик проболтался: он, Мирович, избран Господом и призван освободить несчастного императора и вернуть России ее законного царя. Его бедность, его низкий чин, его долги, проигранный им процесс – все это только бесконечная цепь испытаний, чтобы подготовить его к выполнению святой миссии.

В таком сумбурном и патетическом умонастроении сталкивается он с приятелем по имени Ушаков. Из всех загадок Шлиссельбургского дела личность Ушакова представляется самой таинственной. Уже после первого короткого с ним разговора Мирович приходит к убеждению, что в лице его ему послан Провидением единственный возможный союзник. Под влиянием Ушакова все смутные планы немедленно облекаются в вещественную форму.

Вместе с ним осматривает он всю крепость, вырабатывает

стратегический план нападения на гарнизон. Ушаков диктует исходящий якобы от имени Екатерины указ, которым солдатам повелевается выдать безымянного узника и в случае необходимости арестовать коменданта крепости. Он же диктует и манифест, который должен быть подписан освобожденным императором и оглашен солдатам. По завершении этих практических приготовлений идет религиозное освящение начинания: Ушаков ведет Мировича в церковь, где они дают друг другу клятву привести в исполнение задуманное ими святое дело освобождения императора не позднее, чем через восемь дней после отъезда Екатерины, не раскрывать своих планов никому постороннему и приказывают отслужить по ним обоим панихиды, как по умершим.

После того как он снабдил Мировича всевозможными советами и окончательно его запутал, Ушаков вдруг исчезает: его командируют в Смоленск. Тщетно дожидается Мирович его возвращения. На берегу реки невдалеке от Смоленска находят шляпу и шпагу Ушакова, и крестьяне уверяют, что похоронили какого-то прибитого течением к берегу утонувшего офицера. Ушаков утонул или иным способом пропал без вести.

Но Мирович все же считает себя связанным клятвой, думает, что ему удастся и без посторонней помощи осуществить намеченный план. Через несколько дней после отъезда Екатерины, при первом случае, когда он несет караул в крепости, он вызывает в караульное помещение одного за другим всех подчиненных ему солдат, рассказывает им, что он намерен предпринять, и требует, чтобы они помогли ему. Каждый солдат отвечает, что если, остальные согласятся, то и он не отстанет.

Тем временем наступает вечер. Мирович решает выждать еще два-три дня и основательнее распропагандировать солдат, но в час ночи узнает, что три человека уехали на лодке из Шлиссельбурга, считает, что его предали, и видит только один возможный исход: действовать немедленно, еще этой же ночью. В половине второго он встает, созывает солдат, приказывает им зарядить ружья и расставляет караульных у ворот. Прибегает комендант крепости Бередников, разбуженный криками команды, получает удар прикладом по голове и падает без чувств.

Мирович со своими солдатами переправляется через канал, отделяющий внешние помещения крепости от внутреннего гарнизона. Там теперь тоже начинается оживление, и вскоре раздается первый выстрел. В общем с обеих сторон обмениваются ста двадцатью четырьмя выстрелами, но ни один человек даже не ранен. В конце концов Мирович распоряжается, чтобы с бастиона притащили пушку и навели ее на гарнизон, сам бежит в погреб за

порохом, заряжает пушку, но еще до того, как раздается первый выстрел, из гарнизона дают знать, что они не будут больше стрелять.

Теперь Мирович устремляется по мосту в казематы, манифест о восшествии на престол Иоанна у него в кармане, нужно только, чтобы тот его подписал. В каземате темно, хоть глаз выколи, Мирович кричит, чтобы принесли огня, кто-то убегает за фонарем, проходит несколько бесконечных минут, приносят свет, и Мирович видит наконец впервые того "законного императора", из-за которого рискует своей жизнью.

На грязном полу в луже крови лежит труп Иоанна. Власьев и Щекин стоят, ухмыляясь, подле убитого. Они исполнили свой долг, выполнили данную им инструкцию в тот момент, когда жерло пушки было направлено на каземат, они, не колеблясь, напали на спящего юношу и прокололи его тело восьмью ударами шпаг. Теперь они свободны…

Честолюбие и жажда денег давно перестали служить побудительными мотивами для Мировича, он сросся со своей новой ролью легитимистского фанатика. Он и не помышляет о том, чтобы спасти свою жизнь. Обливаясь слезами, падает он на колени перед трупом Иоанна, целует его руки и ноги, велит положить его на кровать и понести кровать через канал к внешней стене крепости. В этом траурном шествии принимают участие все солдаты.

Теперь, когда Иоанн мертв, впервые оказываются ему царские почести. Мирович велит бить в барабаны и говорит, обращаясь к солдатам:

– Глядите, братцы, это наш император Иоанн Антонович. Но теперь мы очень несчастны, а несчастнее всех я. Вы невиновны, потому что не знали, чего я хочу. Я один приму на себя все муки.

Потом он обходит всех солдат и обнимает каждого из них. Он обошел таким образом уже четыре шеренги, когда, наконец, один из солдат спохватывается и отнимает у него шпагу.

Поездка Екатерины по остзейским провинциям имела огромный успех. Везде ее встречали с восторгом, всюду, где проезжала ее карета, улицы посыпали цветами. Балтийские дворянские семьи спорили за честь принимать ее со всей ее свитой у себя, а полдня она ездила даже в шестиместной карете, в которую вместо лошадей впряглись добровольные скороходы. В Митаве герцог Курляндский Бирон встречает ее, стоя на коленях. Светлые впечатления от поездки действуют освежающе на Екатерину, которая последние месяцы часто страдала от того, что замечала, как охладевают к ней народные симпатии.

Вдруг приходит известие о восстании Мировича и смерти

Иоанна. Ее секретарь Елагин находится рядом, когда она читает донесение Панина об этих событиях.

– Провидение, – восклицает она, – дало мне наглядное доказательство своей милости тем, что оно положило этому позорному предприятию такой конец.

Она не считает нужным прервать свою поездку и остается еще целую неделю в Риге. За эту неделю она получает еще несколько депеш от Панина, и не все радуют ее. По-видимому, не все так охотно, как она сама, верят в ее счастливую звезду, а милость Провидения кажется всем уже чересчур наглядной.

– Я спешу в Петербург, – заявляет Екатерина, – чтобы возможно скорее закончить это дело и опровергнуть все нелепые слухи.

Это ей не удается. Уже и то успех, что, несмотря на все нелепые слухи, ей удается удержаться на престоле. Уж слишком кстати пришел на помощь узурпаторше Мирович с его старой заржавленной пушкой. Уж слишком хорошим режиссером оказалась судьба в Шлиссельбурге. Бесконечный град пасквилей, брошюр, памфлетов обрушился на голову "подстрекательницы к убийству невинного". Процесс против Мировича тоже не улучшает положения вещей.

Процесс ведется генерал-лейтенантом Гансом фон Веймарном со всеми внешними признаками беспартийности и непредвзятости. Акты судебного производства в чрезвычайном порядке, все бумаги тщательно пронумерованы и отлично сохранились по сию пору. В этих актах нет ни одного слова, в котором содержался бы малейший намек, что есть соглашение между Мировичем и Екатериной.

Только один раз вмешивается она в судебное производство: когда Черкасов заявляет ходатайство о необходимости подвергнуть Мировича пытке, чтобы он выдал своих сообщников, она отдает приказание не допускать пытки.

Так же поступила она в деле Гуршева и Хитрово, так же будет поступать всегда в будущем, потому что она принципиально против пытки. Но в этом единственном случае ее человеколюбие вызывает подозрения: ведь дело идет о человеке, который быть может, является главой широко разветвленного заговора. То обстоятельство, что Екатерина так мало интересуется, кто же стоял за Мировичем, наводит на мысль, что она либо боится его показаний, либо знает его подстрекателей – может быть, даже лучше, чем он их сам знает.

Человек, к которому вообще относятся подозрительно, любым своим поступком вызывает подозрения.

Мирович соблюдает перед лицом своих судей огромное

спокойствие и выдержку, он открыто признает, что замыслил "нелепый и преступный переворот", он ведет себя, как настоящий азартный игрок, окончательно проигравший партию. Но в глазах недоверчивых людей его спокойствие кажется уликой против Екатерины. Она знает, что за границей поговаривают: "Только уверенность в том, что он будет освобожден от наказания, может внушить преступнику такое спокойствие". Она знает, что циничные прозорливцы, считающие, что они видят все насквозь, убеждены: в российской столице разыгрывают комедию для легкомысленного народа. Она знает, что даже аккредитованные при ее дворе иностранные послы считают, что Мирович будет в конце концов помилован. Но именно это-то обстоятельство и стоит ему жизни. Первый раз с момента своего восшествия на престол Екатерина подписывает смертный приговор и разрешает публично привести его в исполнение.

Но тех, кто относился к ней с подозрением, даже и это не убеждает в ее невиновности. Те, кто считал ее способной инсценировать шлиссельбургское восстание с целью отделаться от Иоанна, считают ее также способной послать на эшафот своего сообщника, после того как он сослужил службу, чтобы освободиться от человека, опасного своей излишней осведомленностью.

Но и русский народ не удовлетворен исходом процесса. К казни государственного преступника Мировича он относится спокойно, но то обстоятельство, что убийство неповинного Иоанна остается неотмщенным, что Власьев и Щекин за "верное исполнение своего долга" получили даже кучу денег, не вмещается в мозгу простого благочестивого русского человека. Тысячи людей, давно позабывших о коронованном ребенке "Иванушке", никогда не знавших, жив ли он еще, или умер где-нибудь за границей, начинают теперь тайком молиться за упокой души "невинно убиенного". Количество недовольных растет, но… Нет больше центра, вокруг которого могли бы сосредоточиться пожелания этих недовольных, нет законного претендента на престол, нет никого, кто мог бы оказаться действительно опасным для Екатерины. Ее моральная репутация подорвана, но ее могущество и спокойствие бесконечно много выиграли. Мертвые не возвращаются, независимо от того, каким образом они умерли. Теперь Иоанн мертв и унес свою тайну с собою в могилу, а Ушаков, который, пожалуй, мог бы навести на след какой-то связи между желаниями Екатерины и действиями Мировича, навеки бесследно исчез.

Всех их покрыло великое непроницаемое молчание сырой земли, и после них не осталось ничего, кроме аккуратной связки

документов, в которых нельзя найти ни малейшей юридический улики. Историку остается только преклониться перед наличным фактическим материалом: не существует доказательств причастности Екатерины к убийству Иоанна, значит, было бы клеветой высказывать подобные предположения. Психологу же разрешено более свободное суждение. Для него играют роль не столько внешние реальные обстоятельства, сколько вопрос о внутренней возможности. И этот психолог не окажется неправым по отношению к женщине, взявшей на свою совесть убийство собственного мужа, если выскажет мнение, что она – преисполненная фанатичной веры в то, что ее личность воплощает благое начало, – была способна допустить и убийство Иоанна.

Глава XI. Привидения Петра III

Екатерина – просвещенная женщина, и она не верит в привидения. С ней не может приключиться, чтобы она, как леди Макбет, посреди радостного банкета, увидела окровавленный призрак своего убитого мужа. Но в известном смысле с нею это все же происходит.

Это происходит во время банкета в честь помолвки великого князя Павла в 1773 году. Со дня восшествия Екатерины на престол прошло около десяти лет, и она может оглянуться на ряд блестящих внешних успехов. Она накануне заключения окончательного мира с Турцией и может быть уверена в том, что под давлением победоносной русской армии Турция согласится почти на все ее требования. Ее войска стоят в Крыму, ее флот уничтожил турецкий флот под Чесмой, ее флаги развеваются над Спартой и Афинами. Ее престиж в Европе чрезвычайно возрос и начал было серьезно смущать ее западных соседей Пруссию и Австрию, но она их утихомирила, предоставив обоим принять участие в дележе Польши. Она заткнула Фридриху II и Марии-Терезии рты куском "польского пирога", да и сама проглотила около трехсот тысяч квадратных километров земли с двумя миллионами жителей.

При таких блестящих успехах совершеннолетний сын не может представлять для Екатерины особых опасностей. Кто осмелится прервать такой величавый подъем? Сократить правление, дающее стольким людям случай отличиться, предоставляющее такие удивительные возможности быстро сделать блестящую карьеру? Толковые солдаты ставятся на высокие посты, толковые купцы наживают огромные богатства, архитекторы, художники, скульпторы получают выгодные заказы, поэты и музыканты осыпаются крупными наградами. Всякий, кто может принести пользу, встречается с распростертыми объятиями, щедро, даже расточительно награждается.

Гордое меценатство Екатерины затмевает всех прочих владетельных лиц Европы и в состоянии пристыдить даже такой высококультурный двор, как французский. Два года тому назад Дидро стоял перед печальной необходимостью продать свою драгоценную библиотеку. Екатерина узнала об этом и благородным чутким жестом пришла на помощь находившемуся в стесненном материальном положении философу. Она явилась в качестве покупательницы на тех условиях, что Дидро будет до самой своей смерти заведовать библиотекой за ежегодный гонорар, обеспечивавший ему возможность безбедного

существования. Гримму и Вольтеру она тоже выплачивает ежегодные пенсии. Она словно обладает каким-то волшебным аппаратом, дающим ей возможность, несмотря на долголетнюю войну и сопряженные с ней колоссальные издержки на флот и армию, иметь постоянно под руками деньги и раздавать их со щедростью богини. Вокруг себя она видит только довольные лица. Она получает только восторженные, преисполненные хвалы письма. Вольтер называет ее Минервой, северной Семирамидой. Державин воспевает в патетических строфах райское состояние страны под ее скипетром. Ей кажется, что она счастливой рукой управляет счастливым народом.

С законной гордостью вспоминает Екатерина за торжественным обедом, устраиваемым по поводу помолвки ее сына, о том, как сама она тридцать лет тому назад, подобно невесте Павла, немецкой принцессе Наталии, приехала в Россию такой же маленькой бедной принцессой, чтобы сочетаться браком с наследником русского престола. Теперь ей сорок четыре года, она – пышущая здоровьем женщина, с круглыми розовыми щеками и сверкающими глазами, преисполненная сознания своего счастья и более чем когда-либо бурных желаний. Благодарение Господу, есть еще и несбывшиеся грезы, иначе она чувствовала бы себя постаревшей. С сострадательной симпатией взирает она на маленькую принцессу Наталию: она, Екатерина, будет ей лучшей свекровью, чем была для нее самой Елизавета. Но и Наталия не будущая Екатерина. Да ей и незачем быть таковой. Ей достаточно только рожать детей – сыновей. Екатерина завещает каждому из своих внуков, сколько б их ни было, по целому царству. Кто в силах помешать ее дальнейшему триумфальному шествию?

Посреди этого горделивого пиршества, в зените своей славы, Екатерина вдруг узнает, что на юго-востоке ее страны, на берегах Урала, появился какой-то человек, именующий себя Петром III, и что тысячи людей восторженно следуют за этим человеком, а местные власти не в силах с ним справиться, и количество его приверженцев неудержимо возрастает со дня на день.

Этот человек – обманщик, в том не может быть ни малейшего сомнения. Екатерина – просвещенная женщина. Она знает, что Петр мертв, а мертвецы никогда не возвращаются. Но люди, живущие на Урале и по среднему течению Волги, невежественны, суеверны, легковерны, безграмотны. Это в большинстве казаки, беглые солдаты, скрывающиеся преступники, мужики. Они думают, что Петр III спасся от своих убийц, скрывался до сих пор в каком-то укромном месте и теперь объявился. Они верят любой небылице, которую им преподносят, потому что – и это самое

ужасное – они несчастны. Существование их до того невыносимо, их томление по улучшению жизненных условий до того велико, что они бегут к каждому человеку, который обещает им лучшую долю.

Человек, выдающий себя за Петра III, конечно, обманщик. Но за ним – подлинное восстание. Уральские казаки, лишенные своих старых привилегий и распределенные по ненавистным им регулярным полкам, духовенство, многие из представителей которого ввиду секуляризации церковных имуществ дошли до положения нищих бродяг, сектанты, правда, терпимые верховной властью, но разоряемые незаконными поборами жадного до денег мелкого начальства, мужики, у которых позабирали их лошадей, овец и коров для снабжения армии, солдаты, бежавшие от принудительного рекрутского набора, преступники, ни в чем не повинные, которых без суда сослали на каторгу, и в первую очередь бесконечные ряды разочарованных, истерзанных до крови, измученных и изголодавшихся крепостных.

В азиатских народностях, включенных в состав полуцивилизованной Российской империи, но не нашедших в ней себе места, башкирах, киргизах, калмыках, просыпается их старый дух, они сбрасывают с себя ненавистное ярмо полевых работ и выступают против непонятной им, чуждой, враждебной государственной власти.

За самозванцем выступает целый народ, на протяжении каких-нибудь нескольких месяцев к нему присоединяется чуть не половина страны. Тот народ, о котором Екатерина так охотно и красноречиво говорит, но о котором она совсем позабыла из-за своих грандиозных завоеваний и успехов. Народ не выгадывает ничего от славного расширения границ государства, но истекает кровью от бесконечной войны.

Какое дело крепостному мужику, не знающему даже русской азбуки, до того, что над Акрополем развеваются русские флаги? Какое дело ему, не имеющему права удалиться со своего клочка земли, до роскошных петербургских и московских дворцов, до удивительных картин итальянских и голландских мастеров, которыми императрица украшает Эрмитаж? Какая ему польза от произведений французских философов и борцов за права человека и гражданина, на переводы которых Екатерина затрачивает ежегодно десятки тысяч рублей? Какая польза ему от того, что заграничные ученые разъезжают вдоль и поперек по всей стране, чтобы составлять географические карты, измерять высоту гор, колебания температуры?

Народу никогда не жилось хуже, чем сейчас. Потому что за все грандиозные и помпезные начинания короны расплачивается,

в сущности, народ, хоть он и не сознает, как это происходит: волшебный аппарат, при помощи которого Екатерина добывает все новые и новые средства, не что иное как печатный станок. Екатерина печатает столько бумажных рублей, сколько ей надобится, и соответственно с этим ценность рубля все падает, хлеб все дорожает, налоги все повышаются, а податные чиновники становятся все беспощаднее.

Человек, выдающий себя за Петра III, в действительности – Емельян Пугачев, он бывший казак и неоднократно подвергавшийся наказаниям дезертир. Ему не раз приходилось укрываться от преследований военных властей у враждебно относящихся к правительству лиц – казаков, крестьян, раскольников. Ему отлично знакомы все местности на Урале и по нижнему течению Волги, он знает настроение живущих там людей. Он чувствует себя солидарным с ними, тоже преследуемыми, тоже угнетенными.

Пугачев не отличается ни малейшим сходством с покойным Петром III. Он – высокий, крепкий парень, густые черные волосы спускаются низко на его упрямый, изборожденный морщинами лоб, его энергичный подбородок оброс черной бородой. В начале своей карьеры он одевается в скромное монашеское платье, мало ест и никогда не пьет, живет аскетом и утверждает, что ищет власти не для себя, а для своего возлюбленного сына Павла. Он часто со слезами на глазах нежно прижимает к губам портрет царевича.

Это, конечно, комедия. Но его ненависть против всякого злоупотребления властью, его любовь ко всем угнетенным искренни и в основе всех его бесчисленных грозных злодеяний тлеет пламя возмущенного чувства справедливости.

– Если Господь поможет мне добраться до Петербурга, – говорит он обычно, – то я заточу мою злую супругу Екатерину в монастырь, дам волю всем крестьянам и уничтожу до последнего всех дворян.

Пугачев – революционер, и все его приверженцы – революционеры. Но так как они действуют без всякой подготовки, без дисциплины, без творческой идеи государственной реформы, поддаваясь только непосредственному чувству слепой ненависти ко всему существующему, то напоминают исполинскую разбойничью шайку. Состоящее из нескольких тысяч человек войско Пугачева вынуждено добывать все ему необходимое – оружие, продовольствие, деньги – грабежом, нападает на деревни, вытаскивает из сараев повозки, уводит лошадей, забирает все движимое имущество, попадающееся под руку, подвергает разгрому целые города и при малейшем сопротивлении или

просто из жажды уничтожения поджигает их. Бунтовщики повсюду призывают крестьян восставать против своих помещиков, убивать их, отбирать их землю и имущество, нередко прибегая для воздействия на крестьян даже к террору.

Пугачев не умеет ни читать, ни писать. Его воззвания и манифесты передают из уст в уста, но это оказывается весьма быстрым средством сообщения. Крестьяне убивают своих помещиков, если те не укрываются своевременно в лесах, и один город за другим открывает восставшим свои ворота. Духовенство, крепостные и даже низшие органы администрации встречают мятежников хлебом и солью. В медных рудниках на Урале рабочие бросают работы, убегают к бунтовщикам и возвращаются с ними обратно, забирают добытую руду, льют из нее пушки и ядра и, таким образом, оказываются технически снаряженными лучше, чем правительственные войска.

В Петербурге сначала недооценивают опасности, представляемой мятежом, а позднее стеснены в своих действиях вновь вспыхнувшей турецкой войной. Крепость за крепостью переходят в руки Пугачева, правительственные войска несут огромные потери из-за фанатического сопротивления мятежников и большого количества перебежчиков.

Само собой разумеется, что при такой разнузданности всех инстинктов грабежи, убийства, поджоги становятся сплошь да рядом самоцелью. Повсюду организуются самостоятельные, не находящиеся в связи с Пугачевым подлинно разбойничьи шайки, которые, прикрываясь его именем, грабят, поджигают, вешают дворян, похищают женщин и доводят всеобщее смятение до невероятных размеров. Подобно исполинскому рою, подобно бесчисленным тучам саранчи растекаются дикие банды по всей стране, не оставляя позади себя ничего, кроме пепла, развалин и опустошения. Насколько эти люди, превратившиеся за одну ночь в мятежников, не задумываются о будущем, о том, чтобы и впрямь завладеть завоевываемой землей, явствует из того факта, что они забывают ее обрабатывать: в этом страшном 1774 году почти одна треть России остается невспаханной.

Пугачев так же мало подготовлен к неожиданно выпадающей на его долю политической роли, как и его приверженцы. Власть бросается ему в голову, опьяняет его, как то крепкое вино, которым он начинает теперь запивать каждый вечер свои лукулловские трапезы. Свой скромный полумонашеский наряд он сменяет на фантастический красный мундир. Его "дворец" около Берды (во время осады Оренбурга) представляет из себя, правда, просто большую крестьянскую избу, но все стены этой избы оклеены изнутри с потолка и до пола золотой бумагой.

Пугачев – этот бывший дезертир, исходным пунктом мятежа которого являлась борьба против военного начальства, – начинает награждать своих людей орденами, срываемыми с трупов убитых офицеров. Он, обещавший уничтожить дворянство, начинает жаловать своим приверженцам дворянские титулы. Смертельный враг Екатерины называет одного из своих наиболее приближенных сотрудников "граф Орлов", другого казака – "Воронцов", а какого-то беглого разбойника-каторжника, которому отрезали нос и который вследствие этого неизменно носит на лице сетку, – "граф Панин". Так как к подлинному придворному штату принадлежат и фрейлины, то дюжину-другую неуклюжих крестьянских девок при помощи палочных ударов обучают делать глубокие придворные реверансы и согласно "этикету" ухаживать за "императором".

Эта детская игра среди бесчисленных виселиц и дымящихся развалин производит какое-то жуткое, призрачное впечатление. Непостижимо, как это несомненно все же гениальный Пугачев коверкает свой характерный казацкий череп жалкой маской Петра III, как это вождь такого гигантского революционного движения тратит свое время на обезьянничанье, на нелепое подражание внешним придворным обычаям. Но дело в том, что грозный Пугачев, который якобы собственноручно отрубил около тридцати тысяч голов, одновременно с этим наивное дитя, наслаждающееся совместно с другими, тоже ребячливыми насильниками, пребыванием в сказочной стране, оклеенной золотой фольгой.

Среди пленных офицеров некоторые умеют писать и даже владеют иностранными языками. Пугачев теперь в состоянии издавать настоящие манифесты, снабженные подписью "Петр III", и так как позади этих манифестов стоит грозный принудительный аппарат, то к ним относятся столь же серьезно, как к манифестам Екатерины. Если она пытается просвещать народ насчет подлинной личности "разбойника Пугачева", то он распространяется насчет своих законных прав и противопоставляет их притязаниям своей преступной, убивающей из-за угла супруги.

Когда она устанавливает тяжкие наказания для лиц, которые станут на сторону лже Петра, самозванца Пугачева, он грозит виселицей и колесованием за приверженность к узурпаторше Екатерине. Так как военное счастье изменчиво, то бывают такие случаи, как, например, в Самаре, что утром в одной и той же местности казнят от имени императора Петра III, а вечером от имени императрицы Екатерины. Несчастные обыватели, сплошь и рядом не знающие, допрашивают ли их правительственные или

повстанческие войска, отвечают на вопрос о том, кого они считают имеющим законные права на престол:

– Того же, кого и вы.

Летом 1774 года войска мятежников уже больше любой неприятельской армии, когда-либо выступавшей против России. И это войско находится посреди страны. Какая польза от того, что правительственные войска одерживают тут и там победу, берут в плен тысячу-другую бунтовщиков, отбирают несколько десятков орудий? Пламя, погашенное в одном месте, вспыхивает с удвоенной силой в десятке других мест. Пугачев побеждает не силой оружия, а как эпидемическая болезнь: заразительностью. Он еще в тысячах верст от Москвы, а сердца сотен тысяч крепостных, проживающих в старой священной столице или в непосредственной близости к ней, уже начинают усиленно биться и преисполнены нетерпеливого ожидания желанного освободителя. По ночам на пустынных неосвещенных улицах первопрестольной раздаются сплошь да рядом возгласы: "Да здравствует батюшка Петр III!"

Осенью 1773 года Екатерина назначила 250 рублей за голову Пугачева, теперь она повышает эту цену до 100 000 рублей. Не есть ли это самое явственное, наглядное выражение успехов восстания?

Екатерина никогда не понимала надлежащим образом народа и не в силах его вообще понять. Подобно своим учителям – энциклопедистам, она понимает под словом "народ" совокупную массу всех людей, не принадлежащих к сословию дворянства и не обладающих дворянскими привилегиями. Она не знает ничего о социальном расслоении этой массы, и каждый раз, когда из-за спины "третьего сословия" выглядывает лицо находящегося еще в стадии формирования "четвертого сословия", лицо это кажется ей угрожающей рожей.

Так как могущество Пугачева основано на том, что оно опирается не только на силу оружия, но и на определенные слои населения, относящиеся по преимуществу именно к этому "четвертому сословию", то опоре Пугачева должен быть противопоставлен столь же сплоченный другой слой населения.

Петр Панин, брат министра, командируется в местности, охваченные восстанием, чтобы призвать всех дворян к объединенной борьбе с мятежниками. Так как помощь дворянства необходима, ему гарантируется сохранение и укрепление всех его сословных привилегий и в первую очередь крепостного права. Солидарность интересов правительства и имущих классов совершенно естественна и очевидна.

Миссия Панина вскоре увенчивается успехом. Дворянство

передает в распоряжение правительства все, что только может: солдат, деньги, военное снаряжение. Голод выступает в роли союзника: необработанная земля не дает мятежникам ни хлеба, ни скота. Симпатизирующие повстанцам круги населения терроризованы энергичными мероприятиями Панина, который расправляется с непокорными с жестокостью, не уступающей жестокости Пугачева. Он тоже не скупится ни на виселицы, ни на колесование. Тщетно Екатерина несколько раз упрашивает его быть немного мягче, снисходительнее. Панину предоставлены диктаторские полномочия, и он пользуется ими вовсю. Через несколько недель голод, страх и несколько решительных военных поражений окончательно сокрушают силу восстания.

Пугачев защищается до последней возможности. Разбитый наголову правительственными войсками, он переплывает вместе с несколькими ближайшими сообщниками на другой берег Волги. Но среди этих нескольких приверженцев находятся люди, которым сто тысяч рублей дороже верности: они нападают на своего вождя во время сна и выдают его, связанного по рукам и ногам, военным властям. Пугачева отвозят в железной клетке, как зверя, в Петербург. Екатерина приказывает, чтобы его не подвергали пытке и при наличности малейшего признания вынесли приговор. Когда судьи приговаривают Пугачева к четвертованию заживо, она заменяет этот приговор простой смертной казнью.

После печального опыта этого смутного года для Екатерины нет больше возможности повернуть вспять. Она никогда не простит народу, что он через десять лет после ее восшествия на престол возмутился против нее и выступил перед лицом всей Европы на стороне мнимого Петра III. Она никогда не простит этим "народным подонкам", что из-за них чуть было не лишилась престола и, так сказать, получила его обратно из рук дворянства и имущих классов. Все ее последующее поведение обусловлено этими чувствами. О "правах народа" в смысле Монтескье больше нет и речи.

Петр III управлял только в течение нескольких месяцев. Его брак с Екатериной не был настоящим браком. И тем не менее воспоминание о нем еще на протяжении десятилетий витает каким-то призраком над русской землей, тем не менее он никогда не перестает тревожить Екатерину и занимать ее мысли. Петр постоянно снова и снова предстает перед нею в образе всевозможных претендентов на престол, а в образе Пугачева он во второй раз оспаривал ее трон и во второй раз был ею уничтожен. После позорного и страшного конца этого самозванца не найдется, должно быть, такого безумца, такого дурака, который

ощутил бы охоту выдавать себя за Петра.

Но все же призрак Петра снова предстает перед Екатериной и на этот раз в лице ее собственного сына, цесаревича Павла.

Все относящиеся к тому времени документы, личные записи Екатерины, речи Петра III не оставляют ни малейшего сомнения: Петр не отец Павла. Но каким-то непонятным образом последний с года на год становится все очевиднее, все нагляднее, все несомненнее как будто сыном Петра.

Салтыков был ослепительный красавец – Павел же некрасив, причем некрасив, как Петр. Впрочем, в раннем детстве он был очаровательным по красоте ребенком, только на десятом году его жизни с ним приключилась серьезная болезнь, оставившая после себя конвульсии лица, под влиянием которых красивые черты его исказились. Вопрос о безобразии Павла, таким образом, легко объясняется. Но как объяснить тот факт, что он так же точно, как Петр, недоверчив, раздражителен, хвастлив на словах и труслив на деле, что он приводит свою мать в отчаяние тем же времяпрепровождением, которым огорчал Петр Елизавету, что он в своей летней резиденции занимается бессмысленными упражнениями с кучкой солдат, вместо того чтобы интересоваться государственными делами, что он, будучи рожден в России и воспитан на любви к России, презирает и издевается над всем русским?

И как может себе объяснить нелепое, граничащее с безумием поведение своего сына возмущенная Екатерина, которая озабочена не только как мать за будущее родного ребенка, но и как императрица за будущее своей страны? Тем более что Салтыков был вполне здоровый и до конца дней благоразумный человек. Если бы она была суеверна, то должна была бы предположить, что мстительный дух Петра III, наперекор всем законам наследственности, завладел телом ее ребенка, чтобы вызвать Екатерину еще раз, на последний бой.

И действительно, несмотря на напрашивающееся само собою психологическое объяснение, во всем этом есть что-то мистически жуткое. Павел вырос в таких же неблагоприятных условиях, как в свое время Петр III. Его юность тоже затенена деспотизмом всемогущей женщины. О настоящей нежной любви между Екатериной и ее сыном нет и речи. Ее материнское чувство убито было в тот момент, когда ребенка отобрали еще младенцем от ее груди. В качестве императрицы она видит в нем только престолонаследника, подобно тому, как в свое время Елизавета не видела в Петре лишь наследника.

Да и по отношению к престолонаследнику ее чувство носит двойственный характер: она желает видеть его великим как

преемника, но незначительным на все то время, пока она сама жива. Ввиду такого раздвоения чувства он постоянно кажется ей поступающим не так, как бы следовало: то слишком ребячливым, то слишком самостоятельным, то он, по ее мнению, слишком мало занимается серьезными делами, то сует свой нос в дела, его абсолютно не касающиеся. Словом, в этом единственном случае Екатерина, вообще столь уравновешенная и справедливая, так же неустойчива и не поддается резону, какою была Елизавета, и Павел находится под таким же враждебным его развитию гнетом, под каким находился Петр. Он, конечно, мог бы всякими другими способами бороться с этим гнетом, если бы не одно решающее привходящее обстоятельство.

Во время посещения Павлом Вены один знаменитый тамошний артист отказывается исполнять в его присутствии роль Гамлета, "потому что в таком случае в зале было бы два Гамлета" (артист этот получает за эту удачную шутку от Иосифа II пятьдесят дукатов). Павел, разумеется, еще в очень юном возрасте узнал о том, как погиб его отец. Присутствие Орловых при дворе, осведомленность о страстной любви матери к Григорию Орлову потрясли его душу в самые восприимчивые для впечатлений годы. Впоследствии место Орлова занимают другие мужчины, Павел видит, как растет могущество Потемкина, он вынужден почтительно относиться к таким ничтожным людям, как Мамонов, Корсаков, Ланской только потому, что они выходят из спальни его матери.

Сыновья всегда являются самыми строгими судьями добродетели их матерей, и Павел относится к своей матери с отвращением. Чем старше он становится, чем яснее видит, тем больше растет его отвращение. И в соответствии с этим он все больше отдает свое юное одинокое сердце, всю естественную для его возраста потребность преклонения, свое сильно развитое чувство справедливости памяти своего предательски убитого отца. Из всех придворных сплетен о несчастном браке его родителей он верит только тем, которые выставляют Екатерину в неблагоприятном, а Петра в благоприятном свете. При таком умонастроении все, что делал Петр, кажется ему хорошим и достойным преклонения. Наполовину из желания походить на своего идола, наполовину из желания позлить Екатерину, наполовину сознательно, наполовину бессознательно он начинает подражать Петру и с течением времени становится действительно похож на него.

До него доходят, конечно, и слухи о его происхождении. Князь Головин рассказывает, что Екатерина, перехватившая подозрительную переписку между Павлом и одним из его друзей,

призвала сына к себе и прямо сказала ему в лицо, что он обязан своей надежде на занятие престола только ее молчанию, "а если мне придется выбирать между неблагодарным сыном и моими верными подданными, то я не поколеблюсь ни минуты и оглашу правду во всеобщее сведение".

Этот анекдот мало правдоподобен. Но Павел не поверил бы даже свидетельству собственной матери, его династическое чувство требует, чтобы в этом случае он считал ее добродетельной. Для того чтобы сознавать себя подлинным Романовым, законным наследником престола, он должен наперекор всем толкам видеть и чтить в Петре своего отца. Переходящие из уст в уста скверные сплетни служат для Павла только поводом выставлять демонстративно напоказ свои чувства сыновней преданности, подчеркивать свое сходство с Петром во всех деталях.

Маленькой немецкой принцессе Наталии не суждено стать будущей Екатериной, но не по причине недостаточной способности к политической интриге или к нарушению супружеской верности. Уже через несколько месяцев после свадьбы с Павлом она вступает в любовную связь с молодым графом Разумовским и обсуждает с ним возможность свержения Екатерины. Павел считает – подобному тому, как поступал в аналогичных случаях Петр, – юного графа Андрея своим лучшим другом. Есть слухи, будто Разумовский, когда ему не представлялось другой возможности остаться наедине с великой княгиней Наталией, подмешивал в пищу Павла опиум и тем положил основание его будущему помешательству.

Екатерина вскоре узнает о прелюбодейной связи своей невестки. Это обстоятельство само по себе представлялось ей безразличным. Но она узнает также о ребяческом заговоре против себя, и это побуждает ее раскрыть своему сыну глаза на происходящее. Так как Павел безумно любит свою жену, то свою мать, которой он не любит, считает лгуньей.

Наталия умирает от первых родов. Клеветнические языки относят и эту смерть на счет Екатерины. Она будто бы сказала врачу: "Если произойдет несчастье, то ты ответишь головой". Это привело к тому, что в надлежащий момент врача нигде невозможно было разыскать.

Это злостная легенда. Екатерина искренне огорчена, потому что лишается надежды на желанного внука. Но когда она видит, до чего Павел безумно убивается из-за смерти своей любимой супруги, то считает целебным средством показать ему переписку между Наталией и молодым Разумовским. Это действительно целебное средство: с Павлом случается припадок бешенства, но

через неделю после этого он соглашается еще до истечения траурного года жениться вторым браком на одной Вюртембергской принцессе.

Обстоятельства требуют, чтобы он лично выступил в роли своего свата. Павел послушный сын. Он отправляется в Берлин, чтобы привезти с собой подысканную ему Екатериной жену. Но он привозит домой не только принцессу Марию, но еще и пламенное фанатичное преклонение перед Фридрихом II.

Как раз в это время русская политика в интересах восточного вопроса озабочена тем, чтобы укрепить связи с Австрией и ослабить связь с Пруссией. Павел ничего этого не понимает. Его фанатичное отношение к прусскому королю до того безгранично, что возмущенная императрица, которой это отношение напоминает рабскую привязанность к Фридриху со стороны Петра III, восклицает:

– Я уже вижу, как после моей смерти Россия превращается в прусскую провинцию!

Павел, подобно тому, как поступал и Петр в бытность свою наследником, ведет тайную переписку с Фридрихом П. Эта переписка не носит характера государственной измены, так как Россия не ведет в данный момент войны с Пруссией, но все же ужасно злит Екатерину, которая знает, что Фридрих только и мечтает о том, чтобы увидеть на престоле вместо нее своего поклонника Павла, подобно тому, как в свое время мечтал видеть на троне вместо Елизаветы Петра III.

Отношение Екатерины к сыну, не отличавшееся и раньше теплотой, становится прямо враждебным. Она держит "опрусаченного" великого князя вдали от дела, скрывает от него свои планы, относится к нему недоверчиво, велит шпионить за ним. Она заставляет его предпринимать с женой разные поездки – в Париж, в Вену, в Италию. В Вене цесаревич, краснея от стыда, узнает от Иосифа II о том, что заключен австро-русский союз, о каковом мать не сочла нужным его даже известить. Впоследствии Екатерина покупает ему поместье Гатчину, и там обреченный на духовное бездействие Павел ведет приблизительно ту же жизнь, которую вел в свое время в Ораниенбауме Петр III: муштрует кучку солдат, ломает голову над придумыванием новых мундиров и бессильно фрондирует против матери.

Некоторые обстоятельства повторяются с прямо жуткой последовательностью. Когда у Павла рождается первый сын, Екатерина, лишенная радостей материнства, загорается какой-то фанатичной любовью к маленькому Александру. Она, правда, не забирает ребенка окончательно к себе, как это сделала безудержная Елизавета, но велит приносить его к себе ежедневно

на несколько часов и, подобно тому, как ей удается очаровывать стольких мужчин и женщин, ей удается очаровать и мальчика, сконцентрировать всю его любовь на своей особе и совершенно отдалить его от родителей. Она, до смешного обожающая своего внука, окончательно потерявшая от нежности голову, – трогательная бабушка, и маленький Александр, несомненно, тот человек, который знает великую Екатерину с самой лучшей ее стороны. Когда его приводят к ней, она прерывает всякий разговор, бросает всякую ра– | боту, часами возится с ним на полу и организует всевозможные общие игры, учит его читать, придумывает для него специальный костюмчик, не стесняющий свободы его движений, ее письма к Гримму заполнены взрывами | восторга по поводу ума этого маленького существа.

Второй внук, Константин, сначала не так ей приходится по душе: он слишком хилого здоровья, и она опасается, что он не выживет. Но впоследствии она и от него без ума и всецело очаровывает мальчика.

Преисполненные любви отношения между Екатериной и ее внуками носили бы характер совершенной идиллии, если бы не являлись в то же время заговором против промежуточного поколения. Екатерина все страстнее мечтает о том, чтобы отстранить сына от трона и заменить себя после смерти своим истинным наследником по духу – Александром. Павел видит в своем сыне все больше и больше соперника, опасного претендента на власть. Если Павел и его поведение являются в глазах Екатерины загадочным возвращением ее ненавистного мужа, то Павлу его подрастающий сын кажется воплощением его ненавистной матери.

Павел имеет все основания ненавидеть Екатерину. Она забрала у него его трон, забрала его сыновей и превратила их в его врагов. Он не может примириться с тем, что любой красивый гвардейский офицер, понравившийся его матери, имеет больше влияния на государственные дела, чем он, законный наследник престола.

Совершенно понятно, что эта накапливающаяся годами злоба, порожденная оскорбленным чувством справедливости и растущая со дня на день, делает его в конце концов пристрастным и несправедливым. Он не в состоянии объективно относиться к поступкам своей матери, не доверяет ни ей, ни ее друзьям и фаворитам, видит повсюду шпионов, врагов, наемных убийц, окончательно перестает показываться при дворе, даже в день своего тезоименитства или в годовщину коронации матери.

Враждебное отношение Павла к Екатерине имеет столько разумных оснований, что трудно установить момент, когда

начинающееся безумие налагает на него свою трагическую печать. "Он сумасшедший!" – восклицает Екатерина, когда Павел в ее присутствии велит передать одному из ее доверенных, что отрубит ему голову, как только взойдет на престол.

– Но он, к сожалению, недостаточно сумасшедший для того, – продолжает она, – чтобы можно было предохранить Россию от его безумия.

И действительно, она не оказалась в состоянии предохранить Россию от безумного царя. На другой день после ее смерти безумие Павла впервые ясно выступает наружу: прежде чем взойти на престол, который "осквернила" его недостойная мать, Павел велит выкопать труп Петра III и провезти эти истлевшие кости, которые удалось вообще опознать только по сапогам, в торжественной процессии по улицам столицы. Он принуждает престарелого Алексея Орлова идти во главе этой мрачной процессии, непосредственно за трупом своей жертвы, и в конце концов приказывает посадить скелет Петра на мгновение на трон, чтобы таким образом символизировать законное преемство императорской власти.

Русская корона на оскаленном черепе мертвеца в просвещенный век Екатерины – разве это не показатель вечности шекспировских образов?

Глава XII. Потемкин

Зимою 1773 года, когда толпы бунтовщиков надвигаются на Москву и в то же время снова вспыхивает война с Турцией, Екатерина в письмах своих к Вольтеру подшучивает над султаном, великим визирем и "маркизом де Пугачевым". Но есть в этот злосчастный год один человек, единственный, которого она и впрямь боится: это Григорий Орлов. Она дала ему окончательную отставку и опасается его мести.

Орлов наконец переполнил чашу ее терпения. Десять лет любила она его, любила любовью, сводящейся к неизменному прощению нестерпимых унижений. За каждую причиняемую им боль она отплачивала благодеяниями. Известно было, что его любовницам нечего бояться ее гнева, наоборот, они могли даже добиваться при посредстве Григория Орлова милостей императрицы. Он не только обманывал свою царственную возлюбленную, но и держал ее настолько в черном теле, что при малейшем проявлении внимания с его стороны она бывала необычайно тронута и потрясена.

Могущество братьев Орловых неизменно и беспрерывно возрастало. Они, правда, не имели влияния на государственные дела – этому всячески воспротивился бы Панин, но Екатерина постоянно предоставляла им возможность отличиться.

В общем ей не приходилось в этом раскаиваться.

Алексей Орлов командовал в качестве генерал-адмирала русским флотом в русско-турецкую войну, хотя до того времени в глаза не видел корабля. За его науку пришлось заплатить немало денег, но в конце концов расход этот оправдался. Пусть даже решительной победой при Чесме Россия и обязана преимущественно толковости двух находящихся на русской службе англичан – Грейга и Эль-финстона, – за верховным командованием остается та заслуга, что оно сумело поставить надлежащих людей на надлежащие места, и Алексей Орлов, таким образом, не без основания получил из рук Екатерины высшую воинскую награду – Георгиевский крест.

Его честолюбие не удовлетворялось даже выбитой в его честь медалью. По возвращении в Средиземное море он заказывает какому-то итальянскому художнику четыре исполинские картины, долженствующие изобразить уничтожение турецкого флота. Когда художник заявляет, что не уверен в том, что ему удастся справиться с этой задачей, так как ему еще никогда не приходилось видеть взлетающего на воздух корабля, дикарь Алексей не останавливается перед тем, чтобы преподать ему

наглядный урок и распоряжается взорвать в Ливорнской гавани одно из судов.

Там же ему представляется случай доказать свою бессовестность. Дело в том, что к тому времени появилась на горизонте молодая авантюристка, именовавшая себя княжной Таракановой и выдававшая себя за дочь покойной императрицы Елизаветы от Разумовского, а следовательно, за законную претендентку на российский престол. Большой опасности особа эта не представляла, но она была все же чрезвычайно неприятна для Екатерины, так как даже в дипломатических кругах находились легковерные, прислушивающиеся к ней и ужаснейшим сведениям, распространяемым об узурпаторше – Екатерине.

Екатерина настаивала на задержании этой княжны Таракановой, и Орлов осуществил данное поручение. Он сблизился с несчастной авантюристкой, разыграл роль безумно в нее влюбленного и обещал ей, если она только отдаст ему свою руку, свергнуть Екатерину и возвести ее на российский престол. Он обхаживал княжну Тараканову с таким старанием и упорством, что она в конце концов пообещала ему выйти за него замуж на следующий день после коронования.

В качестве официальной невесты Алексея Орлова она была с ним в лучшем итальянском обществе, в качестве невесты приняла без малейших подозрений приглашение осмотреть стоявшую на якоре в Ливорнской гавани русскую эскадру. Ее привезли в роскошно украшенной шлюпке, с палубы головного русского судна раздавалась музыка, было спущено великолепное кресло, на котором ее подняли на борт, – но едва только она вступила на палубу, как ее заковали в цепи, спрятали в отдаленнейшем трюмном помещении и отвезли в Петербург, где она два года спустя и погибла в заключении.

Своего возлюбленного Григория Орлова она не отправила на турецкую войну, так как не могла бы так долго обойтись без него, но придумала для него другую возможность обнаружить те качества, которыми он действительно обладал: храбрость и решимость.

В 1771 году солдаты занесли с фронта в Москву чуму. Для того чтобы предупредить всеобщую депрессию, военное начальство глупейшим образом воспретило называть страшную болезнь ее настоящим именем и ее обозначали как особую "горячечную лихорадку". Вследствие этого с самого начала были упущены все возможности пресечь эпидемию, она распространялась с невероятной быстротой, полуобезумевшие от страха люди избивали на улицах врачей и устремлялись толпами,

неся уже сплошь и рядом в себе зачатки заразы, к иконе Иверской Богоматери в Кремль, потому что воображали, что эта икона обладает волшебной способностью исцелять от болезни. Архиепископ сообразил, какую опасность представляют собой эти сборища и распорядился убрать икону, за что был буквально разорван толпой.

В этот-то момент появился в зачумленной, вышедшей из всякого повиновения столице Григорий Орлов. Он не испытывал страха ни перед эпидемией, ни перед чернью. Он воспретил всякие сборища и с беспощадной строгостью препятствовал их образованию. Будучи фаталистом до мозга костей, он навещал больных и заботился о том, чтобы все, непосредственно соприкасавшееся с умершими, их платье, домашняя утварь и т.п., подверглось сожжению. Штаб толковых врачей и надвинувшиеся морозы помогли Орлову довести до благополучного конца свою задачу. Когда он возвратился в Петербург, его встретила триумфальная арка с надписью: "Освободителю Москвы от чумы".

Год спустя он был командирован Екатериной в Фокшаны на мирный конгресс. Еще в день его отъезда она писала своей подруге г-же Биелкэ в Гамбург: "Благодаря своей удивительной красоте он покажется туркам подлинным ангелом мира".

На следующий день она узнает о новой, особенно унизительной для нее измене Орлова: он соблазнил свою маленькую тринадцатилетнюю кузину Зиновьеву. Екатерина и теперь, как во всех аналогичных случаях, выходит из себя от скорби и ревности. Но на этот раз Орлова нет на месте, чтобы утешить ее несколькими словами, исцелить ее рану поцелуем. Зато есть другие горячо заинтересованные в том, чтобы расширить пропасть, сделать разрыв окончательным: Панин и все те, которые мечтают об опале гордого Орлова. Они обращают внимание Екатерины на чудно сложенного юного офицера, некоего Васильчикова. "Это был выбор наудачу и с отчаяния, – пишет позднее Екатерина, – как раз в это время я мучилась больше, чем в состоянии это сказать". Но она сделала свой выбор и ни за что не хочет отправляться обратно, в жалкую темницу своих страстей.

Васильчиков становится генерал-адъютантом, занимает помещение, связанное потайным ходом со спальней императрицы, получает подарок в сто тысяч рублей и ежемесячную ренту в размере двенадцати тысяч рублей. Отныне на его обязанности лежит сопровождать императрицу во всех ее выездах и проводить вечера непосредственно близ ее карточного стола, чтобы быть каждый момент готовым подать ей руку, как только она закончит свою последнюю партию. Его функции

распределены более строго, чем функции любого другого высокого сановника. Он не имеет права покидать дворец без специального разрешения, посещать кого-нибудь или принимать гостей. Екатерина не хочет больше страдать так, как страдала раньше.

Когда Орлов узнает в Фокшанах, что Екатерина официально заменила его другим, он немедленно оставляет конгресс, садится в сани и мчится без передышки в Царское Село. Делегат великой державы плюет на мирные переговоры, которые ведет его страна, он рвется домой, чтобы урегулировать свои любовные отношения с хозяйкой этой страны! Но ему это не удается. Екатерина, которая отлично знает темперамент Орлова и ждет его преждевременного возвращения, посылает ему навстречу курьера, который задерживает его неподалеку от Петербурга и приказывает ехать в его гатчинский дворец.

Теперь начинаются подлинные переговоры, в которые Орлов сначала не желает пускаться. Он настаивает на непосредственной встрече, хотя бы кратковременной, хотя бы на час. Но именно на это Екатерина ни за что не соглашается. Его послания к Екатерине становятся все настойчивее, все жалобнее, наконец даже угрожающими. Екатерина боится его, она усиливает караулы во дворце и перед своими покоями. Во время одного маскарадного бала распространяется слух о том, что только что подъехал Орлов. Императрица подбирает свои юбки, выбегает с недостойной торопливостью из зала и прячется в рабочем кабинете Панина.

Она боится, в сущности, не самого Орлова, а своей крови, и готова уплатить любой выкуп: она предлагает Орлову княжеский титул, денежный подарок в размере ста тысяч рублей, чтобы он мог выстроить себе дом в Москве, предлагает жить в любом из ее дворцов до того, когда этот дом будет готов, ежегодное жалованье в пятнадцать тысяч рублей, шесть тысяч крестьян из любой казенной вотчины, к тому же еще бесконечное количество драгоценных подарков, включая роскошный серебряный столовый сервиз и всю мебель из тех комнат, в которых он жил в Москве. Все это она ему предлагает взамен рыцарского слова в течение года не показываться при дворе.

Все величие ее души сказывается в этой манере прощания со своим возлюбленным. Могущественная императрица и глубоко оскорбленная женщина, она имеет и полную возможность, и все основания для того, чтобы покарать человека, так часто и так мучительно задевавшего ее нежнейшие чувства, подвергнуть его изгнанию, уничтожить его. Вместо этого она осыпает его подарками и просит почти униженно лишь об одном: чтобы он

вернул ей ее покой.

Ей и без того нелегко обрести прежний душевный покой. Васильчиков мало чем может ей в данном отношении помочь, он только в состоянии своим постоянным при ней присутствием, своей красивой внешностью помешать возникновению унизительного впечатления, будто Екатерина несчастная и вызывает сострадание; пусть лучше вся Европа считает ее легкомысленной женщиной, которая меняет своих возлюбленных как перчатки, которой надоел прежний любовник и которая предпочла ему нового, более молодого. Охотно обманула бы она не только свет, но саму себя, но это ей не удается. "Его нежность заставляла меня плакать", – признается она впоследствии. Она не в состоянии испытать хотя бы подобие страсти по отношению к этому юноше.

– Я был для нее только чем-то вроде кокотки мужского рода, – отмечает Васильчиков, – и она обращалась со мной соответственным образом. Если я просил у нее какой-нибудь милости для себя лично или для кого-либо из моих близких, то она ничего не отвечала, но на следующий день я находил у себя в кармане несколько тысяч рублей. Ни разу не соизволила она обсуждать со мной близкие моему сердцу вопросы.

Так дурно и холодно Екатерина не обращается больше ни с одним из своих последующих возлюбленных. Бедняге Васильчикову приходится искупать грехи Орлова. Но заместить Орлова суждено другому.

Еще в ту пору, когда Екатерина убивалась по поводу различных измен Орлова, она все же следила с большим интересом за карьерой того молодого гвардейского офицера, который дал ей в незабвенный вечер восшествия на престол свою портупею, который скакал рядом с нею в ту светлую летнюю ночь навстречу окончательной победе и который провожал потом свергнутого Петра в Ропшу.

Уже в первые дни своего правления она произвела Потемкина в поручики, а вскоре затем в камер-юнкеры и часто принимала его на маленьких интимных вечерах в Эрмитаже, потому что он обладал одной способностью, которую она в нем больше всего ценила: умел заставлять ее смеяться. Он был мастер удивительно верно подражать мимике и голосам других, копировал для увеселения Екатерины всех напыщенных сановников ее двора и даже, к ее величайшему восхищению, ее самое. О других достоинствах этого человека, так хорошо умеющего ее развлекать, она в то время еще и представления не имела.

Впрочем, ей вскоре пришлось на время лишиться его приятного общества, потому что между ним и необузданным

Алексеем Орловым произошла, якобы из-за бильярдной партии, ссора, во время которой Алексей выбил юному офицеру глаз. Потемкин в отчаянии от своего уродства, он считает, что отныне ему невозможно показаться при дворе, и отправляется в турецкий поход. Екатерина прикомандировывает его лично к фельдмаршалу Румянцеву, горячо рекомендует его, и вскоре Потемкин без особых заслуг доходит до чина генерал-лейтенанта. В качестве такового он командируется однажды со срочным поручением к императрице. Она принимает его очень любезно, с той ни к чему не обязывающей очаровательной любезностью, которая у нее всегда наготове и которой она уже у многих людей вызывала впечатление особой оказываемой им милости.

В сущности, этот здоровяк вовсе не в ее вкусе. Его вряд ли можно было бы назвать красивым даже в том случае, если бы в его левой глазной впадине страстно сверкал – или лукаво сиял – такой же глаз, как в правой. Его лицо имеет грушевидную форму, мощные челюсти шире высокого лба, странный, какой-то сгорбленный нос отнюдь не может быть назван греческим и составляет резкий контраст с мягким чувственным ртом. Туловище его, правда, колоссальных размеров, как это нравится Екатерине в мужчинах, но он недостаточно пропорционально сложен, ему не хватает грации в движениях, а его руки определенно некрасивы, грубы, с обгрызанными ногтями.

Что испытывает Потемкин, являясь к своей императрице с рапортом? Ненависть к Орловым еще жива в его душе. То, что сделал Алексей Орлов, осталось безнаказанным ради Григория. Он знает самое больное место Орловых, и теперь настал момент, когда ему представляется возможность ударить их по этому месту. Своим единственным глазом Потемкин подмечает, что императрице скучно с Васильчиковым. Он видит открывающиеся возможности, и эти возможности разжигают его воображение. Он спешит к приятельнице Екатерины графине Брюс и признается ей, что до безумия влюблен в императрицу, клянется – и верит тому, в чем клянется, – что по окончании похода уйдет в монастырь, потому что не в состоянии справиться с поглощающей его страстью иначе, как путем полного уничтожения своей личности в Боге.

Потемкин – не вознесенный случаем Орлов. Потемкин – гений, хоть и трудно установить определенный тип его гениальности. Он прежде всего яркая индивидуальность, которая умеет в решительные моменты скрывать свои многочисленные недостатки и стремительно сметать со своего пути даже более умных, более одаренных и подходящих людей. Еще мальчиком он говорил, что должен непременно стать либо архиереем, либо

министром. Он был одним из первых студентов только что открытого московского университета, считался его гордостью и украшением и был поэтому даже представлен императрице Елизавете.

Два года спустя его увольняют из университета за "систематическое манкирование лекциями", потому что пламенная активность временами сменяется у него непреодолимой ленью. Его честолюбие непомерно, но непостоянно и нерасчетливо, оно овладевает им подобно опьянению, преисполняет его порывами страсти, мужества, тысячью грандиозных идей, но при малейшей неудаче сменяется глубочайшей подавленностью и искренним стремлением к монашески-аскетической жизни. Он прежде всего грандиозный фантаст. Его фантазии до того пламенны и живы, что увлекают не только всех других, но и его самого.

Не будем тратить время, анализируя страсть Потемкина к Екатерине. Достаточно сказать, что эта страсть несомненна и отличается такой интенсивностью, что передается Екатерине даже через посредство третьего лица – графини Брюс. Екатерина вступает в переписку с возвращающимся обратно на фронт офицером и позволяет ему изливать в письмах весь пыл своих чувств. Он сочиняет в ее честь стихи, исполненные восточной напыщенности и вместе с тем примитивной народной простоты. Ему удается сыграть выдающуюся роль при штурме Силистрия и установить, таким образом, романтическую связь между любовью и воинским мужеством: он хочет либо умереть, либо заслужить благоволение своей высокой возлюбленной.

"Когда вы будете читать это письмо, – заканчивает Екатерина свое второе послание Потемкину, – то, быть может, спросите себя, для чего оно написано. На это я могу вам ответить: просто потому, что я часто думаю о вас и всегда желаю вам всего хорошего".

Если императрица, занятая тысячью серьезных дел, пишет такое письмо, которое может вызвать у адресата вопрос о том, для чего оно написано, то ему многое становится ясным. И как только Потемкин прочитывает эти драгоценные строки, он мчится в Петербург. Он не дает Екатерине времени играть роль мужчины, выбирающего себе новую кокотку: прежде чем приблизиться к ней, он просит ее в страстном письме – так, как просят руки обыкновенной возлюбленной, – о предоставлении ему поста генерал-адъютанта. В тот же день Васильчиков уезжает путешествовать, а Потемкину разрешается подать императрице руку и проводить ее в спальню…

Потемкин не только умеет развлечь Екатерину, он обожает

ее, как не обожал ни один из ее прежних любовников. Орлов никогда не восхвалял ее – Потемкин простаивает перед нею часами на коленях, восхищаясь ее белоснежной кожей и румянцем щек, силой своего поэтического вдохновения он возвращает ее лицу исчезающую молодость, красноречием своего пламенного воображения он сглаживает ее начинающиеся морщины и излишнюю округлость форм ее полнеющего тела. Он красноречив, как Вольтер, и дик, как азиат. Орлов был скуп на похвалы и ласки, груб и сух, Потемкин истекает нежностью, осыпает ее таким изобилием проявлений изысканнейшего внимания, что она – в первый и единственный раз – оказывается выбитой из обычной своей позиции и превращается в настоящую женщину, которая позволяет настоящему мужчине баловать себя.

Орлов тоже ощущал потребность не только быть одариваемым, но и дарить, купил однажды у какого-то магараджи за четыреста тысяч рублей один из величайших бриллиантов мира и поднес его Екатерине. Так как камень этот был слишком велик, чтобы его могла носить даже царица, знаменитый "Орлов" стал украшением царской сокровищницы – это был чрезвычайно драгоценный, но и чрезвычайно безвкусный подарок.

Потемкин уже умеет подносить такие подарки, ценность которых может быть выражена не деньгами, а скорее именно несоответствием между их эфемерностью и драгоценностью: он дарит Екатерине посреди зимы розы из Италии, подносит ей к Новому году корзиночку спелых вишен. Особый офицер по имени Бауер, ездит по его поручению во все страны света, чтобы привозить всевозможные пустяки, которыми этот отличающийся богатым воображением поклонник желает оказать мимолетную радость своей возлюбленной: чудную стерлядь из устья Амура, танцора из Парижа, скрипача из Рима, кисть редкого винограда из Крыма.

Потемкин, разумеется, черпает средства, необходимые для осуществления своих экстравагантных затей, из шкатулки Екатерины. Но его поэтическая фантазия умеет создать такую атмосферу любви, что эти грубые факты утрачивают всякое значение. Его мужская гордость не нуждается в том, чтобы протестовать против несравненно более высокого социального положения своей возлюбленной, он волшебно сметает это социальное неравенство силой своего чувства – подобно тому, как сметает им и легкие морщины вокруг глаз Екатерины. Он всегда и во всех отношениях остается мужчиной, он воспевает ее красоту, но отнюдь не старается снискать этим ее благоволения. Он часто появляется у нее босым, с непричесанной головой, в не совсем чистом шлафроке. Однажды она подносит ему в подарок

драгоценный севрский сервиз с надписью: величайшему в мире грызуну ногтей.

Но и эта великая любовь отнюдь не идиллична. С самого же начала ежедневно происходит по несколько ссор. У Потемкина не такой веселый и уравновешенный темперамент, как у Екатерины. Самое пустячное слово, ничтожнейшее противоречие портят его настроение до такой степени, что он готов покинуть и двор, и императрицу. Он не хочет быть только любовником Екатерины, он хочет владеть ею вполне, ведет ожесточенную и не всегда благородную борьбу против ее друзей и советчиков; каждый взгляд, брошенный ею на какого-нибудь ничего не представляющего собою юношу, доводит его до белого каления, и в таких случаях он не знает удержу. Кровь бросается ему в голову, он разбивает все, что попадает ему под руку, он швыряет Екатерине в лицо самые грубые оскорбления, убегает посреди разговора и хлопает изо всех сил дверью.

Сначала Екатерина приходит в отчаяние от таких взрывов бешенства, посылает разгневанному другу записочки, клянется, что она любит только его и будет любить до конца своих дней. Некоторые из этих записочек состоят только из ласкательных прозвищ или нежных ругательств.

Разошедшийся любовник не легко сменяет гнев на милость, иногда он упорно дуется по нескольку дней. Он заставляет Екатерину дожидаться, а то она бежит к нему и находит его дверь запертой. Она предупреждает его о своем посещении, а он приглашает к себе какого-нибудь бездельника и задерживает его у себя так долго, что смертельно усталая императрица наконец с возмущением покидает в полночь его покои. Он посылает ей в ответ на ее письмо с просьбой о примирении чистый листок бумаги.

Она никогда не обижается серьезно, так как и в безудержности его гнева, и в неосновательности его ревности она усматривает только признаки его чрезмерной любви. Но эти вечные сцены все же доставляют ей немало огорчений, потому что ей невыносимо быть в ссоре со своим возлюбленным, ей необходим мир, необходима непринужденная веселость. Вначале она старается выяснить причины, вызвавшие его досаду, пытается рассеивать недоразумения, но с течением времени начинает понимать, что поводы тут не играют роли и что дело заключается в не поддающихся изменению особенностях характера Потемкина. Только иногда – в самых редких случаях – Потемкин сознает свою неправоту и делает первый шаг к примирению.

Отношения между Потемкиным и Екатериной радикально противоположны тем, которые существовали между нею и

Орловым: любящей и любящей ее с неизменной тревогой стороной является Потемкин, а Екатерина больше, чем его самого, любит его страстное к ней чувство.

Но очень скоро нечто совершенно иное, нежели обычная страсть, заполняет эти отношения и придает им такое значение, какого не имела ни одна из предшествующих или последующих любовных связей Екатерины, какого не имела вообще ни одна любовная связь в мировой истории.

Честолюбие Потемкина стремится к такому же безграничному обладанию, как и его любовь. Обычные знаки милости, ордена, отличия, денежные подарки, доходы, связанные с должностью генерал-адъютанта, его не удовлетворяют, он жаждет подлинной власти и настоящего широкого поля деятельности. Он добивается того, что Екатерина назначает его в состав своего совета, он становится заместителем военного министра и чуть ли не на следующий день – настоящим военным министром. Назначение Потемкина на все эти посты объясняется отнюдь не одной влюбленностью в него Екатерины: она искренне убеждена в том, что в лице Потемкина обрела никогда не виданного гения, и теперь этот гений служит на пользу родины.

С известной точки зрения это правильно. На нее производит неотразимое впечатление личность Потемкина, но эта личность и впрямь, несмотря на недостаточную подготовку, умеет проявить себя на любом посту. Потемкин совершает немало ошибок, и они резко и неизменно подчеркиваются его недругами. Другие лица сделали бы, вероятно, на его месте меньше ошибок, но только потому, что вообще сделали бы меньше, чем он. Многие из бесчисленных начинаний Потемкина кончаются неудачами, многие остаются не доведенными до конца, иные приводят к беде, но в общем он является, несомненно, все оживляющей, все стимулирующей, все подхлестывающей силой, приносящей огромную пользу медлительной, инертной России.

Трудно даже представить себе вторую половину царствования Екатерины без Потемкина. После Пугачевского бунта вместе с крушением ее юношеских просветительств и свободолюбивых идеалов она утратила внутреннюю руководящую линию, вдохновение в своей политике. Ей предстоит, по-видимому, только задача организовать при помощи дворянства такое полицейское государство, которое насильственно подавляло бы в народе все революционные стремления. Наряду с этим она может проводить те или иные небольшие гуманные реформы, строить больницы и воспитательные дома, увеличивать количество фабрик, оживлять торговлю – это чрезвычайно полезная, но малоувлекательная программа деятельности.

Сущность любви сводится к тому, чтобы она находила свое завершение в чем-нибудь третьем. Обывательская любовь находит свое завершение в ребенке, а любовь таких личностей, как Екатерина и Потемкин, может найти свое завершение только в мечте о господстве над миром. Они могут спорить и ссориться по пустякам, но когда они говорят о Константинополе, мнения их совпадают. Когда они дают Крыму его прежнее имя Таврида, то говорят на одинаковом языке. Когда Мечтают о главенстве России во всей Европе и всей Азии, то ничто не может нарушить эту мечту, даже ревность. Они оба со дня на день загораются все большим экстазом власти, и в соответствии с этим альковные случайности начинают играть все меньшую и меньшую роль.

Никто из окружающих эту пару не замечает у нее никаких признаков охлаждения, а чувства их принимают все же мало-помалу совершенно иные, довольно необычайные формы. В один прекрасный день Потемкин, отнюдь не впадая в опалу, покидает двор и уезжает по делам на юг России. Он жертвует нежностью Екатерины, чтобы сохранить навеки ее душу, эту ненасытную, жаждущую сверхчеловеческого величия душу.

"Великий муж, называющийся Екатерина", – сказал когда-то о русской императрице Вольтер. С этим великим мужем Екатериной Потемкин заключает нерушимый союз против всего мира. Но так как он знает и "слабую женщину Екатерину" и не хочет отдать ее на произвол случая и панинских интриг, то сам назначает младшего из ее секретарей, Петра Завадовского, на тот интимный пост, от занятия которого лично на будущее время отказывается. Он продолжает при этом поддерживать с Екатериной самую нежную переписку, и тон этих писем таков, как будто Завадовского вовсе не существует.

А когда он возвращается через год ко двору, то побуждает Екатерину дать отставку генерал-адъютанту Завадовскому и взять на его место некоего Зорича, из одного только желания доказать самому себе, что Завадовский ничто, а он, Потемкин, – все. Екатерина соглашается на эту смену. Опыт удался, размежевание состоялось. Потемкин хозяин, он будет складывать к ногам своей повелительницы все, что она пожелает и что он захочет: крепости или цветы, провинции или красивых молодых людей. Пускай другие спят с нею – он останется властелином ее сновидений.

Только после этого отщепления сентиментального начала чувственность Екатерины приобретает те грандиозные размеры и тот ненормальный характер, который шокирует всю Европу и создает ей роковую репутацию Мессалины. Ее прежние связи носили характер сердечных увлечений, вполне понятных у здоровой, темпераментной и чуждой предрассудков женщины, а у

высокопоставленных женщин восемнадцатого века – даже совершенно обычных. Салтыкова, Понятовского, Орлова и Потемкина она любила, с каждым из них ее связывало множество разнообразных общих интересов, ни с одним из них она не могла расстаться без боли. Даже взятого ею "с отчаяния" Васильчикова нельзя отнести всецело на счет ее "легкомыслия", к которому она, по ее собственным словам, "никогда не ощущала склонности".

Ее утверждение правильно. И именно потому, что для подлинного легкомыслия ей не хватало легкости, быстрая смена последующих шести мужчин, занимающих, отчасти с согласия Потемкина, отчасти прямо по его указанию, очищенное им место, таит в себе что-то смущающее. Это какая-то тщательно организованная, педантично урегулированная порочность, абсолютно лишенная примиряющей грации. В своих философских письмах, в обхождении с политиками, генералами и коронованными лицами Екатерина сохраняет до конца своих дней поразительное количество женственного очарования, но в ее любовной жизни все больше и больше выступают на первый план черты преувеличенной мужественности.

Она уже на так молода в то время, когда начинается этот период: ей сорок шесть лет, и двадцать лет спустя она Умрет наутро после любовной ночи. На протяжении этого периода ее фигура становится все толще и делается в конце концов неуклюжей и бесформенной, широкое и массивное тело давит на стройные щиколотки и вызывает их распухание, некогда столь легкая и грациозная походка становится тяжеловесной. Лицо все еще сохраняет следы былой красоты. Когда она говорит, ее глаза сверкают прежним блеском, а когда она улыбается, ее очаровательная любезность одерживает победу над ее возрастом.

Но в спокойном состоянии лицо это строго и все больше выражает истинную сущность императрицы: энергичный подбородок начинает играть доминирующую роль, а две глубокие вертикальные морщины над узкой переносицей повествуют о бесчисленных днях напряженной духовной работы. Рот, о котором Понятовский писал, что "он кажется тоскующим по поцелуям", становится совсем узким. Физиономия полководца на туловище матроны – вот как выглядит эта ненасытная нимфоманка.

Все ее фавориты отличаются красивой внешностью и превосходным телосложением, а главное – молоды. Завадовский – на двадцать пять лет, а последний ее любовник, Платон Зубов, больше чем на сорок лет моложе ее. Екатерина тщеславна, но она не глупа. Она могла поверить Потемкину, что он хочет из-за нее уйти в монастырь, но никоим образом не может верить в страсть всех этих юных офицеров, ежевечерне толпящихся подле ее

карточного столика в надежде привлечь к себе ее внимание. Ей отлично известна ценность как тех преимуществ, которые она может предоставить, так и тех услуг, которые она может получить в обмен.

В этом не оставляет ни малейшего сомнения тот способ, который применяется при избрании нового фаворита. Он приглашается ко двору без указания определенного повода и здесь подвергается тщательному медицинскому осмотру лейб-медика, шотландца Роджерсона. Затем он на протяжении нескольких дней подготовляется подругами Екатерины, графиней Брюс и фрейлиной Протасовой, к выполнению предстоящих ему обязанностей. Обе эти дамы носят кличку "les eprouvenses", то есть испытательницы.

Врачебный осмотр еще может рассматриваться как необходимая мера предосторожности, но тщательное предварительное испытание годности данного кандидата свидетельствует не только о презрении, но и о желании подчеркнуть это презрение, унизить избранника до степени простого самца. То же отношение ощущается в способе, которым дается отставка надоевшему фавориту: он получает совершенно неожиданно, как гром из ясного неба, приказание путешествовать и должен в тот же день выполнить этот приказ, не смея даже показаться хоть еще раз на глаза императрице. Цель поездки ему предоставляется избрать самому. На ближайшей почтовой станции он находит крупную денежную сумму и множество других ценных подарков.

Невзирая на все это, из-за поста генерал-адъютанта императрицы чуть ли не дерутся, и так это остается до последних лет жизни Екатерины. Десятки красивых молодых людей стараются попасть в лейб-гвардию, из состава которой назначается внутренний караул во дворце Екатерины, так что на пути своем из рабочего кабинета в приемные залы, а вечером на обратном пути в спальню императрица шествует посреди двойных шпалер из отборных представителей мужской красоты. А лейб-гвардия состоит почти сплошь из дворян, хоть и не слишком знатных.

Когда фаворит впадает в немилость, начинаются интриги, дело доходит до подлинных сражений из-за шанса доставить императрице лично какое-нибудь известие, передать ей какое-нибудь прошение и тем получить возможность обратить на себя ее внимание. В этих случаях министры, дипломаты, представители иностранных держав, кавалеры, весь двор заняты единственно только тем, чтобы отгадать будущего фаворита или "создать" его, сложные колеса государственной машины

перестают на несколько дней, а то и недель, двигаться, все решения откладываются, глаза всех следят за глазами императрицы. Кого-то она выберет?

Сама императрица утомлена, она в подавленном настроении и не хочет ничего делать. Кажется, будто ее неподдающемуся порче, неизбывному организму не хватает необходимого "топлива души", она жалуется на всевозможные боли, ее письма носят подавленный характер, она чувствует себя старой, использованной, выдохшейся – до того момента, как какое-нибудь красивое лицо вдруг зажжет таинственное внутреннее пламя и пустит машину в ход.

Все иностранные путешественники, посещавшие в то время Россию, отмечают то бросающееся им в глаза обстоятельство, что женщины высших кругов культурнее и образованнее мужчин, но что мужчины зато обращают гораздо больше внимания на свой туалет, что наряды их роскошные – пестрые, фантастичные и по большей части скроены так, что все детали фигуры, особенно же ноги, выставлены напоказ.

Вырастает изнеженное, женоподобное поколение, не помышляющее о великих подвигах духа и храбрости, а только о быстрой, легкой карьере, богатом браке или – самый выгодный шанс – занятии должности генерал-адъютанта при императрице.

Нет больше и следа тех мужских терзаний совести, которые мучили Орлова. Новые фавориты Екатерины гордятся тем, что на их долю выпадают деньги, драгоценности, дома и поместья только за обнаруживаемую ими довольно сомнительного свойства способность помочь толстой старухе уснуть. Если они вмешиваются в государственные дела, то поступают точно так, как куртизанки французских королей: руководятся не подлинным стремлением к активности, не высшим честолюбием, а только поддаваясь настояниям родственников и друзей, которым они раздобывают выгодные должности и которые должны им послужить впоследствии, по миновании царского каприза, опорой в жизни.

А Екатерина снисходительна ко всем своим любимцам, легко поддается на их просьбы, до известной степени влюбляется в каждого из них. Она, вступающая в споры со своим поваром из-за слишком высокого счета на муку, расточает миллионы, когда дело идет о том, чтобы выполнить самую экстравагантную прихоть капризного юноши.

За Завадовским следует Зорич, этого сменяет Римский-Корсаков, которого, как и прежних двух, свергает Потемкин. Место Корсакова занимает Ланской. Он остается на своем посту четыре года. Это лучшие годы Екатерины. Она относится к

Ланскому удивительно тепло, почти по-матерински или, вернее сказать, по-отцовски, потому что и в данном случае роль мужчины выпадает, так сказать, на ее долю. Но Ланской женственен в хорошем смысле этого слова: он нежен, привязчив, предан, не отличается ни заносчивым честолюбием, ни наглым тщеславием.

Четыре года сожительства с Ланским совпадают – случайно ли? – с самым спокойным временем правления Екатерины, и довольная императрица может развернуть всю ширь своих дарований, свою естественную, бьющую через край веселость, свою искреннюю любовь к духовным запросам. Она пишет полдюжины комедий, не являющихся, правда, образцами бессмертного искусства, но представляющих собой бойкие, занятные театральные пьесы, исполненные забавной выдумки и хорошего настроения. Эти комедии исполняются в Эрмитажном театре, и сама Екатерина иногда играет в них. Два сатирических водевиля "Обманутый" и "Обманщик", в которых высмеивается Калиостро, ставятся даже в московском Большом театре (автор скрывается под псевдонимом) и, если можно верить тому, что Екатерина сообщает по этому поводу Гримму, они приносят театральному антрепренеру кучу денег.

К этому же благодатному периоду в жизни Екатерины относится и ее сотрудничество в издаваемом княгиней Дашковой журнале "Собеседник любителей российского слова". Дашковой понадобилось немало времени, чтобы справиться с теми разочарованиями, которые доставила ей Екатерина в качестве государыни и подруги. В конце концов она удовлетворилась ролью президента Академии Наук. После многолетних натянутых отношений между обеими женщинами снова устанавливается сердечный обмен мнениями. Екатерина пользуется новым журналом для того, чтобы в ряде помещенных там под разными псевдонимами сатирических статей высмеивать несимпатичных ей лиц или полемизировать против нападок на ее правительственные мероприятия.

Но все эта оживленная и приятная деятельность неожиданно обрывается: Ланской умирает, что происходит, вероятно, от злоупотребления сильнодействующими возбуждающими средствами. Екатерина вне себя от отчаяния. Почти целый год она остается верна умершему Ланскому. Но это плачевное вдовство не по вкусу Потемкину, ему нужна жизнерадостная, оптимистически настроенная Екатерина, восприимчивая ко всем его идеям и проектам. В конце концов ему удается развлечь ее красавцем Ермоловым. Год спустя этот новый фаворит начинает его злить, она клянется, что прогонит этого "белого негра", и

сдерживает свою клятву.

Место Ермолова занимает Мамонов, и через несколько недель Екатерина до того без ума от него, что теряет голову от гнева и ревности, когда жена ее сына осмеливается пригласить Мамонова к обеду. В другой раз французский посол дает обед в честь Мамонова. Екатерина не может воспретить узнику ее любви принять это приглашение, но проводит весь вечер в карете, разъезжая туда-сюда перед французским посольством.

Несмотря на всю ее наблюдательность, проходит довольно много времени, прежде чем она замечает, что Мамонов увлекся одною из ее придворных дам. Она немедленно подавляет всю свою мучительную ревность и доказывает, что великодушие ее сердца так же не испорчено, как его потребность "не оставаться ни часу без любви". Она разрешает обоим влюбленным обвенчаться, позволяет невесте наряжаться к свадьбе в ее собственной комнате и щедро одаривает ее. "Я получила тяжкий урок, – пишет шестидесятилетняя Екатерина, – но Господь с ними. Пусть будут счастливы".

Ни одному из этих своих современников Екатерина не дала отставки просто оттого, что они ей надоели или из желания разнообразия. Большинство из них было удалено Потемкиным, один умер, один изменил ей. Она действительно не имеет ни малейшей склонности к легкомыслию, она просто не в состоянии оставаться одна и обладает вплоть до старческих лет, до последнего вздоха редкой способностью постоянно заново влюбляться.

Но все эти влюбленности, все эти опьянения ненасытной крови, ненасытной потребности экстаза, в основе своей не что иное, как причудливые арабески ее великой неизменной привязчивости к Потемкину. Она может мечтать в самых выспренних выражениях об удивительных совершенствах своих любимцев, может истощать ради их прихотей казну, может изнывать от ревности, сохнуть от озабоченной любви – все эти фавориты перед лицом Потемкина то же, что пыль пред порывом ветра.

Никогда не доходит между Екатериной и Потемкиным до каких-нибудь споров из-за отставки одного из этих фаворитов, достаточно простого присутствия Потемкина, нескольких сказанных им насмешливых слов, чтобы рассеять ее иллюзии, созданные им самим. Ибо в конце концов все эти молодые люди, замещающие Потемкина, в то время как он неустанно занят различными начинаниями, являются только одною из тех его многочисленных импровизаций, которыми он развлекал свою повелительницу.

Подобно всем импровизациям Потемкина, все эти фавориты Екатерины являются очень кратковременными, но грандиозными и весьма дорогостоящими затеями. Шесть любовников, которых он свел с Екатериной за пятнадцать лет, обошлись казне по приблизительному подсчету в четырнадцать миллионов рублей, часть которых осталась в карманах самого Потемкина, потому что он заставлял каждого из фаворитов уплачивать себе за благосклонное отношение по двести тысяч рублей. Это, впрочем, лишь ничтожная доля тех сумм, которые вообще получил Потемкин как непосредственно из рук императрицы, так и из государственной казны: в общей сложности суммы эти составили около пятнадцати миллионов рублей.

Это большие деньги. Можно спокойно сказать, что фактические заслуги Потемкина перед Россией суммой этой с избытком оплачены и что, во всяком случае, вряд ли допустим порядок, при котором один человек может на протяжении двух десятилетий в такой степени обогатиться. Но подобно тому, как невозможно себе представить Екатерину во второй половине ее царствования без Потемкина, невозможно себе представить и Потемкина без неограниченного права распоряжаться финансами.

Он ведет образ жизни независимого владетельного князя, имеет двор, свою гвардию, секретарей, бесчисленный штат прислуги, своих нахлебников и паразитов. Его дворец великолепнее дворцов императрицы, обставлен с дикой, варварской роскошью, его празднества оставляют далеко за собою празднества Екатерины, потому что он не связан напыщенными образцами французских придворных празднеств, имеет смелость дать полный простор своим восточным безудержным вкусам.

Лучшие музыканты услаждают его слух, лучший в мире повар готовит для него и его гостей, его стерляжья уха славится не меньше, чем его деяния.

Потемкин много читает и по преимуществу Плутарха, но в его библиотеке имеются и фолианты, состоящие из переплетенных в свиную кожу тысячерублевых ассигнаций. Он проводит большую часть своего времени в халате и туфлях на босу ногу, но на своих пирах он появляется в фантастических нарядах и к каждому из этих нарядов имеет фантастический набор драгоценностей из камней соответствующих цветов. Он кумир женщин, и они проходят через его жизнь в неисчислимом количестве. Пусть щеголи из старинной знати издеваются над этим варваром-азиатом, женщины чуют стихийную силу одноглазого исполина. Бывают случаи, что занимающие видное положение мужья сами предлагают ему своих жен, если хотят чего-нибудь пари его посредстве добиться или натворили что-

нибудь, и вопрос о том, пойдет ли он на намеченную сделку, зависит только от того, какое на него впечатление произведет предназначенная ему женщина.

Но и женщины, подобно всему прочему, играют в его жизни только преходящую роль. Иногда он вдруг вспыхнет дикой страстью к какой-нибудь знатной даме, осыпает ее жгучими письмами и драгоценными подарками. Он должен иметь все, что пожелает, он получает все, что ему хочется, и ему надоедает все, чем он уже владеет. А несколько дней спустя он увивается в глухих закоулках столицы за какой-нибудь девицей сомнительной репутации или садится в свою кибитку и мчится без остановок на юг, чтобы развлекаться там в обществе татар и казаков, спать на сеновале и питаться бураками и луком.

Роскошные дворцы, возводимые по его повелению, внутреннее украшение которых производится по его рисункам и под его непосредственным наблюдением, надоедают ему, как только они закончены постройкой, он продает их ниже себестоимости и приступает к возведению новых. За днями роскошных пиршеств следуют дни глубочайшей подавленности и хандры, вчерашний сладострастный паша валяется полуодетый и непричесанный на неприбранной постели и мечтает о том, чтобы повернуться спиной к шумному свету и укрыться в каком-нибудь монастыре. В такие дни никакие беседы с ним невозможны, на его письменном столе громоздятся горы бумаг, прошений, докладов, срочных донесений, перед всеми посетителями, будь то даже министры или послы иностранных держав, захлопываются входные двери.

Несмотря на свои сказочные успехи, он – несчастный человек, неугомонный, неуступчивый, не знающий покоя, ни от чего не в силах отказаться, ничто не может его удовлетворить, он должен хвататься за все и не в состоянии ничего удержать. Он кусок природы, в одно и то же время творческой и разрушительной. Все его предприятия носят соответственный характер: тысячи дел начинаются и бросаются. То, что жизнеспособно, – выживает, остальное постепенно погибает.

Этот удивительный человек хранит всю свою жизнь верность только по отношению к двум женщинам. Первая из них – его племянница, графиня Браницкая, униженное безответное существо, сопровождающее его во всех его поездках по России, преданное и молчаливое, как собака. Она не терзает его ревностью в дни, когда его жизненная сила бьет через край, и не мучает его навязчивым состраданием в дни его упадка духа. Она только всегда и неизменно налицо, подле него – тихая человеческая теплота и больше ничего. Вторая женщина –

Екатерина. Ничто не показательнее для Потемкина и его жизни, колеблющейся между двумя крайностями, чем эта его неразрывная связь с этими двумя женщинами: с самой слабой и самой могущественной, с самой покорной и самой гордой, с рабыней и царицей.

Императрица стоит надо всем, что он делает. Этот человек, честолюбие, жажда власти и денег которого ненасытны, никогда не перестает быть ее слугой. В конечном итоге той, ради которой он все предпринимает, является всегда Екатерина. Он не может вынести, чтобы кто-нибудь стоял между нею и им, но неизменно видит ее над собою, неизменно подчиняется ее воле, никогда не забывает оказывать ей должное почтение, и ее похвала всегда является высшей целью его стремлений.

И Екатерина знает это. Никогда не тревожит ее беспокойство по поводу того, что этот человек, полномочия которого почти безграничны, сможет когда-нибудь перерасти ее, как перерос в свое время Меньшиков Екатерину Первую или Бирон – Анну Иоанновну. Она предоставляет ему, особенно на юге, абсолютную свободу, но он неизменно управляет там ее рукой. Это одухотворяющая, творческая, волшебная рука.

С того момента, как Потемкин высвободился из ослабевших объятий Екатерины, над всей его жизнью высится "гигантский план, достойный Александра или Цезаря", вычитанный им в глазах его повелительницы: уничтожить Турцию, овладеть Константинополем, прогнать мусульман из Европы, господствовать над Черным морем, а оттуда и над всем юго-востоком Европы, создать новую Грецию под верховным протекторатом России.

Этот план возник в голове Екатерины, вероятно, еще до ее восшествия на престол, но один только Потемкин понял его. Когда он уезжает в первый раз на юг, в 1774 году, он увозит его с собой. Теперь уже он является инициатором возведения крепости близ турецкой границы и предлагает для этой цели Херсон, он говорит о необходимости завладеть пограничной крепостью турок Очаковом, он считает, что Севастополь, доныне мирная бухта, должен быть превращен в опорный пункт русского военного флота.

В Петербурге Панин – все еще премьер-министр – относится отрицательно к этим проектам и вызывает тем подозрения у Екатерины: она видит за тактикой Панина ревность Фридриха и существование соглашения Панина с Фридрихом и великим князем Павлом. Опираясь на Потемкина, она поручает флотилии торговых судов, являющихся в действительности военными, попробовать пробраться через Дарданеллы. Это провокация по

отношению к Турции, и она приводит к намеченному результату: после обмена резкими дипломатическими нотами с бессильной Портой заключается новое соглашение, на основании которого всем русским судам разрешен проход через Дарданеллы. Это бескровная, но недостаточная победа. В действительности Екатерина хочет войны.

Через несколько недель после подписания договора рождается ее второй внук, и она дает ему имя Константин. Для того чтобы этот политический намек не оставлял ни малейших сомнений, Екатерина даже чеканит медаль, на одной стороне которой изображен константинопольский собор св. Софии, а на другой стороне – Черное море с восходящей над ним звездой.

Маленький Константин получает в мамки гречанку, во время устраиваемого Потемкиным по случаю его крестин празднества декламируются греческие стихи, товарищей игр маленького Константина выбирают по преимуществу из греков – словом, делается все возможное, чтобы не оставить ни у Порты, ни у Европы никаких сомнений насчет экспансионистских намерений Екатерины.

С согласия Австрии она втихомолку аннексирует Крым. По Кучук-Кайнарджийскому мирному договору Крым был объявлен самостоятельным и ханом его был назначен Шанга-Гирей. Повторяется старая штука, проделанная уже Екатериной с Курляндией и Польшей. "Независимый" хан является в действительности всецело зависящей от России куклой и вынужден постоянно обращаться к России за помощью в борьбе с беспорядками, каждый раз вспыхивающими в его стране и организуемыми на русские деньги. В конце концов он соглашается, просто из боязни за собственную жизнь, уступить Крым Екатерине за ежегодное жалованье в сто тысяч рублей. Потемкин вступает с русской армией в Крым, подавляет все беспорядки и получает за это титул князя Таврического. Ему даются неограниченные полномочия, в его распоряжение предоставляются неограниченные средства. Он является одновременно наместником новых провинций, фельдмаршалом и генерал-инспектором всех русских военных сил. Его задача заключается в том, чтобы превратить дикую Тавриду в культурную страну и создать из нее базу для дальнейших нападений на Турцию.

Это задача как раз ему по вкусу и соответствует его фантазии. Он любит вверенную ему страну, относится к ней не как чужой, действует не как иностранец. Занятие Крыма, подавление тамошних восстаний произведено им, пожалуй, с большей беспощадностью, чем это было бы сделано любым

другим генералом (потому что Потемкин обращается с человеческими жизнями так же расточительно, как и с деньгами), но когда он начинает общаться с вождями татар, они чувствуют в его натуре нечто общее с ними, выгодно отличающее его в их глазах от западнического самомнения прочих русских сановников. Он азиат, быть может, даже по своему происхождению, но уж во всяком случае – по своим склонностям и привычкам, и вступает в управление этим развалившимся государством ханов в качестве их духовного наследника.

Для того чтобы превратить Крым в ту сказочную страну, которая рисуется его воображению, Потемкину не хватает пустяка: одного столетия. Но его воображение без затруднений перескакивает через этот промежуток времени. В его голове все готово уже через несколько месяцев, и он уверен, что за кратчайший промежуток времени ему удастся воплотить свои планы в жизнь. Он начинает сотни дел одновременно. Приступает к сооружению Херсонской крепости и Севастопольского порта. Приказывает построить ряд торговых и военных судов, которые должны будут оживить и охранять Черное море. Заказывает семена дынь и овощей, шелковичных червей из Китая, тутовые деревья из Италии. Расчищает леса и сажает виноградники, основывает двенадцать больших фабрик, приступает к прокладке дорог, пополняет войска, льет пушки, чтобы усилить свою артиллерию, закладывает на берегу Днепра город, который должен стать южной столицей, в противовес северной столице Петербургу.

Эта южная столица получает название Екатеринослава. Не доставлен еще на место ни один ремесленник, не заложен еще фундамент первого дома, но уже основан Екатеринославский университет, приглашены крупные ученые со всего света, чтобы читать в нем лекции, уже вербуются в России и за границей студенты.

Потемкин часто мчится на несколько дней в Петербург, чтобы рассказать Екатерине про чудеса нового города, который должен вырасти в одну ночь из ничего, как в восточной сказке. Екатерина уже видит перед собой этот город с дворцом для губернатора Потемкина в центре, с широкими светлыми улицами, большими тенистыми парками, музыкальной академией, университетом, кадетским корпусом, госпиталем. Она верит всем прочим чудесам, о которых ей рассказывает Потемкин, верит золотистым полям пшеницы и сочным лугам, верит деревням, переполненным довольными зажиточными крестьянами.

Она верит, что Потемкин на протяжении трех лет превратил пустынную степь в плодороднейшую и счастливейшую из ее

провинций, и решается посетить эту страну. Она хочет увидеть Потемкинские чудеса и показать эти волшебные творения всем злобствующим людям, осмеливающимся сомневаться в гениальности ее великого друга.

Она открыла этого человека, она выпустила его из своих объятий для того, чтобы он послужил государству, – теперь она хочет испытать удовлетворение от зрелища всего того, что он создал во славу ее. Еще много других планов соединено с этой поездкой. Екатерина хочет отвезти своего второго внука Константина на границу его будущего греческого государства. Она хочет встревожить своим появлением Турцию и спровоцировать ее. Она приглашает Иосифа II встретиться с нею в Херсоне, так как надеется, что он при виде "уже испеченного пирога" ощутит снова охоту повести вместе с ней войну против ислама.

Мысль об этой поездке пьянит ее, никакими соображениями политического характера невозможно удержать ее от осуществления ее проекта. Ей теперь уже пятьдесят восемь лет, но никогда еще ее предприимчивость, ее живость, ее способность воодушевляться не достигали таких размеров. А кроме того, Потемкин упорно настаивает на ее приезде.

Потемкину не удалось всего за несколько лет превратить пустыню в сады, степь в леса и нищету в богатство, но ему удается на несколько недель создать для Екатерины иллюзию всего этого. Шоссе, города, села существуют только на географической карте, фабрики, полки и пушки существуют лишь на бумаге. Степи так же пустынны и печальны, как были, деревни грязны и состоят из полуразвалившихся хижин, но все это не беда. Потемкин, правда, не волшебник, но он поразительный режиссер, и инсценировка поездки Екатерины в Крым являет собой величайшую театральную постановку на протяжении всей мировой истории, она единственная в своем роде, она потрясающа и может быть по заслугам поставлена в один ряд с висячими садами Семирамиды и прочими чудесами мира.

Екатерина начинает путешествие в феврале. Мобилизуется армия в сорок тысяч человек, чтобы обеспечить безопасность императрицы. Ее сани размером с небольшой дом, на каждой стороне по три окна, и запряжены в них восемь лошадей. На каждой почтовой станции путешествующих ждут пятьсот свежих лошадей. Исполинские костры разложены один неподалеку от другого и освещают дорогу ночью.

Поездка до Киева продолжается всего две недели. Потемкин отправился вперед, чтобы озаботиться необходимыми приготовлениями. В городах всем домовладельцам отдано

распоряжение выкрасить заново их дома (в большинстве случаев окрашиваются только стены, обращенные к улицам), в деревнях захудалые, некрасивые уголки заслоняются посадкой живых и искусственных деревьев, развалившиеся крыши прикрываются раскрашенным картоном, населению отдается строжайший приказ нарядиться как можно праздничнее, девушкам украсить себя цветами и усыпать ими дорогу, старым, больным и оборванцам запрещено выходить из домов, подача всякого рода челобитных и прошение милостыни воспрещается под страхом сурового наказания и на всех возлагается обязанность выражать на лицах и всеми движениями тела огромную радость.

Более сорока лет тому назад Екатерина ездила по этому пути в первый раз, тогда вокруг ее коляски толпились полунагие фигуры в лохмотьях и на их изможденных, исполненных ненависти лицах она читала нужду, голод, нищету – правду! Ее сердце было тогда потрясено этим впечатлением, ее дух получил стимул для благородных решений.

Из этих благородных намерений ничего не вышло, крестьяне нуждаются и голодают, как при Елизавете, но императрица об этом ничего не знает. Мощная рука художника-Потемкина облекла ее глаза вуалью иллюзии и подарила Екатерине на старости восхитительное счастье осуществившейся жизненной мечты. Екатерина, правда, не могла даровать крестьянам свободу, восстановить рабов в их правах, но при виде этих чистых деревенских улиц, приветливых девушек, радостных разряженных мужиков ей все же кажется, что она сумела осчастливить и обогатить своих подданных.

В превосходном приподнятом настроении прибывает она в Киев, где намечена остановка на несколько недель, потому что дальнейшая поездка будет по воде и необходимо дождаться вскрытия Днепра. Старинный город приготовился с достоинством встретить высоких гостей. Все дворцы отремонтированы, лавки заполнены товарами, обывателям представляется случай вдоволь насладиться пышным зрелищем.

Богатое дворянство юга России, сливки польской шляхты, ряд французских генералов съезжаются в Киев, чтобы приветствовать императрицу всей России. Все они считаются на время пребывания в городе Екатерины ее гостями, и каждый гость получает в свое распоряжение обставленный всем необходимым дом с поварами, лакеями, экипажами. Столовое белье сменяется после каждой трапезы и тут же раздаривается. Екатерина в качестве гостеприимной хозяйки неизменно старается всем угодить, сказать каждому что-нибудь приятное, всех очаровать, всех развлечь. Она запрещает соблюдать строгий придворный

этикет и вести политические разговоры и в приступе восторга предлагает даже всем перейти на "ты".

Вечерами происходят празднества за празднествами, но Екатерина предпочитает всем развлечениям свою излюбленную игру в карты. В десять часов она удаляется в свою спальню. Подле ее постели зеркальная стена, которая исчезает при нажатии особой кнопки и открывает вторую постель – ее нынешнего фаворита Мамонова. Это одна из остроумных и любезных выдумок внимательного Потемкина. На протяжении всей поездки в каждом из импровизированных дворцов императрица находит в своей опочивальне аналогичное приспособление.

Сам Потемкин, главный герой и инициатор всей затеи, живет в старинном монастыре. Он любит общение с монахами и ведет с ними долгие разговоры в то время как происходят устроенные им пышные пиршества. Он испытывает также особое удовольствие в том, чтобы дать почувствовать свое презрение всем тем, кто интриговал против него пока он отсутствовал, а теперь раболепствует. Если он снисходит до того, чтобы принять их, то встречает их неизменно в шубе, надетой на голое тело, в туфлях на босу ногу и сидя за шахматной доской, настолько погруженный в игру, что забывает поздороваться. Только ловкий Сегюр умеет обращаться с капризным деспотом: при встрече с ним он просто берет его за голову и целует в обе щеки.

Наконец наступает май, Днепр окончательно освободился ото льда, опасные пороги взорваны, и все общество может усесться на галеры. Теперь только начинается путешествие по сказочной стране Потемкина. Все это похоже на сон, но на сон волшебника, обладающего даром претворять свои фантастические видения в реальную видимость.

В семи плавучих дворцах, сопровождаемых восьмьюдесятью баржами, располагаются три тысячи человек. Галеры императрицы и ее гостей обиты изнутри золотой парчой, золотом сверкают стены, золотом отливают наряды прислуги, все столовые сервизы – золотые.

Бесчисленные лодки шныряют между судами, перевозят гостей с одного на другое, доставляют вина, яства и музыкантов для обедов, балов и концертов, которыми развлекаются веселые обитатели этого плавучего города. Императрица лежит весь день на палубе, защищенная шелковым ковром от лучей солнца, и с восхищением любуется открывающейся перед нею панорамой: деревнями и городами, разукрашенными исполинскими триумфальными арками и роскошными гирляндами цветов, пасущимися на сочных лугах стадами, марширующими вдоль берега полками солдат, разодетыми в пестрые наряды

крестьянами и крестьянками, ведущими по вечерам веселые хороводы у воды.

Природа словно сговорилась с могущественным кудесником Потемкиным, украшает его театральные затеи очаровательными световыми эффектами, позлащает самые наглые кулисы лучами настоящего майского солнца.

Перед лицом этих ежедневно разворачивающихся волшебных картин вынуждены умолкнуть даже языки самых злостных завистников Потемкина, и Екатерина переходит от одного восхищения к другому. Она и все окружающие покинули мир действительности, преисполненные счастья плывут они по призрачному царству возродившегося к жизни античного мира, именуют Днепр Борисфеном, а страну, в которой находятся, – Тавридой, разговаривают об Ифигении и старых языческих богах, а Екатерина является одновременно и Александром Македонским, и Клеопатрой.

Она не знает, что этот очаровательный мир исчезает сейчас же после того, как проехала ее галера, что высящиеся позади триумфальных арок дома не имеют ни крыш, ни дверей, ни окон, что за домами нет никаких улиц, что в деревнях нет обитателей, что стада специально согнаны на берег реки для того, чтобы они паслись на ее глазах, что пляшущие крестьяне и крестьянки в действительности рабы, которые собраны по приказу Потемкина, наряжены в фантастические костюмы и при помощи понуканий и палочных ударов обучены веселым танцам. Едва лишь солнце заходит, их сажают, как бродячую театральную труппу, на телеги и везут по ухабистым дорогам через выжженные солнцем степи дальше вниз по течению, чтобы они могли на следующий вечер и в другом месте создавать для императрицы иллюзию радостно пляшущих поселян.

Три раза галеры бросают якорь. В каждом из этих мест Екатерина находит вновь построенный великолепный дворец с фонтанами и большим тенистым парком. Потемкин все может: в одном месте он превратил дикий лес в английский сад, в другое место привез издалека деревья и посадил их в песчаную почву, где они будут зеленеть несколько дней и потом засохнут. Повсюду вокруг царского дворца возведены на скорую руку деревянные постройки для остального общества, носящие, правда, временный характер, однако содержащие все необходимое для удовлетворения самых избалованных потребностей. Повсюду солдаты, прекрасно вымуштрованные, отлично экипированные, в новых практичных мундирах.

В Екатеринославе Екатерина встречается с Иосифом II и вместе с ним закладывает там на очаровательном холме новый

кафедральный собор. План этого собора готов – он должен быть гигантским, потрясающим. В сравнении в этим проектом собор св. Петра в Риме прямо жалкая деревенская церковь. Иосиф только что прибыл и еще не охвачен магией сказочного мира. Он пишет фельдмаршалу Ласчи: "Сегодня я совершил великое дело. Императрица заложила первый камень нового грандиозного собора, а я – последний". Иосиф оказался прав. Екатеринославский собор остается только на бумаге.

Но вскоре и умный австрийский император забывает свой скептицизм. До Херсона едут на лошадях. Проезжают через местности, которые кишмя кишат всевозможными мастеровыми – каменщиками, кровельщиками, каменотесами, плотниками, встречают повсюду рынки, переполненные самыми разнообразными товарами, видят ярко пульсирующую жизнь, бешеное движение, и проезжающие не могут знать, что все эти местности в действительности пустынны и мертвы, что Потемкин согнал сюда не меньше двадцати различных племен, оторвав их с их родной земли для того, чтобы оживить на время свои новые провинции.

В Херсоне действительность приходит на помощь режиссуре Потемкина. Встреча двух монархов привлекла в город огромное количество любопытных, бесконечное множество купцов – армян, евреев, татар – съехалось сюда в надежде найти сбыт своим товарам, Херсон носит в эти дни и впрямь характер большого оживленного города, а все, что проезжающие осматривают, оказывается из ряда вон выходящим по качеству, арсеналы переполнены орудиями, в гавани стоит большое количество новых судов. В присутствии Екатерины спускаются на воду три вновь построенных судна. Во время прогулки по окрестностям она и ее именитый гость натыкаются на верстовой столб с надписью: тут дорога в Византию.

На том берегу Днепра начинается Ногайская степь, печальная пустыня, но и здесь гениальный режиссер умеет добиться поразительных эффектов: лагерь палаток, целые города из пестрых великолепных палаток, изукрашенных внутри драгоценными коврами, приветствуют гостей, бесконечные караваны с тяжело нагруженными верблюдами проходят мимо них и создают впечатление хоть и примитивной, но крайне оживленного товарообмена между Россией и присоединенной новой провинцией. Три тысячи донских казаков разъезжают на своих маленьких лошадках то тут, то там, и чем дальше продвигаешься в глубь страны, тем более чужда становится Европа и ее нравы, феерия разворачивается во все более своеобразных тонах, принимает все более необычный, восточный,

вневременной характер.

На границе Тавриды новую повелительницу приветствуют самые знатные мирзы. Кавказские князья, прекрасные, как грезы греческих скульпторов, вооруженные луками и стрелами, мчатся ей навстречу на неоседланных белых лошадях, за ними скачут толпы черкесов в серебристых одеяниях, напоминая собой белое искрящееся облако.

Наконец появляются на горизонте стройные минареты столицы Бахчисарая, и через несколько часов путешественники оказываются в центре старинного арабского города, окруженные мужчинами в длинных украшенных золотом халатах, закутанными в вуали женщинами, входят в старинный дворец халифов с его журчащими прохладой фонтанами в мраморных нишах, и Екатерина садится на трон великих ханов. Избалованные путешественники находят здесь привычный им комфорт, хотя Потемкин и не учинил никакого насилия над местным колоритом и не попытался нигде заменить азиатский характер дворца в угоду французскому стилю современности. На протяжении всей ночи искусственный вулкан извергает из своего кратера пламя и освещает дремлющую красоту мавританских садов.

Потемкин в своей атмосфере. Он оставил грубого москвича с его шубой и туфлями в Киеве, теперь он одновременно и гостеприимный до расточительности шейх, и вассал своей повелительницы, затейник и прожектер. Он становится снова прежним шутником, когда-то так умевшим забавлять Екатерину. "Мы часто думали, что вот-вот помрем со смеху, до того весел был князь", – пишет де Линь и в последующих строках своего донесения восхищается философским глубокомыслием Потемкина. Этот оригинал-русский очаровывает француза даже больше, нежели сама Екатерина. Очаровывает в особенности непримиримыми противоречиями своего характера. Да и действительно, как примирить его невероятную активность с его сказочной ленью, его безграничное честолюбие с его абсолютным безразличием, его веселость с его глубокой меланхолией?

Посреди забав, шуток и развлечений, но неизменно провозя их мимо новых отлично экипированных полков, Потемкин доставляет наконец своих многочисленных гостей в Севастополь. Сюда прибывают под вечер и тут, за обедом на восемьдесят персон, под звуки оркестра, состоящего из ста двадцати музыкантов, Екатерина впервые заводит с Иосифом II речь о своих турецких планах. У него создается впечатление, что она охвачена лихорадкой, она не слушает его возражений, утверждает, что и без его помощи справится с турками.

– Сто тысяч человек, – говорит Потемкин, – только и дожидаются того, чтобы я произнес команду "вперед".

И когда он произносит эти слова, распахиваются одновременно все окна залы, и перед опьяненными взорами Екатерины раскрывается вид теснящихся вокруг дворца татарских войск, а за ними – стоящий на якоре в бухте новый, выстроенный за два года черноморский флот. На всех судах палят из орудий, и с палуб доносятся восторженные крики: "Виват повелительнице Понта Эвксинского!"

Вечером осматривают с баркасов самые большие военные суда и вновь выстроенный город с его казармами, арсеналами, госпиталями и присутственными местами. И перед отходом ко сну Иосиф II пишет своему фельдмаршалу Ласчи: "Если бы я был так близко от Берлина, а пруссаки были такими же ротозеями, как турки, то, право, не знаю, в состоянии ли бы я был не поддаться соблазну уничтожить их".

Это было потрясающее зрелище. Несколько дней спустя, в качестве заключительного аккорда и увенчания всей поездки, организуется еще одно: в Полтаве две большие армии разыгрывают настоящее сражение, являющееся копией решительной победы, одержанной здесь войсками Петра над шведами. Всех зрителей охватывает подлинная лихорадка военной славы, они заражены героизмом, опьянены уверенностью в победе, и никто не в силах справиться с этим опьянением. Иосиф наконец подписывает с Екатериной желанный тайный договор, он уже видит себя снова господином Белграда и видит, как Дунай протекает вплоть до Валахии через австрийские земли. Ведь он видит в Екатерине самого могущественного властелина мира, самого богатого, самого независимого, самого суверенного монарха Европы.

Мечты Потемкина и Екатерины сбываются несколько преждевременно: французская дипломатия, осведомленная лучше, чем российская императрица, добивается того, что Порта переходит в наступление и война начинается раньше, чем Потемкин заканчивает свои приготовления. Немедленно же выясняется, чего недостает: не хватает солдат, не хватает провианта для армии, не хватает дерева для постройки мостов, не хватает пороха для пушек, не хватает сукна на обмундирование и в первую очередь не хватает денег.

"Если победят турки, – пишет один публицист того времени, – то они и не подумают о том, чтобы идти на Москву или Петербург. Но русским достаточно выиграть два сражения, чтобы иметь возможность занять Константинополь". Необходимо овладеть Очаковской крепостью и осадить русским флотом

турецкую столицу: в этом случае русские и австрийские войска смогут соединиться.

Принц де Линь, хоть и состоит на австрийской службе, испросил разрешения сражаться в рядах русских войск и помчался сломя голову на фронт из опасения пропустить взятие Очакова. Какое разочарование ожидает его в штаб-квартире в Яссах. Очаков стоит неприкосновенно, и никто не помышляет о взятии его штурмом.

Где же этот крымский волшебник, исполин, богатырь, где эта горячая голова? Окруженный армией прислуги в 700 человек, полудюжиной любовниц, оберегаемый Браницкой, какой-то подавленный, скверно настроенный господин проводит свои дни за пустыми забавами, которые ему самому прискучили. Принц де Линь тоже скучает. Что прикажете делать, когда нет дерева, а в этой проклятой Богом местности не растет лес. Потемкин приказал доставить дерево из своих польских лесов, заказал порох в Голландии – вот и все. Хочешь не хочешь, а остается только ждать и как-нибудь задерживать врага. Если австрийский гость становится уже слишком навязчив, Потемкин устраивает появление запыхавшегося курьера, докладывающего о никогда не бывшей победе на Урале. А помимо этого – женщины, карты, алкоголь.

Наконец-то прибывают лес из Польши и порох из Голландии. Но Потемкин все еще медлит. Дело не в Очакове. Очаков ведь только промежуточная станция на пути великого похода Александра Македонского, обещанного им Екатерине.

Де Линь получает каждую неделю все более настоятельные депеши от Иосифа II, который, в свою очередь, выжидает со штурмом Белграда до тех пор, пока турки окажутся отвлеченными наступлением русских войск.

"Что же с Очаковом?" – допытывается Иосиф у принца, а тот у фельдмаршала. Летом ведь говорили, что не понадобится и восьми дней для взятия этой старой полуразвалившейся крепости.

"Что с Очаковом?" – спрашивает и Екатерина в каждом письме. Потемкин уклоняется от разговоров с принцем и оставляет письма императрицы без ответа.

Потемкин давно уже, в сущности, больной человек. Его безалаберный образ жизни, его оргии подорвали этот исполинский организм. Но парализует… страх. Он опасается поражения. Его восхождение было слишком молниеносно для того, чтобы поражение не отразилось слишком роковым образом на его карьере. Он напоминает альпиниста, с которым приключилось головокружение непосредственно перед моментом,

когда предстоит взобраться на самую верхушку горы, и который цепляется за выступ скалы, потому что не решается двинуться дальше и потому что обратный путь отрезан.

Он боится и смерти. Он не тот хладнокровный солдат, каким был Орлов, его отношение к смерти, как у всех людей, обладающих пылким воображением, носит очень сложный характер. Под военным мундиром он носит на шее ладанку, а в его спальне висят многочисленные иконы, перед которыми он молится утром и вечером. Он вел греховную жизнь, ведет ее еще и сейчас, но никогда не переставал надеяться на то, что на его долю выпадет еще несколько лет, в течение которых ему удастся замолить свои грехи в монастырском уединении и снискать милость Божию. Он не хочет умереть в этом походе.

При таком малодушном и подавленном настроении первый действительно серьезный удар не может не подействовать на него уничтожающе: его любимое детище, новый черноморский флот, при самом выходе из гавани попадает в бурю и в значительной части погибает. Потемкин не только прощается со всеми своими грезами насчет Византии, он даже пишет Екатерине, что придется очистить Крым, являющийся очагом постоянно новых восстаний и связывающий, таким образом, большое количество войск.

– Ты это написал, должно быть, под первым впечатлением, – отвечает ему Екатерина, – когда думал, что весь флот уничтожен. Ведь буря-то, вероятно, не нас одних потрепала. Куда же нам девать остаток флота, если мы очистим Севастополь? И как можем мы добровольно отказаться от тех огромных преимуществ, которых добились в мирное и военное время? Ради Бога, брось эти мысли! Если кто-нибудь сидит верхом на лошади, то не вздумает ведь он слезать для того, чтобы держаться за хвост! Было бы лучше, если бы ты отказался от плана наступления морем и выступил против Очакова.

Очаков, опять Очаков, вечно этот Очаков! Потемкин меньше чем когда-либо способен теперь решиться на штурм крепости. Он все больше жаждет покоя, безответственности. Он просит Екатерину снять с него верховное командование и позволить ему уйти в монастырь. Теперь поражение кажется ему уже неизбежным, и бегство представляется единственной возможностью его избежать.

Но Екатерина из другого теста, чем он. В хорошие дни она вместе с ним предавалась волшебным грезам, она поддавалась влиянию его фантастического оптимизма, но теперь она в состоянии справиться с ударами судьбы. Ее вера в свою счастливую звезду и ее вера в Потемкина непоколебимы. Она пишет ему ряд нежных писем, в которых удивительно искусно

поддерживает его упавшее мужество, доказывает, что все поправимо и что только он способен добиться желанных результатов.

А ей и самой теперь необходим колоссальный запас мужества. Неудачи сыпятся одна за другой, и катастрофа начинает казаться неизбежной.

Вскоре после начала турецкой войны грозила вспыхнуть старая вражда Швеции. Густав III приказывает своему флоту крейсировать в Балтийском море. Екатерине приходится примириться с этим, так как ее черноморский флот уничтожен, и она намерена направить в Черное море балтийский флот. Это намерение наталкивается на сопротивление со стороны Франции и Англии. Екатерина ведет переговоры с обеими державами, обещает предоставить им разные привилегии на своих новозавоеванных территориях.

Но в то время как эти переговоры еще длятся и Екатерина с трудом подавляет свое озлобление против лицемерных христиан, не желающих поддержать ее в ее борьбе с исламом, все рушится: Густав III, не объявляя войны, переходит с войсками русскую границу, отослать балтийский флот уже невозможно, и Екатерина всецело поглощена заботой о том, как бы охранить свою столицу от надвигающихся шведов.

Для этой цели необходимо привлечь гвардию, которую до сих пор все еще щадили, дворяне снаряжают на свой счет дружины, наскоро составленные из крепостных, старейшие из отставных генералов призываются на командные посты. Положение скверно и становится день ото дня все хуже. Войска Иосифа II терпят решительное поражение, сам он с трудом спасается от гибели, турки наводняют недавно колонизованный цветущий Банат. Пруссаки собираются, в свою очередь, выступить против Австрии. Кажется, что вся Европа ополчилась мощной коалицией против "самого суверенного монарха".

"Возьми Очаков, – пишет Екатерина в ноябре 1788 года Потемкину, – и заключи мир с турками. Тогда ты увидишь, что все они станут тише воды и ниже травы".

Стесненное положение, в котором очутилась Екатерина, является психологической разгрузкой для Потемкина. Гигантская задача, возложенная было на него и выражавшаяся в том, чтобы подобно второму Александру Македонскому завоевать весь восток, снята с его плеч. Теперь все дело сводится и впрямь только к взятию Очакова. Это пробуждает Потемкина от летаргического сна, и он после длившейся почти год ленивой осады крепости овладевает ею в несколько дней.

Если человеку, знающему, что такое страх смерти, удается с

этим страхом совладать, то он становится во сто крат смелее тех людей, для которых храбрость является чем-то само собою разумеющимся. При взятии Очакова Потемкин не жалеет ни друга, ни недруга, спокойно стоит сам под градом пуль, ведет свои войска без достаточной предварительной артиллерийской подготовки на штурм крепостных стен. Двадцать тысяч русских гибнут, а оставшиеся в живых победители, измученные, полуобезумевшие от перенесенных тягот и страхов, изливают свою месть путем устройства ужаснейшей кровавой бани среди защитников взятой крепости. Но это, во всяком случае, победа, наконец-то победа!

– Я беру тебя мысленно за уши и целую тебя, друг ты мой сердечный, Гришенька, – пишет ему Екатерина.

Завоевание Очакова является большим стратегическим и еще большим моральным выигрышем. Прежде всего Потемкин выбит из своей апатии. Вместо того чтобы сдать верховное командование Румянцеву, он принимает от последнего командование и теми войсками, которые находились под его началом, и овладевает сильной крепостью Бендеры.

На всех прочих фронтах с этого момента дела тоже принимают решительный поворот к лучшему. Шведское дворянство, угнетаемое Густавом и подкупленное Екатериной, восстает против своего короля, и старый адмирал Грейг одерживает победу над шведским флотом. Австрийский генерал Лаудон овладевает крепостью Белград, и, соединившись с ним, русский генерал Суворов – величайший полководец того времени – наносит туркам решительное поражение под Фокшанами.

Но для Екатерины самым великим человеком и героем остается Потемкин и один только Потемкин. Все ее письма к нему за границу исполнены прославления его талантов.

Екатерина, оказывается права: под влиянием успехов русского оружия все европейские державы поджимают хвосты. Она может снова сколько ее душе угодно насмехаться в своих письмах к Потемкину над новым прусским королем. Когда в августе 1790 года с Швецией заключается мир с сохранением прежних основ, она пишет: "Одну лапу нам благополучно удалось вытянуть из грязи. Если нам вскоре удастся высвободить и другую, то сможем запеть аллилуйя".

Хотя письма Екатерины и преисполнены той же нежности, как и вся ее предыдущая корреспонденция, они все же начинают с некоторых пор огорчать Потемкина. В них теперь пишется не "Сашенька шлет тебе привет", а "маленький чернушка шлет тебе привет". В Петербурге состоялась смена фаворитов – само по себе довольно привычное и не имеющее особого значения

обстоятельство. Но "Сашенька" это был Мамонов, человек, избранный самим Потемкиным и являвшийся преданным ему креатурой, а "маленький чернушка" это 22-летний гвардейский офицер Платон Зубов, которого Потемкин почти не знает, но который, сколько ему известно, является протеже его врага Петра Салтыкова.

Ему повезло, этому юному Зубову, но он, кроме того, принял твердое решение добиться во что бы то ни стало своего счастья. Как и весь двор (за исключением самой Екатерины), он знал уже около года о том, что Мамонов неверен императрице, и готовился к тому дню, когда она узнает об измене ее фаворита. Он неоднократно говорил камеристке Екатерины, знаменитой Перекусихиной, о своей страсти к императрице, при содействии своих покровителей он устраивал так, что имел возможность все время находиться поблизости от нее, почему и оказался под рукой в тот момент, когда она решилась дать отставку Мамонову.

Екатерина не предполагала, чтобы Потемкина мог огорчить ее самостоятельный выбор. "Я воскресла к новой жизни, как окоченевшая было от стужи муха", – сознается она своему далекому другу и описывает ему с присущим их отношениям сентиментальным бесстыдством, как очарователен ее новый любимец, как он ласков и нежен.

Когда она видит из ответных писем Потемкина, что тот отнюдь не склонен разделять ее радость, она пытается на все лады примирить его с ее новым избранником. "Дитя находит, что ты гораздо остроумнее, занятнее и любезнее, чем все окружающие тебя люди". Но Потемкин придает очень мало значения оценке его личности со стороны этого неизвестно откуда появившегося ничтожества. Зимою 1791 года он внезапно покидает театр военных действий, своих генералов и своих любовниц и бешено мчится, не останавливаясь нигде в пути, в Петербург.

Для Екатерины приезд Потемкина является сюрпризом, но она встречает его со всеми признаками радости. Она чествует Потемкина как победителя и достойного изумления героя, совсем, по-видимому, позабыв, что это он провоцировал войну, единственный успех которой для России сводится пока только к тому, что Россия не проиграла ее с позором и стыдом.

На него сыпятся как из рога изобилия подарки и знаки отличия, золотые сервизы и бриллианты, но когда Потемкин просит ее "избавить его от ноющего зуба", ему впервые не удается поставить на своем, она впервые отказывается принести ему в жертву своего любимца. Сколько убедительнейших доводов ни приводит он ей против Зубова, какой гениальный нюх, какое удивительное красноречие ни проявляет он в раскрытии и

описании всех недостатков, смешных сторон и мелких проступков своего соперника, ему не удается уронить этого незначительного юношу в глазах Екатерины. Потому что Зубов делает Екатерину счастливой, дает ей больше счастья, чем кто бы ни то ни было из ее прежних фаворитов.

Этот "маленький чернушка" появился вовремя, как раз в тот момент, когда Мамонов преподал Екатерине очень болезненный "урок", когда она узнала от него, что и императрицы стареют, что состарилась даже она сама, невзирая на свою неповторимую божественность, что ее тело, кровь которого бурлит с прежней силой, подчинено, увы, вечному закону увядания. Платон Зубов сумел рассеять ее впечатление от этого неприятного урока, заставил забыть его.

Допущение Зубова произошло в том же циничном порядке, как и допущение его предшественников: он прошел и через руки врача, и через руки Протасовой, и Екатерина на этот раз приняла еще более твердое, чем всегда, решение не вмешивать во все это дело своего сердца. Но так уж часто случается, что перенесенные огорчения делают человека не более подозрительным, а более податливым на каждое проявление нежности.

Ввиду невероятного самообладания, проявленного Екатериной, мы не знает, насколько глубоко уязвил Мамонов ее женское самолюбие, но мы можем судить об этом именно по безграничной благодарности, которую она ощущает к тому, кто сумел внушить ей снова веру в свою женскую прелесть. Эта благодарность больше, нежели благодарность Потемкину за его двадцатилетнюю дружбу, больше, чем благодарность за все его деяния и даже за те геройские подвиги, которые он, по ее мнению, совершил.

С непогрешимым инстинктом человека, жизненному нерву которого угрожает смертельная опасность, чувствует Потемкин, что этот Зубов не только занимает в жизни Екатерины большее место, чем кто-либо из ее прежних возлюбленных, но заполняет даже такие уголки ее души, в которые до сих пор имел доступ только он один. Он не решается, однако, поставить вопрос слишком остро, как он это сделал в свое время по отношению к "белому нефу" Ермолову, ибо опасается, что императрица предпочтет пойти на разрыв с ним, а не с Зубовым.

Близорукие люди из окружения Екатерины и даже иностранные послы полагали, будто она готова была жертвовать ему всеми своими фаворитами, потому что опасалась его могущества. Его могущество в данный момент больше, чем когда бы то ни было. Но Екатерина не боится этого могущества, да никогда его и не боялась. Она просто любила на протяжении

двадцати лет Потемкина больше, чем какого-либо другого мужчину, а теперь она любила другого больше, чем его.

Да Потемкин вовсе и не помышлял о том, чтобы пустить в ход свое могущество. Он пробует нечто гораздо более безумное и безнадежное: он пробует завоевать во второй раз, заново, ее сердце. Он вступает с Зубовым в борьбу за любовь старухи. Потемкину пятьдесят лет, он никогда не отличался особой красотой, но он все еще исполненный силы великан с лицом, горящим духовным огнем. Зубов же совсем молод, скорее слабого, чем геркулесовского сложения, отличается чарующей грацией кошки, и особенно красивы его мягкие как шелк темные волосы. Само собою разумеется, что в любой словесной дуэли с Потемкиным он не может не потерпеть самого решительного поражения, и его личность является по сравнению с исполинской личностью Потемкина жалким ничтожеством. Но Екатерина находит каждое слово, произносимое женственным мягким ртом Зубова, исполненным остроумия и очарования, и сила ее любви дает ему силу выдерживать неравную борьбу.

Потемкин устраивает в своем великолепном Таврическом дворце в честь Екатерины ряд пышных празднеств, затмевающих своей роскошью все когда-либо виденное. Балы, маскарады, спектакли, фейерверки невиданного великолепия сменяют друг друга, и в центре всех этих празднеств стоит воспеваемая, чествуемая, окуриваемая фимиамом, как богиня, шестидесятилетняя беззубая старуха с распухшими ногами. Потемкин носит наряд, затканный от шеи до колен бриллиантами, – этот наряд обошелся ему в полмиллиона золотых рублей! Но его словечки отшлифованы еще лучше, чем его бриллианты, его остроты сверкают ярче, чем его фейерверки.

Он концентрирует все, что он собою представляет, все, чем обладает, все, что умеет, все пламенные воспоминания, все общие грезы, чтобы еще раз зажечь в глазах любимой то пламя, без которого ему кажется безразличным все его богатство и ничтожным все его могущество.

Он терпит поражение. Постаревшая Екатерина утратила способность критической оценки, она только рабыня вечноюных потребностей своего увядшего тела. В эротическом отношении Потемкин никогда не представлял для нее особой ценности, но и сама эротика никогда не играла в ее жизни такой роли, как теперь, когда она стара и жадно цепляется за радости секса. Она всегда господствовала над своими любовниками и над страстью, которую она к ним испытывала, но именно теперь, когда ей полагалось бы вообще быть выше страстей в этой титанической борьбе с природой, теперь, когда она понимает, что Зубов – у нее

последний, она впервые подпадает под власть этого ничтожного человека и только любовника.

Однажды она спрашивает Потемкина за парадным обедом о том, сколько стоит один из его дворцов. Потемкин, понимая, для кого она намерена приобрести этот дворец, отвечает, что он, к сожалению, уже продан.

– С каких пор? – осведомляется Екатерина.

– С сегодняшнего утра, ваше величество.

– И кому?

Потемкин указывает на одного из своих адъютантов, у которого нет ни гроша за душой и который, таким образом, становится обладателем великолепного поместья с двенадцатью тысячами крепостных душ. Ревность Потемкина отличается столь же грандиозным размахом, как и его прочие чувства. Но Зубов чувствует эту ревность, чувствует ту подземную борьбу, которую ведет против него Потемкин, и, вполне уверенный в своих силах и в своем неограниченном влиянии на Екатерину, переходит в открытое наступление: он требует удаления Потемкина из Петербурга.

После одного особенно пышного празднества, на котором присутствовало три тысячи приглашенных, Потемкин в два часа ночи лично провожает императрицу до ее кареты. На нем ярко-красный кафтан, украшенный всеми полученными им орденами и воинскими знаками отличия, а поверх плеч накинут черный плащ для защиты от ночного холода. Потемкин грустно стоит один во весь свой исполинский рост на пороге своего ярко освещенного дворца и провожает единственным глазом исчезающую в темноте карету. На следующее утро он получает письмецо, в котором Екатерина сердечно благодарит его за приятно проведенный вечер, но добавляет, что сморит на вчерашнее великолепное празднество как на прощальный пир, ибо его, Потемкина, присутствие на театре военных действий, несомненно, необходимее, чем в Петербурге…

Потемкин проиграл игру. Его празднества обошлись в такую огромную сумму денег, что ему пришлось задолжать свыше миллиона рублей. Более того, в его отсутствие старый князь Репнин разбил турок наголову.

Война окончена. Всему конец. Не повидавшись больше с императрицей, Потемкин уезжает в Яссы для ведения мирных переговоров. Никогда еще не приходилось человеку, настроенному столь немиролюбиво, выполнять эту функцию. Обуреваемый неукротимой злобой, с упорством отчаяния, он до того изводит турецких дипломатов своими придирками по совершено второстепенным формальным вопросам, что

возобновление военных действий начинает казаться неизбежным.

Потемкин вообще уже обреченный человек. Знаменитейшие петербургские врачи исследовали его и прописали ему соблюдение строжайшей диеты. Но Потемкин, обычно столь боявшийся смерти, теперь словно ищет ее. Он заказывает обильный обед – не утонченное меню, как в дни своих успехов, а грубую казацкую пищу: солонину с сырыми бураками – как раз то, что ему воспрещено врачами. Затем выпивает несколько литров квасу, усаживается вместе с по собачьи ему преданной Браницкой в свою дорожную коляску и мчится, неизвестно для чего, к Очаковской крепости, которую он так долго осаждал и наконец взял штурмом по приказу Екатерины.

Но он не доезжает до Очакова. Посреди пути ему становится дурно, коляска вынуждена остановиться, на песке расстилается шинель, на которую укладывают больного, и здесь на жалкой проселочной дороге, без врачебной помощи, без напутствия священника, испускает дух самый могущественный человек России. Браницкая закрывает ему глаза.

При вести о смерти Потемкина Екатерина три раза падает в обморок. Приходится пустить ей кровь. "Как могу я заместить такого человека? – пишет она Гримму. – Его прекраснейшим качеством было истинное величие его сердца, его духа и его души. Вот почему мы всегда так хорошо понимали друг друга и могли позволить другим, ничего не понимавшим, болтать сколько им угодно".

К числу таких ничего не понимающих относится и Зубов. Он ревновал Екатерину к Потемкину и продолжает ревновать даже после смерти ненавистного соперника. Он хочет быть для Екатерины всем тем, чем был для нее покойный, она должна давать ему все то, что давала Потемкину, не смеет даже думать об умершем или напоминать о нем другим. Екатерина ассигнует сто тысяч рублей на возведение в Херсоне мавзолея, в котором должны будут покоиться бренные останки основателя этого города. Но Зубов не может снести, чтобы его мертвому сопернику оказаны были такие почести, и безвольная, порабощенная Екатерина подчиняется. Могильный памятник Потемкину возводит не великая Екатерина, которой он был предан душой и телом, которой посвящал все свои помыслы и грезы, для которой творил, вел войны, строил города и с именем которой навеки неразрывно связано его имя, а маленькая Браницкая. И памятник этот маленький, скромный.

Но беспокойство, которым снедаем был Потемкин всю свою жизнь, преследует даже его истлевающее тело. Едва только восходит на престол Павел, как он приказывает выкопать из

земли кости этого ненавистного ему человека и выбросить их в окружавший Петербург ров, "для того, чтобы и следов от него не осталось". Никто не может сказать с уверенностью, что те анонимные кости, которые любимый внук Екатерины Александр впоследствии предал земле в Александро-Невской лавре, являются действительно бренными останками того человека, память о котором – дурная или хорошая, в зависимости от точки зрения – во всяком случае бессмертна.

Глава XIII. Непреодоленный противник

Екатерина составила следующую эпитафию для своего будущего надгробия:

Здесь покоится ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. В четырнадцать лет она приняла троякое решение: понравиться своему супругу, Елизавете и народу. Она не упустила ничего, чтобы добиться в этом отношении успеха. Восемнадцать лет, исполненных скуки и одиночества, побудили ее прочесть много книг. Взойдя на российский престол она приложила все старания к тому, чтобы дать своим подданным счастье, свободу и материальное благополучие. Она легко прощала и никого не ненавидела. Она была снисходительна, любила жизнь, отличалась веселостью нрава, была истинной республиканкой по своим убеждениям и обладала добрым сердцем. Она имела друзей. Работа давалась ей легко. Ей нравились светские развлечения и искусства.

Эта скромная эпитафия вряд ли предназначалась для потомства и не свидетельствует ни о глубоком самоанализе, ни о беспощадной откровенности. Екатерина относится к самой себе с большим благоволением и ложной скромностью. Она словно ничего не знает ни о своих пороках, ни о своих выдающихся дарованиях.

Самым замечательным является в этом скромном автопортрете утверждение об ее истинно-республиканских убеждениях. Екатерина не подозревает, что год спустя после написания этих срок эти ее убеждения подвергнутся испытанию и слова ее окажутся ложью.

Еще Дидро отметил противоречия между либеральными воззрениями Екатерины и ее самодержавным способом правления. Подлинной, искренней демократкой она являлась только в своем дворце.

Она самая мягкая, самая добродушная, самая уютная хозяйка дома, которую себе только можно представить. Вне парадных официальных приемов, которые она всю свою жизнь ненавидит до глубины души, запрещается вставать при ее появлении даже в тех случаях, когда она направляется прямо к сидящему или сама ведет разговор стоя. Партнеры, играющие с нею по вечерам в вист, иногда бросают возмущенно карты на пол, и это не приводит ни к каким иным последствиям, кроме того, что Екатерина начинает призывать окружающих в свидетели того, что

она играла честно.

Известно, что ее теплая, ласковая, сердечная любезность распространялась не только на всех ее друзей и гостей, но и на самых незначительных из ее слуг. Елизавета отпускала своим фрейлинам пощечины, Екатерина даже в тех случаях, когда ей нужна самая незначительная услуга, обращается с ласковой просьбой, вроде – "будьте столь любезны, не откажите подать мою табакерку".

Существуют сотни анекдотов, свидетельствующих о гуманном отношении Екатерины к прислуге. Так, например, однажды она безуспешно звонит несколько раз, потому что ей необходимо отправить срочную депешу, и когда никто не является на ее звон, сама выходит в переднюю и застает там лакеев, увлеченных карточной игрой. Она шепотом предлагает одному из лакеев доиграть за него партию, если он тем временем отнесет ее письмо.

Или другой случай. Она случайно изобличает лакеев в том, что они крадут с ее стола самые ценные фрукты и только говорит им: "Это не должно повторяться. Ну, а теперь ступайте, а то вас поймает гофмейстер!"

Не находится ли все это в связи с ее воззрениями на "права человека", говорит ли в ней философ, уважающий в каждом двуногом существе человека, или просто женщина, которая всегда, во всяком положении, в любом возрасте, по отношению к каждому желает во что бы то ни стало очаровывать?

Она никогда не могла видеть вокруг себя индифферентные, а тем более недовольные лица. Ее потребность в теплоте не уменьшается с годами, равно как и ее женственная способность согревать всех окружающих.

Она не в состоянии, однако, применить эти принципы и по отношению к большой анонимной массе – к народу. Между нею и народом стоят тысячи беззастенчивых эксплуататоров, жадных кровопийц, садистов или просто дураков. Она это знает, она не в состоянии это изменить – и все же относится к народу недоверчиво и подозрительно именно из-за тех черт его характера, которые являются неизбежным последствием того непрестанного гнета, под которым он находится. В таком пессимистическом настроении она получает весть о вспыхнувшей во Франции революции. Ее отношение к этому событию с первого же момента вполне определенно: она относится к нему с большим непониманием и большей враждебностью, чем любой другой европейский монарх. Правда, она раньше всех других, уже при первой вспышке молнии, соображает, с какой стихийной силой разразится надвигающаяся гроза.

Она относится к тому, что происходит во Франции, с отвращением, но с удивительным инстинктом к дальнейшему ходу развивающихся событий. Едва только Людовика XVI лишают титула "Король Франции" и заменяют его титулом "Король французов", как она заявляет: "В конце концов они повесят своего короля на фонаре". Она не в состоянии задержать гибель королевской семьи, хоть и пытается доставить ей, через посредство дочери одного русского банкира, фальшивые паспорта, которые могли бы облегчить бегство.

Едва только падают головы несчастных Капетов, как Екатерина высказывает следующее пророчество:

– Они скоро устанут от своей свободы и тогда сделаются кротки и послушны, как овечки. Но необходим человек, который должен оказаться ловким, мужественным и стоящим значительно выше своих современников и всей своей эпохи. Придет новый Чингисхан.

Екатерина не была пассивной наблюдательницей, которая умеет, находясь в гуще живых событий, оставаться объективной и справедливой, проводить точное различие между величием идеи и несовершенством ее исполнителей, между идеальной целью движения и разнузданными инстинктами движущихся. По своей природе, по всему своему положению она вынуждена принимать немедленно решение и осуществлять вытекающие из него активные последствия. Французская революция для нее в первую очередь политический факт, а в качестве такового является угрозой для легитимистского принципа во всей Европе. А к этому Екатерина особенно восприимчива – должно быть, потому, что она сама узурпатор на престоле.

Только этим и объясняется та почти болезненная раздражительность, с которой она преследует в последние годы своего правления всякое проявление либерализма. Всем проживающим во Франции русским дается приказ немедленно покинуть этот очаг заразы и вернуться на родину. Все проживающие в России французы должны принести присягу в том, что они по своим убеждениям строгие роялисты. Аристократы-эмигранты принимаются с распростертыми объятиями, обходятся казне в два миллиона рублей, и Екатерина вскоре начинает жаловаться:

– Эти люди желают, чтобы им летели жареные голуби в рот. Они большие герои на словах, но в действительности и воды не замутят.

Как бы то ни было, а именно "эти люди" редактируют выходящую по-французски официальную "Петербургскую газету", и она во все большей степени принимает характер периодически

выходящего памфлета, направленного против якобинства.

Но парижские газеты сначала беспрепятственно доставляются их русским подписчикам – эти абоненты почти исключительно русские аристократы, и Екатерина убеждена, что естественное отвращение дворян к господству черни только возрастет под влиянием печатающихся в этих газетах известий о творящемся во Франции. Только после того, как в "Монитер" начинают высмеивать великого князя Павла Петровича, Екатерина подвергает французские газеты строгой цензуре, ибо ей кажется, что подрываются династические чувства в России.

Однако тот номер, в котором напечатаны резкие выпады против нее самой, она пропускает.

– Это касается только меня лично, – говорит она, как если бы ее особа стояла выше абстрактной идеи монарха и не боялась никаких оскорблений.

Екатерина проделала весь путь революционного мышления ее культурных современников – просвещение, гуманизм, либерализм (как проделали его, к слову сказать, и Фридрих Великий, и Иосиф II, которые только умерли прежде, чем для них выяснилась необходимость действовать), до тех пор, пока это являлось, так сказать, частным делом аристократии, теорией, академическими вопросами. Теперь, когда парижская чернь переходит от теории к практике, воплощает мысли в действия, которые не могут не казаться Екатерине преступными, она вступает в весьма бесславную борьбу с печатным словом.

Она, к сожалению, не ограничивается литературной полемикой с Радищевым по поводу его книги "Путешествие из Петербурга в Москву", но и предает его суду, который приговаривает его к смертной казни (заменяемой, впрочем, по высочайшему повелению пожизненным изгнанием).

Еще большим гротеском является дело ее бывшего сотрудника Новикова, приговоренного к пятнадцати годам заключения в Шлиссельбургской крепости за распространение тех "мятежных" писаний, за перевод которых она сама уплачивала ему в свое время ежегодное вознаграждение. Правда, Новиков вместе с тем гроссмейстер московской масонской ложи и глава мартинистов. Екатерина никогда не любила масонов (да и как могла она любить движение, исключавшее женщин?!), она всегда издевалась над ними, видела в них только шарлатанов или дураков, написала три комедии, в которых они выставлялись в самом смешном виде, однако все же презрительно терпела их, как и другие мистические ордена, с которыми масоны поддерживали связь. Но теперь дело приняло иной оборот, и все кажется ей подозрительным. Узнав, что главари якобинцев масоны, все

масоны становятся в ее глазах якобинцами.

Так как некоторые масоны являются в то же время мартинистами, то и мартинисты почитаются якобинцами, ложи их закрываются, типографии уничтожаются, сжигаются сотни подозрительных изданий, и начинает вовсю работать пресловутая Тайная канцелярия, в которой убеждения выясняются при помощи ударов кнута, а свободная мысль топчется ногами.

Вследствие огромного расстояния, отделяющего Россию от Франции, все эти мероприятия кажутся преувеличенными, и страх Екатерины являлся бы совершенно непонятным, не будь тут сознательного маневра. У Екатерины имеются свои особые основания преувеличивать якобинскую опасность. Она не была бы тем, кем всегда являлась в действительности, если бы не усмотрела сразу же во французских событиях всех тех возможностей, из которых удается извлечь выгоды для русской политики.

Франция вышла из состава европейского оркестра, она слишком занята сама собой, и все прочие державы заняты ею. Турция, лишившись своего самого могущественного покровителя, не в состоянии привлечь к себе в этот тревожный момент внимание мира и вынуждена уступить России все северное побережье Черного моря.

Дальнейшим последствием охватившей Францию разрухи является второй, а затем и третий раздел Польши. Между французской революцией и восстанием Польши против русской тирании есть, конечно, известная духовная связь, и Екатерине, во всяком случае, легко обосновать существованием этой связи отправку своих войск в Польшу.

Чем старше становится Екатерина, тем более явно и безудержно выступает наружу ее страсть к расширению своих владений. Она не перестает науськивать Европу на борьбу с Францией. Внезапная смерть австрийского императора, убийство шведского короля Густава являются в ее толковании деяниями якобинцев, и она утверждает, что ее собственной жизни беспрестанно грозит опасность со стороны убийц, подсылаемых ужасным Робеспьером. Она осыпает берлинский двор оскорблениями за то, что он вступает в переговоры "с убийцами и мятежниками", и невероятно негодует по поводу Базельского мира. "Заключать договоры с цареубийцами, – пишет она, – это значит поддерживать мужество новых цареубийц".

Когда Австрия хочет приостановить военные действия против Франции, Екатерина несказанно возмущена и утверждает, что с французами необходимо поступать так, как в свое время поступили ее генералы с разбойничьими шайками Пугачева:

уничтожать всех, кто будет задержан с оружием в руках. Двадцати тысяч казаков достаточно, заявляет она, чтобы образумить мятежников и реставрировать во Франции монархию.

Но она не посылает во Францию ни своих генералов, ни своих казаков. Ей необходимо расправиться с последней вспышкой польского патриотизма, подавить восстание Костюшки. Во имя восстановления порядка ее войска занимают Польшу. Во имя порядка, которого он не умеет поддержать, Станислав понуждается к отречению от престола, во имя порядка Польша исчезает с географической карты в качестве самостоятельного государства.

Вместе с уничтожением Польши получает окончательное решение и курляндский вопрос: Курляндия являлась до той поры ленным владением Польши. Достаточно одного полка, чтобы свергнуть сына покойного Бирона и превратить Курляндию в провинцию России, чем, в сущности, только легализуется то положение, которое де факто существует уже на протяжении тридцати лет.

Все эти территориальные присоединения не обошлись, разумеется, без сложных переговоров с соседними державами – Пруссией и Австрией. Из-за каждой квадратной мили земли торговались вовсю, и так как политические аргументы являются убедительными лишь в том случае, если они поддерживаются штыками, то как Пруссии, так и Австрии пришлось увести немало войск с западного фронта.

Та недоверчивость и подозрительность, с которой относились друг к другу три легитимистские державы при разрешении восточного вопроса, послужили далеко не последней причиной их неудач в борьбе с Францией. Нельзя не отметить следующего, не лишенного внутренней логики, исторического гротеска: Екатерина разжигала борьбу против французской революции с той целью, чтобы ей не мешали завладеть Польшей, но вследствие той зависти, которой не могли не вызвать ее территориальные завоевания в Польше, она ослабила активность реакции, раздробила ее и сыграла, таким образом, роль ангела-покровителя французской революции.

Достигнув шестидесятипятилетнего возраста, Екатерина осуществила программу своего великого вдохновителя Петра: она владеет Балтийским и Черным морями, русские границы продвинуты далеко на запад. Она могла бы удовлетвориться этим и отдохнуть. Но она не в состоянии так поступить. Ни одна из черт ее характера не смягчилась, ничто в ней не утихомирилось, ее честолюбие все еще так же ненасытно.

– Если бы я могла дожить до ста лет, – говорит она

Державину, – то объединила бы всю Европу под русским скипетром. Но я, во всяком случае, не хочу умереть раньше, чем мне удастся прогнать турок из Константинополя, сломать гордыню китайцев и завязать торговые сношения с Индией.

Она ни за что не хочет умереть. Жизнь осуществляла до сих пор все ее желания. Ей кажется, что она не может умереть до тех пор, пока у нее еще есть неисполненные желания. После своих бесчисленных успехов она думает, что может господствовать над таинственными законами судьбы и диктовать свою волю звездам.

Она ненавидит смерть и не хочет думать о ней. Она обладает способностью воспринимать всеми своими фибрами богатство и красоту жизни, любит эту жизнь во всех ее формах. Не обнаруживая ни малейшего затруднения, она справляется с проявлениями старости, преодолевает дефекты своего здоровья. Она любит свою деятельность, пестрое разнообразие которой столь же показательно для ее гениальности, как и та легкость, с которой эта почти универсальная смесь серьезных занятий и любительских забав составляют ее режим дня.

Ее день начинается в шесть часов утра. С той поры, как ей стало нелегко нагибаться и становиться на колени, Екатерина уже не сама растапливает камин, но все еще проводит первые утренние часы одна за своим письменным столом и пишет до тех пор, пока руку не начинает сводить судорога, или до тех пор, пока не притупляются изготовляемые для нее ежедневно два гусиных пера. Она пишет письма своим заграничным друзьям, пишет свои мемуары, политические статьи, комедии. Она пишет с необычайным увлечением, забывая все окружающее, сосредоточенно – как и все, что она делает. Она любит скромничать и называть свое писательство "пороком", но в действительности чрезвычайно высокого мнения о своем таланте.

Настоящая работа начинается по окончании этого писания. Появляются с докладами ее секретари, министры, генералы. В накинутой поверх шлафрока широкой кофте, с чепчиком на голове и очками на носу принимает императрица своих посетителей, приглашает каждого из них сесть, находит для каждого ласковое слово. Она никого не заставляет дожидаться. Она всегда занята, но никогда не суетится, никогда не перегружена работой.

Работает она с короткими перерывами до двух часов дня. Во второй половине дня она читает поступившие депеши и напутствует командируемых курьеров. В промежутках она находит время для того, чтобы переодеться, причесаться, пообедать, поболтать с внуками, почитать книжку, заняться рукоделием, сыграть на бильярде.

Она знает много способов бороться со старостью, и напряженная повседневная работа является одним из этих способов. Вторым является веселость. Екатерина всегда ставила смех чрезвычайно высоко, а с течением времени смех становится одной из составных частей ее мировоззрения. Тот, кто умел ее рассмешить, всегда являлся для нее желанным, и она прощала ему за это множество прегрешений. У нее здоровый, грубоватый, громкий и звонкий смех. Поводы для ее знаменитых взрывов хохота либо совершено невинного, либо совершенно недвусмысленного характера. Она смеется над "Девственницей" Вольтера и над способностью Льва Нарышкина кивать париком. Сама она умеет шевелить правым ухом и чрезвычайно этим гордится.

Случаи посмеяться представляются ей очень часто, опотому что в этом отношении она остается до старости столь же мало претенциозна, как ребенок. На интимных вечеринках в Эрмитаже, которые устраиваются в последние годы жизни Екатерины чуть ли не ежедневно, участники переодеваются, играют в фанты. Детская невинность ; этой игры в фанты прямо поразительна: проигравший должен выпить залпом большой стакан воды, или про-1 декламировать несколько строф из "Телемахиды", или громко зевнуть. Иногда самой матушке-императрице приходится сесть на пол, чтобы выкупить свой фант. И над всем этим Екатерина в состоянии искренно хохотать, хохотать до болей в животе.

Чем старше становится она, тем более страстно любит детей и притом не только детей царской семьи. Она воспитывает около полудюжины чужих детей, и все они находятся в непосредственной близости к ней, так что она может в любой момент прервать свою работу и в течение некоторого времени забавляться с ними.

Она любит животных и в особенности собак. В свое время она получила в подарок от своего английского врача Дисделя пару борзых, которые живут в ее комнате, плодятся и кладут начало знаменитой породе русских борзых. Екатерина лично о них заботится, ухаживает за ними, поднимается из-за письменного стола, чтобы открыть дверь и выпустить собаку в сад, следит с величайшим вниманием и интересом за особенностями характера щенят. Когда она гуляет по парку в Царском Селе, ее всегда сопровождают собаки, и во время приступов хандры и разочарования в людях собаки примиряют ее с мирозданием.

Она воспитывает также белочку-альбиноса, кормит ее орехами. Она восторгается всеми движениями подаренного ей Потемкиным "прелестнейшего, самого веселого и ласкового из

всех котов". У нее есть обезьянка, ужимки которой способны развеселить ее в самые мрачные минуты. Каждое утро ровно в десять часов раскрывает она окно, и кормит сотни полуголодных ворон крошками хлеба.

Она любит также растения. Каждую весну ею овладевает "плантомания", страсть сажать цветы, разбивать новые сады. Бьющая через край любовь ко всем слабым молчаливым созданиям избавляет императрицу от любых приступов ипохондрии и связывает ее тысячью нитей с миром.

Можно любить жизнь на тысячу ладов, но Екатерина, особенно с того времени, как постарела, любит ее на все лады сразу. Она ухватывается за тихие, мудрые радости зрелого возраста, но не отказывается также ни от одной из уже часто испытанных всепоглощающих радостей юности. Никогда еще не была она так слепо, так безумно влюблена, как именно теперь, когда ей приходится закрывать глаза на приобретенную с годами житейскую умудренность для того, чтобы предаваться безумию своего молодого сердца.

Но безумие обходится старости гораздо дороже, нежели молодости. Это самое собою понятно. Если шестидесятисемилетняя старуха влюблена, как подросток, то она не может платить за испытываемое счастье только глубиною своего чувства. Императрица России довольно богата для того, чтобы покупать себе не только счастье, но и иллюзию того, будто оно доставляется бесплатно. Но эта иллюзия обходится недешево.

Платон Зубов требователен, ему нужны не подарки, а власть и влияние на все дела, он требует всего того, чем обладал Потемкин, и даже больше. И все, чего он хочет, Екатерина ему дает, дает не только потому, что не в силах отказать из-за своей влюбленности. Она хочет сама себя уговорить в том, что Зубов гений, великий человек, которого она лишь по заслугам выдвигает и чья любовь является не вынужденной платой, а свободным даром чувств. Она может с гордостью утверждать, что не дает ему денег: он берет их непосредственно из государственной казны и тратит на протяжении семи лет больше, чем потратил Потемкин за двадцать лет.

"Дитя" – Зубов легко мог бы быть внуком Екатерины – совмещает тринадцать ответственных постов. Не приняв участия ни в одном сражении, не будучи даже когда-либо участником похода, он состоит генерал-инспектором всей армии, не имея представления о вновь приобретенных русских провинциях, он состоит их губернатором, не обладая ни опытом, ни надлежащими познаниями, ни подготовкой, он управляет всевозможными сложнейшими делами, свергает и назначает

министров.

Он является абсолютным господином абсолютной монархии – он правит Россией. При этом он не отличается ни одним из тех качеств, которые, по мнению самой Екатерины, оправдывают абсолютизм. В основе своей он, вероятно, не хуже и не лучше тысячи других: просто посредственный офицер, не отвечающий высоким моральным требованиям власти. Совершенно естественно, что он старается подкрепить свое положение, которым он обязан не личным заслугам, такими друзьями, у которых, в свою очередь, нет других заслуг, кроме слепой преданности ему.

Через несколько лет все важные посты в государстве заняты креатурами Зубова: услужливыми податливыми людьми, громко поющими ему хвалу и обогащающимися без зазрения совести. Коррупция, взяточничество, казнокрадство со стороны высших должностных лиц, являвшиеся до сих пор трудно устранимым непорядком, становятся при Зубове нормальным русским порядком.

"Я не знаю никого, кто бы в твоем возрасте обнаружил больше способностей", – пишет Екатерина "маленькому чернушке" – и она верит в это. Она слепа, когда дело касается недостатков или ошибок Зубова. А кто осмелится раскрыть ей глаза? Для кого репутация императрицы и благо государства стоят выше личной выгоды?

Давно уже все те немногие, которые решились выступить против Зубова, лишены своих должностей и удалены от двора. Те, кто верит в лучшее будущее, объединились вокруг завтрашнего императора, вокруг великого князя Павла, и уже по одной этой причине ненавистны и подозрительны императрице Екатерине. Она окружена людьми, которые, частью чтобы угодить Зубову, частью любовно щадя ее покой, беспрестанно заверяют ее, что в России все обстоит лучше, чем когда бы то ни было.

Но она все же могла бы кое-что увидеть, если б захотела посмотреть. Она могла бы, например, спросить, как это возможно, что чиновники, получающие только несколько сот рублей жалованья в месяц, строят себе в Петербурге великолепные дома, и если бы она захотела расследовать это обстоятельство, то убедилась бы, что это все такие чиновники, которые управляют кассой какого-нибудь ведомства. Но она не спрашивает. Она радуется росту своей столицы и усматривает в этом признак здорового роста народного благосостояния. Она верит, потому что эта вера необходима для полноты ее счастья.

Никогда еще не жаждала она так счастья. Никогда не обнаруживала такой беспрекословной готовности отдать все, все

за радость мгновенья, за удовольствие сладострастного порыва, как именно теперь, когда ослабевающее зрение, затмения памяти, внезапные перебои сердца напоминают ей о ненавистном возрасте, о неизбежной смерти. Жить! Она хочет жить десятью жизнями, тысячью жизней!

Когда ледяной холодок вечного одиночества пробегает по ее спине, то ни дети, ни собачки, ни птицы и ни даже мысль о ее посмертной славе не согревают текущую по ее хрупким сосудам кровь. Ее кровь, давно уже больная, все еще дика и легковозбудима. Разве это старость, если все существо ее содрогается до самых глубин от юношеских поцелуев, содрогается страстнее даже, чем в юные любовные ночи? Разве можно умереть, если умеешь ощущать, воспринимать всеми чувствами, вдыхать жизнь в самых ее жизненных проявлениях?

Екатерина никогда не была распутной. Она имела дюжину любовных связей, но с каждым, в то время как длилась связь, поддерживала нечто вроде единобрачия. Еще пять лет тому назад она чрезвычайно резко осадила во время крымской поездки графа Сегюра за то, что тот позволил себе продекламировать в ее присутствии легкомысленное стихотворение, которое беспрепятственно декламировалось в Версале. Теперь она устроила себе подле спальни тайный кабинет, все стены которого, от потолка до пола, увешаны миниатюрами скабрезного содержания. Старости необходимы более острые возбуждения, и Платон Зубов умеет воспламенять ненасытную кровь своей престарелой повелительницы все новыми развлечениями. Он организует в тайном кабинете сеансы группового секса, брат его Валерьян, его друг Петр Салтыков и несколько дам из непосредственного окружения императрицы принимают участие в этих оргиях, пьют сообща из отравленного источника юности, в котором ярко накрашенные губы старухи надеются найти обновление, но который в действительности только ускоряет ее гибель.

Любовная страсть толстой беззубой старухи производит тягостное впечатление – независимо от соображений морального и эстетического свойства – в первую очередь тем, что она воспринимается как нечто "неестественное". Так же относились к этому вопросу и современники Екатерины. Более того, они называли это "неестественное" – как и все, что им вообще являлось непонятным в женщине – истерией.

Принимая во внимание совершенно здоровое, ясное и бодрое душевное состояние, которое Екатерина сохраняла вплоть до своей смерти, мы не можем присоединиться к такому диагнозу. Да мы и не хотим удовлетвориться тем, чтобы рассматривать

несомненно редкую по своей живучести сексуальность Екатерины как изолированный феномен, как нечто совершенно независимое от ее во всех прочих отношениях вполне нормальной натуры хотя бы потому, что она сама всегда ощущала неизменную интенсивность своих инстинктов не как нечто мешающее, а наоборот, как не1:, го живительное, подбадривающее. Все, что она делала, она испытывала как нечто совершенно "естественное".

Как бы бурно ни провела она ночь, она встает ровно в шесть часов утра и садится за работу. Когда после долгого писания Екатерина уже ощущает судорогу в руке, Платон Зубов еще покоится сладким сном и ни один из высокопоставленных сановников, дежурящих с раннего утра у его двери, не осмелился бы нарушить покой всесильного фаворита. Старые заслуженные люди соперничают за честь собственноручно сварить ему его утренний кофе и принести к постели: за эту услугу они далеко не всегда удостаиваются даже приветствия, не говоря уже о благодарности.

Когда этот молодой стройный юноша откидывает шелковое одеяло и надевает на себя шелковый халат, двери уборной широко распахиваются, и пока парикмахер расчесывает и пудрит роскошные темно-русые волосы Платона Зубова, его окружает ряд почтительных посетителей, дожидающихся сплошь да радом месяцами того момента, когда он обратится к ним и осведомится о причине их посещения. Многие являются по утрам и без какой-либо специальной надобности, просто для того, чтобы присутствовать при торжественном начале дня фаворита, в надежде остаться у него в памяти. С бесстыдной заносчивостью этого самого дорогого альфонса всех времен может конкурировать только бесстыдное низкопоклонство лизоблюдов.

У Зубова есть обезьянка, которой доставляет особое удовольствие дергать посетителей за их напудренные парики: никто не только не осмеливается каким-нибудь движением остановить разыгравшегося зверька, но многие даже стараются обратить на себя внимание особенно высокой прической и удостоиться в награду за это высокомерной усмешкой Зубова.

Это все тоже принадлежит к числу тех вещей, о которых Екатерина ничего не знает. В то время как она борется с французской революцией, в то время как она старается очистить легитимистскую идею от шлаков тех злоупотреблений, которые стоили высокомерным Бурбонам трона, – в ее собственном дворце ее собственный возлюбленный делает все для того, чтобы затмить примеры Помпадур и Дюбарри, дискредитировать своими бабьими капризами, своей низменной заносчивостью, своим безграничным непотизмом и своей абсолютной неспособностью

вести поручаемые ему дела – все правление Екатерины, разрушить все то, над созданием чего она работает с таким неусыпным прилежанием.

Несмотря на все завоевания, несмотря на конфискацию богатейших польских поместий, государственная казна находится в очень печальном положении. Зубов поручает одному специалисту выработать план погашения государственных долгов и собственноручно переписывает его от первой строки до последней, чтобы создать видимость того, будто он является автором. Зато Зубову удается без особого труда уговорить Екатерину начать войну против Персии. Завидуя лаврам Потемкина, он замыслил грандиозный план: занять всю страну вплоть до Тибета и затем нанести с востока решительный удар по Турции.

Русским действительно удается овладеть Бакинской областью, значение которой обнаружилось лишь гораздо позднее, когда выяснилось, какую важную роль в современной экономической жизни играет нефть. Но после этого удачного начала поход приходится остановить, потому что войска находятся в состоянии полнейшего развала. Огромные суммы, ассигнованные на содержание войск, прилипли ко всевозможным грязным рукам. Зубов стал Крезом, его генералы – миллионерами, каждый командир полка – богатым человеком, а солдаты недоедают, ходят в лохмотьях, артиллерийские склады пусты. Осуществление заветной мечты Екатерины о завоевании Турции приходится снова отложить.

Ее заветный миролюбивый план – сочетание ее внучки браком с молодым шведским королем – тоже терпит крушение из-за неловкости Зубова. Вопрос о различии вероисповеданий представляет, конечно, известные трудности, которые, однако, можно было бы преодолеть путем откровенных переговоров. Зубов предпочитает пуститься на жалкий маневр, достойный только маленького маклера: он предоставляет каждой стороне пребывать в убеждении, что дело наладится в соответствии с ее желаниями, и в последний момент, когда весь двор во главе с Екатериной уже собрался для торжественного празднования помолвки, представляет будущему жениху на подпись договор, текст которого учитывает исключительно русские интересы.

Зубов убежден, что несовершеннолетний юноша не посмеет оскорбить могущественную российскую императрицу. Будучи постоянно окружен льстецами и подхалимами, он уже давно не видел настоящего мужчины. Король Густав поступает как мужчина – он отказывается подписать договор. После напрасного трехчасового ожидания совершенно растерявшееся придворное

общество вынуждено разойтись.

Екатерине приходилось иногда терпеть поражения, но никогда еще с момента своего восшествия на престол ей не случалось испытать такого личного унижения. Ей необходимо собрать всю свою гордость, чтобы скрыть перед окружающими всю глубину перенесенной обиды. Но она не ставит этого в вину Зубову. Она ему все прощает. Он ведь еще так молод, он еще научится у нее всему необходимому. Она убеждена в том, что воспитывает его – в действительности же она только портит его. Кроме того, она уверена в том, что у нее впереди есть достаточно времени, по меньшей мере еще двадцать лет. Ей ведь еще столько предстоит совершить, и смерть не посмеет помешать. Она убеждена в том, что стоит с Провидением на дружеской ноге. Всевышний не потерпит, чтобы она умерла, не выполнив всего, к чему она призвана.

В первую очередь необходимо урегулировать вопрос о престолонаследии. Екатерина хорошо знает своего сына. Как мать она должна бы относиться снисходительно к его недостаткам, но как императрица она видит только те ужасные опасности, которые угрожают России под скипетром обладающего недюжинными способностями, но патологического монарха. Павел не должен получить корону, трон должен перейти сразу к ее внуку Александру.

Но в данный момент трудно еще издать какое-нибудь распоряжение по этому вопросу. Разве может глава легитимистов напомнить целому миру мятежников о том, что она сама узурпаторша? Разве может она, на протяжении всех последних лет неизменно говорившая о "священных правах законного монарха", путем насильственного акта нарушить в своей стране законный порядок престолонаследия? Сейчас весьма неподходящий момент для того, чтобы касаться сомнительной хроники российской династии.

Екатерина убеждена, что у нее еще достаточно времени впереди. Французская авантюра закончится, и она, со своей стороны, сделает для этого все возможное. Ее голос звучит теперь в европейском мире опять особенно внушительно, и она призывает к новой коалиции, привлекает Англию, Пруссию и Австрию, обещает послать армию в сто пятьдесят тысяч человек в очаг заразы, грозит, что при малейшей попытке пойти на соглашение с нацией мятежников закроет свои границы и порвет дипломатические отношения со всей Европой. Она чувствует себя достаточно могущественной, чтобы бросить вызов всему континенту. Она считает себя призванной спасти этот континент, спасти его и господствовать над ним.

В декабре ее войска должны выступить в поход. Во всей стране лихорадочно готовятся к войне, снаряжаются, от каждой тысячи населения призывается в армию один человек. Солдаты уже движутся мощным потоком через беспредельные степи к русской западной границе. Суворов, истинный победитель турецкой войны, горит желанием померяться силами с тем корсиканским генералом, чье имя вот уже несколько месяцев вызывает насмешки, злобу или восхищение Европы.

Суворов очень религиозен. Он молится Казанской Божией Матери и своей матушке Екатерине. Он целует ее изображения повсюду, где их находит, например на миниатюрных портретах, которые носят на груди все придворные дамы. Когда он посещает императрицу, он склоняется до самой земли сначала перед иконой Божией Матери, а потом перед Екатериной. Он уже несколько лет мечтает о том, чтобы сразиться с французами. Каждое из его писем к императрице заканчивается словами: "Матушка, дозволь мне выступить против французов".

Суворов чудак, но он гениальный полководец. Никто не может сказать, каких успехов ему удалось бы добиться, если бы ему в то время действительно разрешили выступить против Наполеона. Но судьба не захотела этого. В тот день, когда в Петербург доходит известие о победе Наполеона под Арколе, 16 ноября 1796 года, Екатерина умирает.

Она умирает счастливейшей смертью, когда-либо выпавшей на долю русского монарха, – умирает со смеху! Да, да, непосредственной причиной ее смерти является припадок невинного беззаботного смеха. Льву Нарышкину приходит в голову переодеться коробейником и продавать императрице в Малом Эрмитаже всякие игрушки и мелочи. Это вызывает у Екатерины такой приступ хохота (как раз накануне выступления ее войск в поход против Франции), что у нее начинаются колики, и она, опираясь на руки Платона Зубова, вынуждена несколько ранее обычного пойти спать.

На следующее утро Екатерина еще имеет случай порадоваться известию о поражении французского генерала Моро, и она отправляет по этому поводу шутливую поздравительную депешу в Вену. Несколько минут спустя она падает без сознания со своего стульчика. Ее сердце бьется еще 36 часов – по одному часу за каждый год ее правления. Она не приходит в сознание и не ощущает своей агонии. Зубов закрывает ей глаза.

Все знавшие ее лично – ее многочисленные друзья, сотрудники, лакеи и камеристки – горько плачут. По ту сторону российской границы короли и мятежники облегченно вздыхают:

она вызывала чувство зависти у первых и чувство страха у вторых. Только русский народ относится к ее смерти вполне равнодушно. Она была доброй матушкой в своем дворце и гениальным завоевателем на троне. Но народу не было ни малейшей выгоды ни от ее доброты, ни от ее завоеваний.

В том была не ее вина. Она желала добра и свершила то, что было возможно. Ее противником была эпоха – эпоха, которая еще не созрела. Обстоятельства оказались сильнее ее – в этом заключалась ее слабость. Она поняла, как складываются обстоятельства, и подчинилась им – в этом заключалось ее величие.

Многие из ее современников оказали на будущее больше влияния, чем она, но ни один из них не относился с такой определенной положительностью к настоящему. Она не оставила по себе ни одной производящей переворот идеи, ее завоевания по большей части сошли на нет, ее писания подверглись забвению.

Все ее мысли, поступки и слова являются единственными в своем роде только в живой связи с ее личностью, с этой удивительной женской фигурой, которая, являя собой неповторимую смесь ума и доброты, пламени и сладострастия, гениальности и счастья, олицетворяет вечную мечту человечества.